

**АРЕАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЯЗЫКОЗНАНИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Тезисы

Уфа - 1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
БАШКИРСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТЕЗИСЫ ПЯТОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА ТЕМУ
"ПРОБЛЕМЫ АТЛАСНОЙ КАРТОГРАФИИ"
УФА, 28-30 января 1985 г.

Уфа - 1985

Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы.

Р е д к о л л е г и я :

Доктор филол. наук М.А.Бородина, доктор географических наук С.И.Брук (отв. ред.), доктор историч. наук Р.Г.Кузеев, канд. историч. наук А.М.Решетов, канд. филол. наук Н.Л.Сухачев, доктор филол. наук Н.И.Толстой, доктор филол. наук З.Г.Ураксин •

© БАН СССР, 1985 г.

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

(ЖИВОТНОВОДЧЕСКИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ)

А.Г. Агаев (Баку)

Работа над "Диалектологическим атласом азербайджанского языка", состоящим из 128 карт, была закончена в 1975 г. В атласе нашел отражение материал, собранный в 409 населенных пунктах Азербайджанской ССР. В каждом районе было обследовано 7-8 населенных пунктов, расстояние между которыми составляло 8-10 км. В программе атласа особое место отводится лексическим материалам; больше всего внимания уделяется животноводческим и земледельческим терминам.

Лексический материал в программе разделен на три группы, с тем, чтобы облегчить получение ответа на соответствующий вопрос.

1. Как это у вас называется? Например: Как у вас называется население, которое занимается животноводством и кочует летом и осенью на летние и зимние пастбища? В диалектах и говорах азербайджанского языка зарегистрировано 7 слов для выражения этого понятия, каждое из которых имеет несколько фонетических вариантов. Еще один пример вопроса: "Как у вас называется хам дёр - пустырь, целина?" Для выражения этого понятия используется 21 слово в различных фонетических вариациях.

2. Какие из этих слов у вас употребляются? Например, в программе имелось 5 слов, выражающих понятие гаргндали (кукуруза) и 2 слова со значением вафши гоч (дикий баран). А в собранном материале данные понятия выражаются соответственно 9 и 15 словами.

3. Употребляется ли у вас это слово и в каких значениях? Например: јаан - чел "степь, поле"?, сәһра "пустыня"? Слово јаан, архаичное для литературного языка, в некоторых из диалектов зарегистрировано не как отдельное слово, а как компонент сложного слова (агјаан "название леса", гарајаан "название леса", јаанпишији "дикая кошка", јаанмарали "дикий олень").

При картографировании использовалась расцветка и значки. Литературное слово, как правило, отмечалось черным кружком. Если употребляются и литературная и диалектные формы, за основу

берется диалектизм. Литературное слово приводится только когда отсутствует его диалектная форма. Фонетические варианты не отражены на карте, они отмечаются в комментарии. Например, только слова гаргыдали "кукурува" и дошан баласы "айчоноң" имеют соответственно 30 и 32 фонетических варианта. Они отмечаются на соответствующей карте одним и тем же знаком, а в комментарии перечисляются их фонетические варианты.

О СБОРЕ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ДАТЯ

А.Г. Агаев, Н.Х. Мамедов (Баку)

Работа над Диалектологическим атласом тюркских языков в СССР (ДАТЯ) завершилась в 1980 г. Атлас составлен на материале, собранном в 146 пунктах. Первоначально был подготовлен Вопросник, состоящий из четырех разделов: фонетика, морфология, лексика и семантика. Каждый раздел имеет свои специфические особенности, которым при сборе материалов было уделено особое внимание.

Естественно, в Вопроснике даны методические указания, которыми может воспользоваться диалектолог при сборе материала. Однако в ходе работы мы нередко сталкиваемся с некоторыми трудностями, требующими решения. Диалектолог может использовать различные приемы для сбора материала: можно задавать прямой вопрос на родном языке с указанием на предмет или его изображение, вести тематическую беседу, записывать текст и т.д. Многие также зависят от выбора информанта. Надо обратить особое внимание на принадлежность информанта к данной локальной группе. Сбор материалов является удачным лишь тогда, когда информант бывает или беглограмотным или же малограмотным. Произношение информанта должно быть ясным и четким. Количество информантов должно быть не менее трех человек.

Диалектолог, задавая вопросы информанту, не должен называть предмет, название которого необходимо выяснить. Надо избегать вопросов типа: "Как у вас говорят: чанавар или гурд (волк)!" Следует обращаться к информанту приблизительно так: "Как у вас называется хищник, похожий на собаку, который нападает на животных?". Или же можно задать вопрос: "Названия каких хищных животных вы знаете? Каков из этих животных похоже на собаку?"

и т.д. Если информант владеет другим языком, к примеру русским, то можно слово назвать на русском языке.

При сборе лексического материала диалектолог должен стараться выявить и синонимы, лексические дублиеты слова. Здесь особое внимание надо уделять фонетическим вариантам слов. Например, в ДАТЯ слова кеча "войлок" в зоне А (гаг., к.-бал., ног., кум., азерб. языки) наблюдаются 3 слова в разных фонетических вариантах; слово дог - "рождаться" передается одним словом, но при этом имеет шесть фонетических вариантов; слово буиуа "рог" имеет 12, а слово оумук "кость" - 10 фонетических вариантов.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВАРГАНА У НАРОДОВ СССР

И. Е. Алексеев (Якутск)

Варган, древний музыкальный инструмент, имеет широкое распространение в нашей стране. В традиционной классификации по системе Э.Хорнбостеля и К.Закса варган входит в группу самозвучащих инструментов (идиофонов). По данным Р.Галайской варганы распространены (или были распространены прежде) по всем окраинам страны, однако в настоящее время выходят из употребления.

Несмотря на то, что у многих народов варган стал редкостью, он получает широкое бытование как вид музыкального фольклора. В ряде республик (Киргизия, Тува, Якутия) он получил уже большую популярность, в других республиках (Казахстан, Туркмения, Башкирия, Эстония) - восстанавливается. Возрождается варган также в Сибири и на Дальнем Востоке.

В появлении фольклорной музыки на варгане немаловажную роль играет взаимовлияние музыкальной культуры различных народов. Выступления хомусистов (варганистов) Киргизии, Якутии, Тувы на всесоюзной арене способствовало поискам забытых уже варганов у казахов, русских, эстонцев и др. В результате шансон-бные казахов вошел в состав встрадного и народного оркестров, продолжают поиски русского варгана.

Профессионально стал звучать варган у киргизов, тувинцев, якутов. Создаются большие произведения, а также произведения для хомуса с народным или симфоническим оркестром, выпускаются грампластинки с записями варганной музыки. Совершенствуется ис-

полнительское мастерство, оттачиваются приемы игры на варгане, создаются студии, призванные передать из поколения в поколение основы музыкальной устной традиции. Варган в нашей стране приобрел новое содержание, и во многих республиках восстановлен прочно.

РАННИЕ СЛАВЯНСКИЕ МИГРАЦИИ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.Н. Анфертьев (Ленинград)

Проблема соотношения археологической культуры и этнолингвистической общности не имеет универсального решения и должна в каждом случае обсуждаться применительно к конкретным условиям. В частности, есть серьезные основания полагать, что процесс распространения культуры пражского типа отражает действительные миграции носителей славянской речи (И.П. Русанова и др.).

Выделяемая Ю. Удольфом зона древнейших славянских гидронимов (Северные склоны Карпат) хорошо согласуется с данными Иордана (т.е. той карты мира, к которой, в конечном счете, восходит его информация). Известные наблюдения над славянскими диалектами (В.М. Иллич-Свитич и его последователи) также указывают на особую роль Карпат для периода расселения славян. Это не означает, однако, что северные склоны Карпат и прилегающая к ним зона была "прародиной" славян. Сохранение архаичных гидронимов в этом ареале следует, скорее, воспринимать как свидетельство миграции на незаселенные или слабозаселенные земли, где в дальнейшем сохранялось сравнительно однородное славянское население. Такое понимание находит, как будто, соответствия в археологическом материале.

Самые ранние памятники пражского типа (Кодны и т.п.) группируются в ареале, непосредственно прилегающем с востока к ареалу, выделяемому Удольфом. Речь идет о Буковине и бассейне Днестра к северу от нее. Если бы удалось показать для этой культуры местные корни, восходящие ко времени ранее IV в., пласт восточногерманских ("готских") заимствований в общеславянском языке получил бы естественное и надежное ареальное объяснение. В более глубокой перспективе приходится думать о приходе носителей

славянской речи с какой-то территории, расположенной восточнее границы произрастания бука, причем не ранее появления в Прикарпатье восточных германцев, у которых было заимствовано название этого дерева и производные слова.

Основные миграции носителей культуры пражского типа относятся к VI-VII вв., хотя движение на северо-запад, вероятно, происходило и в V в. В последнее время делаются новые попытки обнаружить в письменных источниках доказательства пребывания славян в Подунавье (и даже в правобережье Дуная) ранее VI в. (Л.А.Гиндин и др.). Эти построения, однако, крайне ненадежны как с источниковедческой, так и с лингвистической точек зрения и находятся в разительном противоречии с данными археологии.

Восстановление в общих чертах хода ранних славянских миграций должно вестись на основании данных всех видов источников и при условии их надежной локализации и стратификации во времени и пространстве. В таком случае задача эта представляется выполнимой.

АТЛАС ОХОТНИЧЬЕЙ ЛЕКСИКИ

Г.Л. Аркушин (Киверцы)

Лексика охотников одна из самых древних. Некоторые лексемы восходят к временам общеславянского единства. Для исследования охотничьей лексики взяты западнopoлесские говоры Украины. При опросе обращается внимание и на этнографическую сторону: поверья охотников, рассказы об охоте, анекдоты, были.

Все собранные материалы намечено картографировать. "Атлас охотничьей лексики" будет включать в основном лингвистические карты. Некоторые лексемы образуют сплошной ареал на всей территории западного Полесья Украины (например: по́нoва "свежий снег, по которому охотники хорошо "читают" следы зверя"). Но в то же время для обозначения одного и того же предмета или действия в говорах употребляются различные лексические единицы. Так, для названия ледяной корки на снегу, по которой охотничьи собаки не могут идти, употребляются такие лексемы: льодо́вица, верхо́льоди́ця, голо́льоди́ця, голо́льоди́ница, льохольодни́ця, голо́щo-ком, голо́льод, голо́лiд, шорох, шром, хрaпa, хрaпoвник, шерiш, шерiш, шерен, шерень.

В Атласе будут представлены и этнографические карты. Например, на большей части исследуемой территории охотники утверждают, что есть ружье, которое не убивает зверя, а только ранит - живить, то есть даст зверю жить. На северо-востоке исследуемой территории глагол свѣдѣть.

Предусмотрены семантические карты. Так, например, лексема кѹбах в говорах имеет значение (1) "гнездо птицы", (2) "место, где спал зверь", (3) "часть печи", (4) "кулек из бумаги", (5) "кружка", (6) "лук, посаженный на семена". Такие карты намечаются для слов: ковед, коза, лисица и др. Наряду с этим будут и синтетические комбинированные карты. Материал для Атласа был собран в 150 пунктах западного Полесья Украины (Волинская и Ровенская области УССР и юг Брестской области БССР).

ОБ АТЛАСЕ ТУРКСКИХ ЯЗЫКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Л.Ш. Арсланов (Елабуга)

Атлас охватывает территорию Астраханской, Волгоградской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР и ставит перед собой задачу проследить распространение отдельных явлений, показать и интерпретировать результаты языковых контактов на данной территории. Атлас составлен на основе "Программы по сборанию материалов для диалектологического атласа татарского языка" (Казань, 1959) и "Вопросника Диалектологического атласа тюркских языков СССР" (М., 1969); использовался также опыт создания "Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы".

Атлас включает 36 фонетических, 48 морфологических и 126 лексических карт. Материал собирался в 31 населенном пункте. Карты Атласа выполнены в цвете. В комментариях к картам (76 стр. машинописи) дополняется и уточняется материал, необходимый для понимания карты. Для большей конкретности и наглядности в отдельных случаях приводится материал, который не подвергался картографированию, например, предполагается полная парадигма именного и глагольного словоизменения и т.д.

Атлас является первым опытом регионального атласа. Поэтому

полезным и целесообразным считаем составление в будущем атласа торжеских явнков Нижнего Поволжья и Ставропольского края, охватывающего широкий круг лексики по тематическому принципу, что пролило бы свет на ряд нерешенных вопросов явнковых контактов, на историю и материальную культуру рассматриваемых этнических групп (казанских татар и мишарей, астраханских ногайцев: карагашей, ортовцев и алабугатцев).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО ПЕЧЕНЬЯ УКРАИНЦЕВ (К ПРОБЛЕМЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ)

Л. Ф. Артох (Киев)

Картографирование украинской свадебной пищи, в частности главного свадебного хлеба (каравай, калач), а также свадебного печенья средних и малых форм (верч, струцель, лежень, дивень, шишка, гуска, короваец, черепіець, жемна, стулень, вовулька, баранчик, колачик, барило, борона, гребінь и т.д.), предполагает прежде всего разработку их типологии. Свадебный хлеб, как и другие атрибуты обряда, можно отнести к "промежуточным" между материальной и духовной формами культуры, которые тесно вплетаются в его структурную схему.

Свадебный хлеб являет собой многофункциональный объект, имеющий высокий знаковый смысл: он символизирует скрепление брачных уз молодых, объединение двух ранее чужих семей в родственные, изменение половоарестного статуса жениха и невесты, узаконивает патрилокальное поселение молодых и т.п.

При этом следует учитывать характер его функционирования в обрядовой схеме, т.е. с какой целью изготавливается каравай (калач, шишка и т.п.) и каково их непосредственное ритуальное предназначение (одаривание всех свадебных гостей, одаривание всех свадебных гостей с взаимным одариванием молодых, одаривание посаженных родителей, одаривание крестных родителей, одаривание родителей молодых, одаривание каравайниц, одаривание музкантов), а также его употребление (при сватаньи, при приглашении на свадьбу, при расплетении косы невесте, при переходе невесты в новую семью, при встрече молодых после заключения брака и т.д.).

Существенными позициями являются также: у кого из молодых изготавливается печенье и какие лица входят в ритуал изготовле-

ния (каравайницы; кухарки; родственницы, в том числе матери молодых; чужие; замужние, незамужние женщины), где изготавливается каравай и другое печенье (в домах молодых, в домах каравайниц, у свадебных гостей), в какой день происходит ритуал изготовления караваля.

Для сопоставимости материала особую значимость представляет форма свадебного хлеба (круглый, овальный, квадратный, спиралевидный, S-образный; наличие или отсутствие отверстия посередине; плетеный или цельный), а также наличие/отсутствие украшений (из теста, ягод, цветов, зелени, веток, камышинок, колосьев) и запекаемых внутрь предметов (верно, яйца, сыр, монеты).

Важным признаком типологической градации является наличие местного народного названия предмета (коровай, короваль, коровай; кслач, верч, лежень и т.п.), которое соотносится с реальей.

Первичная классификация создает блок тематических карт, объединенных сюжетно, с развитыми легендами, где наиболее широко дифференцированные признаки осознаются носителями культуры как наиболее значимые. При этом учитывается различие форм и народных названий при естественном функциональном сходстве тех предметов, которые сходно интерпретируются в ритуале. Каждый из отдельно взятых параметров не является типологически определяющим и "работает" только в комплексе.

Картографирование проводится на два хронологических периода (конец XIX - начало XX в. и 60-е-80-е гг. XX в.). Диахронный анализ позволяет не столько фиксировать наличие различных вариантов свадебного хлеба в их ареальном членении, сколько степень изменения явления в процессе его развития.

Анализ первичных карт обнаруживает различие в активности ряда типологических показателей для пространственно-дифференцирующего среза явлений. Ряд показателей дает более дробное ареальное членение территории Украины (форма хлеба, украшения), другие выявляют более обобщенную ареальную прикреплённость (свадебный хлеб, хлеб при "воставах" и т.п.). Эти данные могут быть использованы для дальнейшего углубления в вопросы этнической истории и в этногенетических исследованиях.

БАШКИРСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ "МАКЛАШКА"
И ЕЕ АРЕАЛЬНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Л. П. Атанова (Уфа)

В башкирском музикальном фольклоре имеется особая группа песен с текстами на русском языке. Такие песни возникали и бытовали преимущественно среди башкир-солдат и тех, кто уходил на промыслы, прииски, рудники, составляя особую социальную прослойку "аимогоров". Солдатские песни с русскими текстами порождены специфическими социально-экономическими условиями, сложившимися в Башкирии к концу XVIII в. Песня "Маклашка" возникла в 1820-е гг. среди башкир, служивших в так наз. рабочих командах. Н. Г. Залесов, описывая условия труда и быта этих команд, приводит текст башкирской песни, которую, по его словам, знал весь Оренбург. Песня "Маклашка" была популярна не только в Оренбуржье, знали ее и в Казани.

В 1853-1856 гг. армянский композитор Геворг Додохьян переработал услышанную им башкирскую мелодию и создал песню "Цицерник" ("Ласточка"). Так произошла метаморфоза напева "Маклашки" - "Ласточка" стала любимой песней армянского народа.

Родившись в солдатской среде, "Маклашка" не стала у башкир общенародной песней, но она продолжала жить там, где тесно общались башкиры, татары, русские. Нотная запись песни "Маклашка" обнаружена в сборнике "Песни сибирских каторжан, бродяг и инородцев" (В. Г. Гартевельд - конец XIX в.).

В предреволюционный период мелодия "Маклашки" начинает новую жизнь как студенческая революционная песня "Сон сфинкса", эта песня пелась и рабочими Уральских заводов.

Наибольшие изменения в песне при ее метаморфозах претерпевал текст, напев же, интонационно-ладовый строй, оставался в своей основе неизменным.

При всей специфичности возникновения и бытования, "Маклашка" имеет образно-смысловую и мелодико-интонационную общность с песнями и мелодиями башкирского фольклора. В основе их лежит древний напев, сохранение и широкое распространение которого обусловлено тем, что он являет собой пример жизни ангемитонного лада в условиях музикального мышления башкир и татар. В нем за-

печатлена связь ангемитонных (бесполутоновых) интонаций, влиявшая в мелодио-стереотип, своеобразную "музыкальную матрицу" напевов, бытующих между Волгой и Уралом.

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС (НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Б.Б.Ахмедов (Баку)

Классификация лексических единиц по ареалу распространения, выявление частотности употребления каждого слова и способов образования от них новых лексем – вопросы, важные для составления диалектологических атласов тюркских языков вообще и азербайджанского в частности. Составление карты распространения диалектизмов может сыграть роль своего рода ключа в выяснении многих интересных проблем. Ниже приведены некоторые примеры.

1. Ареалы распространения простых лексем. Каждая лексическая единица со структурой "согласная + гласная + согласная" имеет свою географию. Например: бан (районы Агдаш, Геогчай, Уджар и Зардоб) "крыша", бел (Армянская ССР, Аштаракский район) "межа", бет (районы Кадабек, Товуз, Казах, Дашкесан) "сыпь на языке", бог "сухой борщевик", беч (северная группа диалектов и говоров) "кусочек овчины с шерстью", ваз (районы Шеки и Нахичевань) "грубо отделанный шелк" и т.д.

2. Ареалы распространения упрощенных производных лексем. По своей структуре такие слова первоначально состояли из корня и аффикса. Каждому из этих слов был присущ свой ареал распространения, например: бэжих (районы Агджабеди, Фишули и Барда) "отходы зерна", вышыя (Зенгеаурский район) "неопрятно одевающийся" и т.д.

3. Ареалы распространения упрощенных сложных лексем. Как показывают наблюдения, слова образованные таким путем, не получили широкого распространения, однако диалектологические карты, составленные на их основе, ценны для определения родо-племенной основы азербайджанского языка. Например: алагауз (Грувинская ССР, Дманисский район) "кляузный", эльфоре (Нахичеванская АССР) "пила с двумя ручками", бојлум (районы Товуз, Казах, Шамхор и Дашкесан) "в этот раз, на этот раз" и т.д.

Картографирование ареала слитного употребления различных

синонимов может дать ценные результаты, т.к. каждый из этих синонимов в глубоком прошлом употреблялся в языках отдельных племен. Примером этого может служить слово калламангов//калламанго (районы Адабек, Джебраил, Саатли, Имишли и др.) со значением "разновидность головной боли у животных, появляющаяся в результате простуды". По-видимому, в древности это явление одно племя обозначало словом "келле", а другое - словом "манго". В дальнейшем, при слиянии племен эти слова сначала употреблялись параллельно, а затем, слившись, приняли форму "калламанго".

Приняв во внимание тот факт, что азербайджанский язык сформировался на основе языков огузских и кипчакских племен, можно допустить, что слово "калламанго//калламангов" образовано в результате слияния двух синонимов.

ОПЫТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ РАССЕЛЕНИЯ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В БАШКИРСКОЙ АССР (КОНЕЦ XIX - XX ВВ.)

В.Л.Бабенко (Уфа)

Украинские переселенцы в Башкирской АССР по переписи 1979 г. насчитывают 75 571 чел. и занимают шестое место по численности (после русских, татар, башкир, чувашей, марийцев). Переселение происходило в три этапа: (1) с 1730-х по 1860-е гг. украинцы переселялись правительством на крепостную линию Южного Урала и Приуралья для несения военной службы и государственных повинностей; (2) свободное крестьянское переселение после реформ 1860-1870 гг., особенно активизировавшееся в годы столыпинской реформы (1906-1916 гг.); (3) миграция украинцев в Башкирию в советскую эпоху, связанная с экономическим развитием восточных районов страны.

До революции основной поток украинских переселенцев дали Полтавская, Черниговская, Киевская, Харьковская и Подольская губернии. Меньшее число мигрантов прибыло из Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Волынской, южных уездов Курской и Воронежской губерний.

Для картографирования выбрано два хронологических периода: (а) конец XIX - начало XX вв.; (б) 70-е - 80-е гг. XX в. Сопоставление закартографированного материала позволяет сделать следующие выводы:

(а) На новых землях украинцы селились большей частью дисперсно. Относительно компактно они расселились в трех ареалах. Первые два сформировались соответственно в центральной и юго-западной части Башкирии, которые по природно-климатическим и почвенным условиям были им привычны и благоприятствовали развитию сельского хозяйства. В указанных ареалах - в бассейне рек Уршак, Демь, Ашкадара, сложился регион с высоким удельным весом украинского населения (до 40%). На крайнем юго-востоке Башкирии сформировался третий ареал расселения украинцев, тесно связанный с Оренбуржем.

(б) Естественная граница расселения украинцев в Башкирии проходила: на востоке - по р.Белой; на севере границей являлась параллель, проходящая через среднее течение рек Кармасана и Чермасана; на западе - по верховьям рек Чермасана, Усени, Ря; на юге граница расселения украинцев совпадает с границей БАССР.

(в) В конце XIX - начале XX вв. подавляющее большинство украинских населенных пунктов было этнически однородным (в 1912 г. более 80%). В настоящее время все поселения, где живут украинцы полиэтничные.

Перепись населения 1979 г. показывает, что этническое самосознание у украинского населения сохраняется. В ходе социальных преобразований на селе число украинских поселений сократилось (с 532 в 1926 г. до 89 - в 1980 г.). Возросла дисперсность их расселения. Очерченные ареалы постепенно размываются.

К ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО АРЕАЛА

А. К. Байбурун, Н. Б. Вахтин (Ленинград)

Под северо-восточным ареалом понимается Чукотский автономный округ, Камчатская область, а также прилегающие районы Восточной Сибири (бассейн р.Колымы и др.). Выделенный ареал заселен как русскими, так и аборигенными народностями, говорящими на так называемых палеоазиатских языках: алеуты, ительмены, керекы, коряки, чукчи, эскимосы и икагиры.

В течение предшествующего периода народности указанного ареала были хорошо изучены с точки зрения их традиционного хозяйства и материальной культуры; существуют также фундаменталь-

ные исследования их языков. Это дает необходимые предпосылки для сопоставительного изучения различных характеристик культуры и языков этих народностей, в том числе и ареальных. В секторе самодийских и палеоазиатских языков ЛО ИЯ АН СССР ведется подготовка проекта программы обследования народностей Севера. Нам представляется, что главная ориентация программы исследования должна быть не на собственно лингвистические (структура языка, лексика), а на социолингвистические проблемы; точно также этнографическая часть программы должна быть ориентирована на изучение семейно-брачных отношений, вторичных форм культуры: традиционные обряды и представления о мире и остаточные формы этих представлений в современной жизни народностей северо-восточного ареала.

Социолингвистическая часть исследования включает выявление таких вопросов, как степень владения языком и ее корреляция с возрастом, образованием, составом семьи и прочее; функциональная нагрузка языка, распределение социальных функций между родным языком и русским (или каким-либо иным); уровень образования и политика школы в отношении родного языка; сравнительная устойчивость различных диалектов и причины большей или меньшей устойчивости.

Этнографическая часть ориентирована на исследование таких вопросов, как типы брака и динамика типов брака по годам; этническая картина мира, традиционные представления и их трансформация; обряды и праздники, взаимодействие традиционных и новых обрядов; бытовое поведение, этикет, и др.

В докладе социолингвистическая часть исследования проиллюстрирована на примере изучения степени владения языком, а этнографическая - на материале изучения этнических стереотипов поведения.

Обследование народностей северо-восточного ареала по единой программе позволяет получить материал по современному состоянию языков и культур этих народов, основным достоинством которого является в сопоставимости полученных данных.

Исторически сложившимися для тюркских народов, языков и диалектов были ареалы: (1) болгарский (часть Поволжья); (2) кыпчакский (часть Поволжья и Северного Кавказа, Казахстан, часть Хорезма, Киргизия и Горный Алтай); (3) огузский (Малая Азия, часть Балканского п-ова, Южная Молдавия, Азербайджан, Туркмения, Северные районы Ирана, некоторые районы Ирака и Сирии); (4) карлукский (часть Средней Азии, Синцзян-Уйгурский район КНР); (5) уйгурский (часть Восточной Сибири).

Каждый из указанных ареалов распространения тюркских языков характеризуется определенным набором явлений, составляющих комплексную систему изоглосс, раскрывающую с большей достоверностью исторические связи тюркских языков и диалектов между собой.

Одной из основных задач лингвогеографического исследования тюркских языков является уточнение границ основных ареалов и маргинальных зон распространения соответствующих языков и диалектов, а для этого необходимо составление соответствующих вошедших исторических диалектных атласов.

Исторические диалектные атласы имеют следующие задачи:

(1) уточнение характерных для каждого ареала систем изоглосс, определяющих специфику данного ареала по всем основным уровням языка: фонетическому, грамматическому и лексическому; (2) установление дополнительных изоглосс, определяющих генетические межареальные связи, например, огузских и кыпчакских языков или огузских и карлукских и т.д.; (3) определение специфических изоглосс, характеризующих групповые связи языков между собой внутри данного ареала, например, кыпчакско-болгарских, кыпчакско-ногайских, кыпчакско-половецких языков внутри кыпчакского ареала; (4) определение специфических изоглосс, характеризующих специфику конкретных языков в составе каждой группы; (5) уточнение границ распространения языков в пределах группы; (6) установление маргинальных зон с характерными явлениями интерференции межареальных, межгрупповых и межязыковых изоглосс.

Для составления исторических атласов тюркских языков и диалектов должны быть разработаны принципы выделения комплексных

изоглосс, установлена сетка пунктов, разработаны специальные вопросники и соответствующая методика картографирования.

КАРТА И АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.З.Бахчиев (Москва)

Любая карта, не говоря уже о картах, на которых можно производить картометрические измерения, в той или иной степени несет информацию о территориальных отношениях отображаемых на ней явлений. Карта, которая имеет свойство пространственно упорядочивать явления, "в высокой степени способствует выявлению географических закономерностей, т.е. закономерностей в пространственном размещении, соотношении и сочетании явлений" (Н.Н.Баранский, 1960). И это свойство карты делает ее в ряде случаев наиболее совершенным и удобным носителем информации. На основе анализа карты можно дать характеристику территориальных отношений. Однако такой анализ, проводимый различными исследователями, создает условия субъективных оценок, что затрудняет практическое использование получаемых результатов. Поэтому существует необходимость создания специальных карт, характеризующих пространственные отношения. Опыт создания подобного рода карт (Л.Е.Иофа, 1951; В.В.Помышевский, 1956; М.И.Скляр, 1958; Н.Г.Быкова и В.В.Луговой, 1970 и др.) показал возможные направления выделения на карте важнейших факторов, определяющих территориальные отношения.

При изучении территориально-этнографических структур выявляется необходимость оценки их топологических особенностей, взаимных отношений и связей (пространственного, временного и функционального свойства). Подобного рода оценки позволяют моделировать ситуацию пространственного положения изучаемых элементов структуры, в операционной форме воспроизвести отношения как частного (поэлементного, блочного), так и общего соседства всех элементов структуры, оценить такие важные характеристики, как транзитность и спаянность элементов структуры (Ю.Г.Симонов, 1970; А.З.Бахчиев и П.П.Лебедев, 1974; А.Г.Топичев, 1974 и др.).

Как уже отмечалось, любые этнографические карты раскрывают территориальные отношения и тем самым являются исходными, базовыми для анализа этих отношений. На основе этих карт, используя

Весь спектр картографических способов имеется возможность создания карт важнейших факторов, определяющих пространственные закономерности этнографических явлений. Наибольший интерес представляют собой изолинейные карты, а также карты, построенные на картографической основе метрики "соседского положения", которые позволяют проследить пространственные изменения в поле того или иного фактора.

О КОМПЛЕКТОВАНИИ НАУЧНЫХ АРХИВОВ УЧРЕЖДЕНИИ АН СССР ЭКСПЕДИЦИОННЫМИ МАТЕРИАЛАМИ

Г.З.Бахчиев (Москва)

Многие научно-исследовательские учреждения Академии Наук СССР ежегодно организуют научные экспедиции, экспедиционные отряды и индивидуальные выезды сотрудников для сбора полевых материалов. В процессе их деятельности обрабатывается довольно значительное количество первичных документальных источников на бумажной основе и др. материальных носителях. Эти документы имеют огромную научно-историческую ценность и находят постоянное практическое применение как первоисточники в работах общегосударственного значения.

Экспедиционные материалы откладываются в научных учреждениях и составляют часть документального фонда учреждения-фондообразователя, которое решает комплекс задач, связанных с комплектованием своего архива документами экспедиций. Несмотря на то, что вопросы комплектования документальными источниками экспедиций составляют достаточно сложную и чрезвычайно многоаспектную часть общей проблемы комплектования научных архивов, эти вопросы до сих пор остаются наименее изученными и практически неработанными как в советском, так и в зарубежном архивоведении.

Для решения проблемы комплектования научных архивов учреждений АН СССР документальными источниками экспедиций представляется необходимым определение источников комплектования, состава документов экспедиций, решение вопросов распределения документов в составе фонда, их приема и оформления, а также разработка различных организационно-методических мероприятий, связанных с созданием оптимальных условий для длительного и безопасного хране-

ния полевых материалов, режима хранения, с определением сроков хранения отдельных документов.

От улучшения качества комплектования научных архивов учреждений материалами экспедиций зависит полнота документальных комплексов как исторических источников, а также обеспечение сохранности особо ценных, уникальных документов, памятников истории и культуры. Решение большого комплекса задач в этой многоаспектной проблеме позволит сохранить документы экспедиций, имеющие огромное политическое, научное, народнохозяйственное, социально-культурное и историческое значение.

О ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ЭВЕНКИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Д. М. Берелтуева (Ленинград)

Баргузинский говор эвенкийского языка подвергся сильному влиянию со стороны бурятского языка. На раннем этапе контакты эвенков и бурят носили маргинальный характер, а затем (с ХУП в.) стали постоянными.

При работе с лексическими материалами монгольских и тунгусо-маньчжурских языков следует различать: межгрупповые заимствования - самые древние монгольские заимствования, фиксируемые во всех тунгусо-маньчжурских языках (или в большинстве их); межъязыковые заимствования - заимствования из конкретного монгольского языка в один из тунгусо-маньчжурских языков; междиалектные заимствования - следствие контактов носителей отдельных конкретных диалектов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Именно заимствования, относящиеся к двум последним группам, представляют наибольший интерес для ареальных исследований.

Хронологизация и определение языковой принадлежности заимствований осуществляется на основании фонетических критериев, исходя из законов исторической фонетики монгольских языков. При наличии в эвенкийском языке лексических дублетов - синонимов применяется семантический критерий - заимствованное слово узко терминологично.

В производственной лексике баргузинских эвенков значительное место занимает бурятизм, среди которых обнаруживаются как

обшелитературные, так и местные диалектные наименования, характерные для биргузинского говора бурятского языка.

Подавляющее большинство заимствований из бурятского языка в говоре биргузинских эвенков приходится на скотоводческую терминологию. Заимствованная скотоводческая терминология отмечена в следующих лексико-семантических группах: (1) наименования домашних животных по полу, возрасту, масти; (2) наименования частей тела животных; (3) наименования продуктов скотоводства; (4) наименования хозяйственных строений; (5) термины, относящиеся к географической среде и связанные с занятиями скотоводством; (6) глагольная лексика терминологического характера.

Исследование распространенности заимствований в эвенкийских диалектах и картографирование скотоводческой лексики монголо-бурятского происхождения в этих диалектах вместе с ее сравнительно-историческим анализом в других тунгусо-маньчжурских языках должно способствовать выявлению определенных культурно-хозяйственных ареалов, заселенных в прошлом контактировавшими друг с другом тунгусо-маньчжурскими и монголо-бурятскими племенами, что имеет важное значение для исследования этногенеза отдельных групп эвенков, эвенкийской диалектологии и исторической лексикологии эвенкийского и других тунгусо-маньчжурских языков.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС АНГЛИИ (ПРИНЦИПЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ)

Н.Г.Беспятых (Ленинград)

"Лингвистический атлас Англии" (1978) основан на материалах "Обзора английских диалектов" Э.Дита и Г.Ортона и содержит 249 фонологических, 65 лексических, 83 морфологических и 9 синтаксических карт. Издание атласа было задумано в 30-х годах; полевые работы, прерванные войной, возобновились в 1946 г.

Материал, собранный с помощью вопросника, разработанного Э. Дитом и Г.Ортоном, отражает современные региональные уаусы старшего поколения сельских жителей Англии и показывает особенности территориального распределения наиболее устойчивых диалектных явлений.

Материалы для картографирования собирались по следующим

принципы: (а) каждая наносимая на карту единица информации должна обладать различительными (contrastive) чертами и четким ареалом дистрибуции; (б) эти "контрастные" черты должны отражать изменения в лексике, произношении, грамматике и синтаксисе; (в) тщательный отбор карт и легкость их чтения призваны способствовать пониманию развития английских диалектов и послужить материалом для дальнейших исследований.

Указанные принципы побудили авторов отказаться от излишней детализации; таким образом, атлас отражает диалектные особенности, наиболее характерные для современной Англии. Карты сопровождаются уточняющим комментарием и списком наиболее существенных вариантов.

Ареалы распространения того или иного лингвистического явления очерчены изоглоссами, которые разделяют территории, характеризующиеся наличием "контрастных" лингвистических черт. Выделяются ареалы либо со старыми формами, либо с формами, отличными от нормативного узуса.

На лексических и фонологических картах легенды дают не только графические обозначения описываемого явления, но также этимологические сведения, включая дату появления слова в английском языке. Кроме того, фонологические карты показывают развитие среднеанглийских фонем в современных диалектах.

ВОПРОСЫ АРЕАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ БАШКИР

Н. В. Бикбулатов (Уфа)

Начало картографирования этнографических явлений в Башкирии было положено С. И. Руденко. По особенностям антропологического типа башкир он выделил три области, которые, в свою очередь были разделены на семь районов. Он также провел картографирование элементов материальной культуры и хозяйственных традиций, подразделив Башкирию на четыре области, три из которых включали по два района.

В 50-е - 70-е гг. было осуществлено монографическое изучение родо-племенного состава и истории расселения башкир (Р. Г. Кузеев); декоративно-прикладного искусства (С. А. Авижанская, Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов); народной одежды, жилища, поселений

(С.Н.Шитова); системы хозяйства (Р.Г.Кузеев, М.В.Мурабулатов, Н.В.Бикбулатов); транспортных средств (М.Г.Маллагулов); народной хореографии (Л.И.Нагаева) и общественного быта.

Для воссоздания исторической динамики этнокультурного развития народа наиболее целесообразным оказалось картографирование не отдельных элементов культуры, а целых комплексов исторически взаимосвязанных элементов и явлений. Такими оказались прежде всего хозяйственные комплексы, связанные с определенной территорией.

В ряде случаев отдельные элементы и явления несут не меньшую информацию, нежели целые их комплексы, особенно в плане этногенеза и этнической истории (например, головные уборы с архаической счетной вышивкой, некоторые семейные обычаи и обряды). Для картографирования отдельных явлений большое значение имеет их типология, необходимо при этом учитывать те признаки, которые имеют определенные этно-культурные показатели.

Путем наложения ареалов проводилось этнографическое районирование Башкирии. Были предприняты также попытки сопоставить диалектные единицы с этнографическими районами или группами (С.И.Руденко, Р.Г.Кузеев). Отмечено однако и значительное расхождение этнографических ареалов с диалектами и говорами. Ареалы отдельных этнографических и языковых явлений не согласуются с границами этнографических районов, диалектов и говоров. Подробные расхождения требуют продолжения лингвоэтногеографических исследований в широких масштабах.

Менее всего подвергались ареальному изучению общественный быт и духовная культура, хотя именно эти специфические области народной жизни проявляют наибольшую устойчивость. Этнографические изыскания должны охватить исследование всего населения региона и в конечном счете - привести к разработке региональных атласов.

ПРИЕМЫ АРЕАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ГРАММАТИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ ТУРКСКОГО СКЛОНЕНИЯ В
ЮГО-ВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ)

Г.Ф.Благова (Москва)

Ареально-историческое обследование грамматических микросистем подразумевает в качестве первых своих этапов: (а) вычленение межъязыковых (междиалектных) дифференциальных признаков (ДП) соответствующей грамматической категории; (б) ареальное изучение данной категории в современных живых языках региона. Естественно, при этом используется вся сумма приемов ареальной лингвистики.

Вместе с тем ареально-исторические исследования располагают и собственными, специфическими приемами: (1) построение хроноизоглосс ДП (термин Р.И.Аванесова; "исторических изоглосс" по М.А.Бородиной) на основе данных, извлекаемых из средневековых текстов региона определенного периода. При этом используется некоторая совокупность филологических приемов, предложенная Н.Э.Гаджиевой в помощь ареаловеду; (2) наложение построенных хроноизоглосс ДП на изоглоссы ДП современных живых диалектов региона; комментирование результатов процедуры наложения с учетом экстралингвистических факторов (показания гражданской истории региона, этнографии и т.п.); (3) при помощи процедуры наложения среди современных изоглосс отбираются межареальные (миграционные) изоглоссы. Последующая характеристика и классификация таких изоглосс с учетом их положения среди изоглосс остальных ДП, комментирование при опоре на вышеуказанные экстралингвистические факторы и увязывание полученных выводов с результатами процедуры наложения.

Изложенная методика разработана на основе ареально-исторического обследования склонения в тюркских языках юго-восточного региона. Вычлененные ДП различных типов тюркского склонения сосредоточены в основном в сфере притяжательного склонения 3-го лица (для нижеследующего изложения существенны: а. наличие/отсутствие "вставного" -н- в дат., местн., исх. падежах; б. дат. -йа / дат. -га).

Путем наложения хроноизоглосс XV-XVI вв. на современные

изоглоссы ДП тюркского склонения намечена историческая центральная зона распространения карлукско-уйгурского типа склонения на территории Узбекистана (земли исторического Иавериннахра), характеризующая концентрацией изоглосс дат. -га для простых имен и имен с аффиксом принадлежности 3-го л.; дат., местн., исх. п. 3-го л. без -н-.

Наличие этих же изоглосс в Северо-Восточном Иране (историческом Хорасане) на фоне концентрации изоглосс ДП другого - огузского типа склонения (дат. -йа; местн., исх. п. 3-го лица без -н-) свидетельствует об исторической иррадиации карлукско-уйгурского типа склонения из юго-запад от его центральной зоны.

Наличие восточноогузских изоглосс дат. -йа простых имен и имен с аффиксом принадлежности 3-го лица (без -н-) на территории концентрации изоглосс ДП склонения карлукско-уйгурского типа (Юго-Западный и Центральный Узбекистан) истолковывается как результат исторического воздействия на эту языковую зону языка с другим - огузским типом склонения.

Факты языкового взаимодействия между двумя названными зонами подтверждаются как топонимическими данными, так и известиями о том, что Хорасан в средние века экономически, политически и культурно больше был связан со Средней Азией, чем с Персией.

Тем самым историко-лингвистическое исследование помогает восстановить не доступные наблюдению языковые процессы средневековья.

КАРТА "ЛИТЕРАТУРА МИРА"

В. К. Богомолец (Ленинград)

Карта "Литература мира" составлена К. С. Богомольцем и В. К. Богомолец. Она готовилась несколько лет и была закончена в 1937. Авторы использовали метод "линейного" картографирования А. К. Силинова, а именно: протяженность жизни каждого из писателей изображена линией с точностью до одного года. На карту нанесено 1150 имен представителей литературы всех стран. Карта охватывает период с X в. до н.э. по 1937 г. Размер ее: 210 x 125 см.

Середина карты занята синхронической таблицей, которая дает возможность проследить в определенной временной и территори-

альной последовательности все крупнейшие события истории мировой литературы, начиная с 800 г. н.э.

К карте приложен словарь-справочник, который содержит 4900 имен представителей литературы с указанием дат жизни, национальности и вида творчества. Оригинал и фотокопия "Карты литературы мира" вместе со словарем-справочником хранится в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Зарегистрирована в книге поступлений за 1982 г. под № 58 (фотокопия); за 1983 г. под № 16 (оригинал карты и приложение к ней).

К ПРОБЛЕМЕ АРЕАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГОВОРОВ

Н.С.Бондарчук, Т.В.Иришлова (Калинин)

Диалектные объединения на территории Калининской области не образуют структурно-лингвистического единства. Современное диалектное членение в ее пределах - результат длительного и сложного процесса преобразования и перегруппировки этнических и диалектных объединений предшествующих периодов. Сложность диалектологической карты исследуемого региона определяется его генетической связью с древними пограничными ареалами между новгородскими словенскими и восточными кривичами, а позднее - между новгородским, смоленским диалектами и говорами Ростовско-Суздальской земли.

Исконной пограничностью объясняется специфика говоров: процессы этнического и междиалектного взаимодействия привели к своеобразному совмещению диалектных особенностей и их ареалов. Эти ареалы, выделенные на картах Атласа русских народных говоров пучками изоглосс (главным образом фонетических и морфологических диалектных различий), нуждаются в комплексном лингво-этнографическом исследовании. Регион исследования ограничивается территорией Калининской области, в пределах которой учитываются диалектные группировки, представленные в новом диалектном членении (карты И.Ф.Захаровой и В.Г.Орловой): севернорусские говора Беловерско-Бежецкой подгруппы; южнорусские - северная часть Верхне-Днепровской группы; среднерусские - псковские, селигеро-торжокские говора и Калининская группа Владимирско-Поволжского

диалектного ареала.

Материал, собранный по программе для Диалектологического атласа русского языка и Общеславянского лингвистического атласа, а также представленный в картотеке "Опыта словаря говоров Калининской области" (Калинин, 1972), расширяется и пополняется лексическими и этнографическими данными в пределах опорных пунктов каждого ареала. Соотношение полученных изоглосс и изограмм в лексико-этнографическом атласе очень важно для решения этногенетических проблем территории Верхневолжья.

АРЕАЛОГИЯ И ТИПОЛОГИЯ АРЕАЛОВ

М. А. Бородина (Ленинград)

Ареалогия возникает в результате потребности в систематизации и теоретическом осмыслении многообразных методов и форм выделения ареалов по картам и адекватным источникам. Детерминированность ареала проявляется в определенных его контурах, которые очерчиваются изоглоссой, неотъемлемым компонентом ареала. Ареалогия имеет уже известную историю как у нас, так и за рубежом. В частности, существуют две классификации ареалов, исходящие из их формы, с соответствующей интерпретацией их содержания и истории — классификация А. Вайнена и наша классификация.

С определением предмета исследования уточняются объект исследования, методы, приемы и техника исследования. В пространственных исследованиях изучается любое пространство, в том числе и неупорядоченное, которое противопоставляется упорядоченному пространству. Так, на картах "Лингвистического атласа Франции" Ж. Жильерона картографируется неупорядоченное лингвистическое пространство — это тип исходных карт, на которых непосредственно фиксируется изучаемое явление, и которые требуют "рекартографирования" (термин введен нами). В АРГЦОВ Р. И. Аванесова картографируется пространство ареально упорядоченное — это тип обобщенных, аналитических и синтетических карт, на которых явления наносятся с помощью условных значков. К обобщенным, синтетическим картам относятся и карты "Этнографического атласа "Русские".

На материале славянских, германских, романских, тюркских и других языков для изучения нелитературных форм языка (диалект,

региолект, идиолект и др.), развиваются ареалогическая интерпретация уже имеющихся карт, а также теория ареала или "ареалогия" как учение об ареалах.

Диалектолог, составляя программу выхода в поле для изучения местных особенностей речи, значительную часть этой программы посвящает конкретной лексике, связанной с местными промыслами, особенностями одежды, построек, выпечкой хлеба и т.д., а также с фольклорными обрядами и традициями. Даже, если он не фиксирует этнографический материал в иллюстрациях, фотографиях, специальных описаниях, приложенных к карте, этот материал отражают собранные им слова и термины. Так в "Лингвистическом атласе Франции" мы не находим никаких дополнительных сведений к картам (хотя кое-что и было отмечено Э.Эдмоном), тем не менее, по его материалам сделано немало этнографических и фольклорных наблюдений.

В современной лингвогеографии атласы подразделяются на лингвистические и лингвоэтнографические; в последних полевой этнографический материал выделяется особо. Такова серия "Региональных лингвистических и этнографических атласов Франции". Каждый из атласов этой серии является в равной мере документом как лингвистического, так и этнографического состояния той или иной провинции Франции. Связь лингвистики и этнографии проявляется и при обращении материалов атласов путем выделения однородных явлений в ареал, очерченный изоглоссой (термин лингвистики) или изопрагмой (термин этнографии). Несмотря на материальное различие в содержании этих ареалов, в их контурах отмечается определенное сходство типов ареалов, что приводит к предварительному выводу об универсальности ареальных моделей.

В лингвистике типология ареалов получила уже достаточно большое развитие (в трудах Ж.Сеге, П.Гардетта, А.Вайнена, а также в наших исследованиях). Адекватные ситуации и модели были получены нами в этнографии на материале "Историко-этнографического атласа "Русские".

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ И ИХ СТРУКТУРА

С. В. Бромлей (Москва)

Возможность применения метода лингвогеографии возникает там, где имеется территориальная дифференциация языковых фактов в рамках определенной языковой общности. Наиболее типичные объекты лингвогеографии — диалекты одного языка или языки в пределах группы родственных языков. Цели их изучения этим методом в конечном счете ретроспективны.

Изучение территориальной языковой дифференциации методами лингвогеографии приобрело в настоящее время характер организованных научных мероприятий. Подготавливаются лингвистические атласы разной широты охвата языковых образований, предполагающие применение различной методики отбора языковых фактов и разные уровни абстрагирования языковых признаков при их картографировании.

В качестве самостоятельных выделилось как бы три "этажа" таких работ: (1) атласы диалектологические отдельных языков; (2) атласы родственных языков; (3) атласы языков, находящихся в отношениях взаимной близости различного характера, родственных и неродственных. При этом ранг диалекта (1 этаж) или ранг языка (2 этаж) определяется в соответствии с современным социальным статусом соответствующих языковых образований.

При таком "позетажном" подходе не все самостоятельные объекты лингвогеографии выделяются как таковые. В реальной действительности следует считаться с наличием языковых общностей как бы промежуточного характера, не укладывающихся в систему лингвогеографических объектов на каждом из выделенных уровней (этажей) картографирования.

Формирование таких "промежуточных" объектов лингвогеографии, не соответствующих с точки зрения современной социально-языковой структуры ни рангу диалекта, ни рангу языка, определяется спецификой исторических процессов: равноновременность диалектной (или языковой) дифференциации исходной языковой общности в результате временной обособленности определенных групп носителей данного языка (диалекта).

Структурным показателем неоднородности языковых объектов

одного ранга является иерархичность лингвистических оппозиций, определяющая подчиненность одних единиц диалектного (или языкового) членения другим. В плане лингвогеографическом показателем такой неоднородности является замкнутость большого числа изоглосс на одном из участков языкового пространства, который тем самым и выделяется как самостоятельная единица, составляющая особый объект лингвогеографии.

Именно эта ситуация заключает в себе невозможность однолинейного выделения одного уровня картографирования в пределах заданного этажа того задания, которое представляет собой система лингвистических атласов. Результатом игнорирования разной степени структурной близости языковых объектов является формальное присоединение промежуточных языковых объектов (более близких, чем языки, и более далеких, чем диалекты) к тому или иному этажу этого задания вместо их выделения в качестве самостоятельных.

Выделение лингвогеографических объектов должно основываться прежде всего на учете реальных структурных отношений между территориальными языковыми единицами, а не опираться на одни социально-исторические критерии их атрибуции. Только в этом случае будет правильно построена вся система лингвогеографического изучения территориально-языковых объектов, в рамках которого в равной мере будет уделено внимание разным этапам исторического развития языковых общностей, в том числе и тем, которые условно названы нами промежуточными объектами картографирования.

* К МЕТОДИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ КАРТ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

И. А. Букфинская, О. Е. Кармакова (Москва)

Необходимость и плодотворность использования данных этнографии, связанных с материальной и духовной культурой социума, для лингвистических исследований неоспорима (Н. И. Толстой, И. А. Дзедзюлевский, О. Н. Мораховская и др.). Работа над III разделом ДАРЯ "Лексика" еще раз подтвердила этот тезис. При составлении ряда карт атласа (по орудиям труда, обрядам, одежде и т. д.) учитывались как этнографические сведения, имеющиеся в самих материалах ответов на вопросы "Программы", так и данные историко-этно-

графического атласа "Русские" и другие этнографические источники.

Связь лингвистического материала с этнографическим может проявляться при поддержке этнографического различия языковыми средствами, т.е. при закреплённости этнографического различия в названиях. Например, в крестьянском хозяйстве издавна различалось два способа укладки снопов: горизонтальный и вертикальный. Названия горизонтальных укладок - крест, крестец и др. (южное наречие) и названия вертикальных укладок сусло́н (северо-восточная зона), стойка, стойнка, бабка (западная зона), а также куча, груда, шиш, поп и др. мотивированы самим способом укладки. При множестве лексем наглядный показ их на карте вызывает технические трудности, в таком случае этнографическое различие, отражённое в названиях, может быть положено в основу противопоставления знаков на карте (например, цветом).

В названиях денотата в равных ЧДС могут актуализироваться различные признаки. Так в названиях вечерних собраний молодежи в основе номинации лежат признаки, актуализирующие одно из действий, связанных с собраниями (посиделки, беседы, супрядки, свадьки и др.), или признаки темпоральные (вечера, зарянки, досветки), локальные (избушки, кельи). Эти названия целесообразно разграничивать также и с точки зрения процессуальной и предметной мотивации. Все эти мотивационные признаки могут служить отправным моментом в выборе системы знаков при картографировании.

Противопоставление предметной и процессуальной мотивации явилось основой для построения ряда карт, связанных с терминологической лексикой (карты по названиям щёпа и его частей, орудия для выколачивания белья при стирке и др.). Отглагольные названия, как правило, отражают конкретные действия, совершаемые с помощью предмета и носят закреплённый характер (бич, било, молотило - названия частей щёпа, пральник, валёк - названия орудия для стирки). Названия с предметной мотивацией менее терминологичны, одни и те же лексемы служат для названия целого ряда денотатов (палка, чёрён, батог - названия частей щёпа; палка, лаптя - названия орудия для стирки). Разграничение способов мотивации выделяет территории, противопоставленные по преобладанию того или иного типа мотивации. Это преобладание прослеживается при соп-

ставлении ряда карт.

Следующим планом противопоставления являются словообразовательные модели, рассматриваемые внутри групп по мотивирующим признакам и внутри групп однокоренных лексем. Подобное противопоставление выражается в знаках, если представлено регулярными моделями, имеющими четкие ареалы распространения (цепец - битец, баг¹ог - баг¹ожок, черен - черен¹ок - названия частей цепа; гнёт - гнеток - пригнётка, жим - жимок - прижимка - названия жерди).

Анализ многоплановых, многочленных лексических карт позволяет в дальнейшем составить обобщенные карты, показывающие способы мотивации, характерные для определенных лексических парадигм.

О ПОДГОТОВКЕ НОВОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

Н.Я.Булатова (Ленинград)

Специалисты по эвенкийскому языку объединяют все говоры этого языка в три наречия. Основным признаком их выделения является фонетический признак - соответствие с//х. В начале слова и в интервокальной позиции согласный с характерен для южного (сибилянтного) наречия. В северном (спирантном) наречии отмечается соответствие с//х как в абсолютном начале слова, так и в интервокальной позиции. В говорах третьего наречия - восточного - в начальной позиции встречается как с-, так и х-, а в интервокальной - только х-, и это наречие характеризуется как сибилантно-спирантное.

Г.М.Василевич, опираясь на данные языка, фольклора и этнографии эвенков, пришла к выводу, что "в ранней истории у эвенков было три больших племени и три племенных диалекта: спирантный (хакающий), сибилантный, свистящий (секающий), сибилантный шипящий (шекающий). Передвижения и распространение эвенков на территории Северной Азии привели к образованию новых племен и новых вторичных диалектов, но основные особенности первичного диалекта продолжали сохраняться".

В настоящее время существуют различные классификации говоров эвенкийского языка (З.Е.Черняков, Г.М.Василевич, В.А.Горцев-

ская, О.А. Константинова, В.И. Цициус, Н.Я. Булатова). Г.М. Васильевич составила первую карту распространения диалектов эвенкийского языка.

Границы между наречиями проходят следующим образом: северное (спирантное) наречие – севернее бассейна Нижней Тунгуски; южное (сибилянтное – секающее и шекающее) – южнее бассейна Нижней Тунгуски на юг до верховьев Лены и на восток до бассейна Витима и Куи; восточное (сибилянтно-спирантное) наречие – далее на восток до побережья Охотского моря и о. Сахалин. Эти границы прослеживаются и по более ранним материалам. В Словаре Палласа (1787–1789) в нерчинском, баргузинском, верхнеангарском, чапогирском говорах находим аши "женщина", в енисейском, верхнеангарском эша "глаз", а в якутских говорах (ныне говоры эвенков, живущих на территории ЯАССР) – ахи "женщина", еша "глаз",

Если основные особенности, разделявшие эвенкийские говоры на три наречия, останутся на протяжении двух столетий почти неизменными, то этого нельзя сказать об особенностях отдельных говоров. В настоящее время шекающие говоры исчезают, утрачены известны по материалам А. Ниддендорфа в говорах эвенков Охотского побережья сочетания ддр, ндд (вместо абдандр "лист", дундр "земля", олдр "рыба" -- соврем. авданна, дунна, олло). Так как данная особенность не характерна для эвенкийских говоров соседних территорий, ее следует считать утраченной в данном говоре в процессе его самостоятельной эволюции.

В настоящее время накоплен достаточный диалектологический материал, изданы словари, что позволяет нам говорить о возможности составления новой диалектологической карты эвенкийского языка, а также отдельных карт, фиксирующих частные фонетические, морфологические и лексические особенности эвенкийских говоров.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ XVIII–XIX ВЕКОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.А. Буркин (Ленинград)

В докладе делается попытка сравнить материалы по эвенкийскому языку, собранные в XVIII–XIX вв., с современными говорами этого языка с целью представить себе исходное состояние эвенкийских

говоров в прошлом, придать диалектологической карте эвенского языка историческую перспективу и определить диалектную принадлежность некоторых записей, локализация которых не вполне ясна. Из многих признаков эвенских диалектов для нас имеют значение два: (1) наличие/отсутствие перехода начального и срединного $s > x$; (2) соответствия p современного восточного наречия эвенского языка в сочетаниях согласных (ср. произношение слова "рыба": о́лра - о́л^дра - о́лда - о́лда).

Материалы из словаря Палласа (1787-1789). "Ламутский": непоследовательный переход начального $s > x$ - су́чал "кровь", си́ги "лес", са́дди "старый", но хунца "бура", хунта "глубокий", хиса-чин "вечер". Р-диалект с вариантами: у́лра "мясо", о́лра "рыба", има́н^дра "снег", гиддак "ездовой конь", гидтади "блестящий". По-видимому, архаическая формация говора эвенов северо-западного побережья Охотского моря с незначительными инодиалектными выражениями. "Охотский": д-диалект - о́лдо "рыба", у́лда "мясо", има́нда "снег". По ряду признаков этот диалект расходится с нынешним охотским (ср. о́лда "рыба") и совпадает с диалектами эвенов, живущих на юго-востоке Якутской АССР.

Материалы экспедиции Биллингса (1792). Непоследовательный переход начального $s > x$ - су́чал "кровь", сунта "глубокий", но худи "лиса", харак "дур". Р-диалект - о́лра "рыба", у́лра "мясо", на́нра "шкура", има́нра "снег". Архаическая форма говора колымских эвенов, в основном совпадающая с современным среднеколымским говором.

Материалы Г.Майделя и Ю.Штубендорфа (1870) содержат данные минимум по трем диалектам. Основной корпус: д-диалект с переходом начального $s > x$ - хи "ты", ху "вы", хисачин "вечер"; д-диалект - о́лда "рыба", у́лда "мясо", амдак "быстро". Другие образцы: (1) Д-диалект - о́лда "рыба", но с непоследовательным переходом начального $s > x$: хер- "пойти", но се- "взойти", симчангида "север"; (2) Др-диалект - у́лра "мясо", о́лра "рыба", дагэлдан "полетел"; с переходом срединного $s > x$ - э́лхи "сильный", кни-хнээн "если крикнет", ихрэн "достиг", курих "насквозь". Первый из диалектов совпадает с диалектом эвенов, ныне живущих в среднем течении р. Анадырь. Второй, близкий ему, но без перехода начального $v > m$ (ср. вандри "ты убил") ныне "исчез". Третий, близ-

кий современным говорам северо-востока Якутской АССР, но не знающий переходов начальных в >м и л >н (ср. ва- "убить", да "море"), также не имеет аналогов среди современных диалектов.

Записи В.Г.Богораза (1895). Диалект с переходом начальной с >х - хи "ты", хисачин "вечер". Юр-диалект - ол^лра "рыба", ул^лра "мясо". На указанной В.Г.Богоразом территории (район рек Молаанда и Кегали, ныне Северо-Эвенский р-н Магаданской обл.) подобный диалект не представлен. По-видимому, эти записи отражают диалект эвенков, живущих в нижнем течении р.Анадырь, или один из диалектов окраины северо-восточной территории расселения эвенков.

Из рассмотренных диалектов одни существуют и ныне на тех же территориях (ольский, среднеколымский, анадырский), ареал других изменился, некоторые диалекты исчезли.

И АРЕАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ СХОЖДЕНИЙ АЙНСКОГО ЯЗЫКА С АЛТАЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ

А.А.Буркин, А.В.Спеваковский
(Ленинград)

Генетическая принадлежность айнского языка до сих пор не установлена. Его связывали с семитскими языками (Р.Тори, ранний Д.Бачелор), с индоевропейскими (Д.Бачелор, Х.Коппельманн, П.Наррт, И.Линдквист, А. ван Виндекенс), с алтайскими (Г.Рамstedт, К.Хаугенауэр), с малайско-полинезийскими (Ф. де Шаренсе, Л.Я.Штернберг, О.Гьердман), с нивхским (Ф.Моллер, Ф.Финк), с языками индейцев Америки (А.Тромбетти, Т.Милевский), с "палеоевразийскими языками - изолированными языками Евразии от баскского до енисейских (Тэйер). В этой ситуации особый интерес представляют исследования ареальных связей айнского языка, которые должны, с одной стороны, выявить перекрестные взаимодействия, с другой стороны, служить источником сведений по этногенезу айнов и их древнейших связей с представителями иных этнических и языковых групп.

Рассмотрение лексических сходжений айнского и алтайских языков, в первую очередь - корейского, показывает, что подавляющее большинство их принадлежит к следующим лексико-семантическим группам:

(1) Лексика, связанная с ландшафтом и явлениями природы: айн. *riŋa* "равнина", кор. *pŕi* "равнина", эвенк. *хила=иэн* "открытый /о месте/"; айн. *па* "ручей", кор. *пӕ*, *пӕшӕ* "ручей"; айн. *puta* "устье реки", кор. *ttue* "конец".

(2) Лексика, связанная с материальной культурой и традиционными занятиями: айн. *каша* "печь для изготовления керамики", кор. *каша* "то же"; айн. *tokkuri* "сосуд, бутылка", кор. *toŋŋi* "фарфоровая или глиняная посуда", ороц., ульч., нан. *тогоро*, *тукуру* "бутылка, фляга"; айн. *kuare-ka* "самострел", кор. *hwal* "лук".

(3) Термины родства: айн. *sa* "сестра", *a-sa* "(моя) сестра", эвенк., эвен. *аси* <**аса* "женщина"; айн. *aki* "младший брат", эвенк., эвен. *акӕ* "старший брат"; айн. *mat* "женщина" + *aki*, эвен. *мӕтӕк* "зять".

(4) Термины, связанные с традиционным образом жизни и духовной культурой: айн. *па* "носить", кор. *palda* "переносить с места на место"; айн. *zatchiri* "зимородок" (охотник-птица), кор. *ŋhatta* "охотиться"; айн. *purŋ* "обнчай, привичка", кор. *perit* "обнчай".

Принадлежность общей лексики к данным семантическим группам и распространенность ее в дальневосточном ареале показывают, что данные лексические сходения – следствие древних длительных контактов айнов с носителями алтайских языков. Большая часть их – айнские заимствования в алтайских языках, реже встречаются параллельные заимствования из неалтайских языков. Полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что прародиной айнов является континентальная часть востока Азии, где отмеченные контакты имели место, и откуда происходило расселение айнов по островным территориям севера тихоокеанского бассейна.

СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК СОСТАВЛЕНИЯ КАРТ

И.С.Быстрова (Вологда)

Как известно, многие словари тезаурусного типа приводят место нахождения вариантов слов, фонем и т.д. и, тем самым, дают возможность составления карт. Лингвогеограф, работая с лингвистическим атласом, часто находит дополнения в текстах, монографиях и,

особенно в диалектных словарях.

Как известно, словари бывают разного типа и объема. Особенно важным для лингвогеографии являются многотомные словари тезаурусного типа, в которых приводится географическая сетка нахождения слов и фонетических особенностей. Таковым является "Глоссарий говоров Французской Швейцарии" (GFSR - Glossaire des patois de la Suisse romande, Neuchâtel - Paris, в 1924 г.). Словарные статьи GFSR содержат строго локализованные по пунктам и кантонам Французской Швейцарии диалектные эквиваленты французского ключевого слова (всего 69 пунктов). Этот словарь может, следовательно, служить и "словарем-справочником" (Л. В. Щерба) для составления лингвогеографических карт. В качестве справочника локализации слов этот словарь был использован для составления фонетических и лексико-семантических карт.

Диалектные материалы были нанесены на шаблон сетки GFSR, представлено фонетическое явление оглушения звонкого *b* в слабой позиции (регрессивная ассимиляция).

Ареал явления *b > p* локализуется в центральной и северной части Французской Швейцарии. Это размытый ареал, состоящий из двух ареалов, охватывающих значительную территорию, и трех островных микрозон. Такая ситуация свидетельствует о ступенчатом разрушении одного сплошного ареала. Островные ареалы находятся поблизости от большой зоны с тем же лингвистическим наполнением, следовательно, можно предположить, что исконная территория первоначально была шире.

ЗАКАВАНЬЕ - ЦЕНТР ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАНСКИХ ТАТАР

Г. Ф. Валеева-Сулейманова (Казань)

Закаванье (совр. Арский, Балтасинский, Высокогорский, сев. и сев.-вост. Сабинского районов) - древний район компактного расселения казанских татар. Это центр формирования и распространения культурных, в том числе художественных, традиций среди всех групп татар, живущих как на территории современной Татарии, так и за ее пределами. Черты культуры Закаванья стали определяющими в развитии всей татарской культуры - как народной, так и профессиональной (язык казанских татар лег в основу татарского литера-

турного яанка).

История Закавказья уходит вглубь веков, она связана с Волжско-Каванской Булгарией, Каванским ханством, развитием таких городов и крупных поселений как Алаты, Арск, Ст. Ашит; Эри, Сабь, Агня и др., ставших центрами татарской образованности и развития художественных ремесел, также и после присоединения края к России.

В культуре Закавказья, в силу ряда исторических причин, своеобразно сплетаются элементы городской и сельской культуры. Развитие художественных форм происходит в условиях взаимопроникновения профессиональных и народных черт в системе народного искусства. Это способствует сохранению самобытных, характерных только для каванских татар видов художественных ремесел: овелирного, золототшвейной вышивки, резьбы по камню, кожаной мозаики, художественного металла (холодная обработка) и др.

В отдельных видах народного искусства, а также в народном водчестве Закавказья вплоть до начала XIX в. сохраняются булгарские художественные традиции, которые наиболее последовательно представлены в овелирном искусстве и художественном металле. Исследование традиционных художественно-стилевых особенностей, техники и форм орнаментации различных видов овелирных изделий (браслеты, наконники, височные подвески и проч.) помогает выявлению этногенетических истоков культуры каванских татар и их роли в создании татарской национальной культуры.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ТОРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Д.Д. Васильев (Москва)

Большая часть фонда торкских рунических надписей азиатского ареала выполнена на монументальных каменных сооружениях (стелах, завалинях) или на скалах. Поэтому места обнаружения и прилегающие зоны, являясь константами, дополняют текстовую информацию памятника. Содержащиеся в ряде случаев в текстах топонимы, упоминания географических, исторических объектов, фауны также могут быть экстраполированы на существующие реалии.

При подготовке сводных "корпусных" изданий памятников

торкской рунической письменности, которые проводятся с 1973 г. Институтом востоковедения АН СССР по плану Советского Комитета тюркологов, предусматривается и картографическая работа. Значительная часть памятников собрана в настоящее время в музейные коллекции, находки большинства из них связаны с экспедициями и краеведческой деятельностью конца прошлого - начала нынешнего веков. Поэтому построение схем первоначального размещения памятников в регионах было довольно сложным делом.

Региональные карты-схемы размещения памятников стали основой для источниковедческих исследований торкской руники как письменности. Палеографическая близость ряда текстов позволила выделить группы памятников, относящихся к различным культурно-письменным центрам - "школам", и отметить зоны функционирования тех или иных графических особенностей. Причем определялись особые маргинальные зоны, где действие двух или более культурно-письменных традиций проявлялось почти в равной мере.

При работе с торкскими руническими текстами нами были отмечены многочисленные орфографические перебои в написании одних и тех же слов в разных памятниках. В рамках эпитативной формулы существуют вариативный (индивидуальный) и почти обязательный элементы. Лексика именно последнего, который, как считалось, не несет существенной источниковедческой информации, стала материалом для картографирования. Удалось наметить зоны действия идентичных орфографических правил передачи терминов средствами рунической графики (которые допускают несколько орфографических вариантов одного и того же слова).

Как отмечалось в ряде исследований, в торкской рунической графике - равно и в орфографии - отражена локальная орфоэпия (норма произношения племенной группы данной зоны). Поэтому при наложении карт палеографической и орфографической общностей удалось обозначить примерные зоны действия определенных орфоэпических особенностей, т.е. - локализовать (по расположению памятников) племенные группы носителей торкской рунической письменности. Результаты картографирования и районирования памятников по данным графики на следующем этапе сопоставляются с этнонимами, встречающимися в текстах. Это, также как и привлечение тамговой геральдики, позволяет охарактеризовать выделенные зоны культур-

но-письменных традиций в этническом отношении. Тем самым, исследование посредством картографирования формальной стороны тюркских рунических памятников — их графики дает возможность получить новые сведения по исторической географии раннесредневековых тюрков.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ КАРТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА ЕВРОПЫ (ЛАЕ)

А.О. Васильева, Н.А. Кожина (Москва)

Разнообразный материал, собранный по 1 Вопроснику ЛАЕ, предполагает сравнительное рассмотрение языков в различных аспектах. Редколлегия ЛАЕ дает авторам карт возможность выбирать основополагающие принципы составления карт, исходя из характера материала и опираясь на выработанную инструкцию и заданный список символов.

Карта № 64 "ежевика-ягода" является семантической и при этом придерживается этимологического принципа. Такой совмещенный подход позволяет дать семантическую типологию названий, основанную на этимологической классификации. Семантическая типизация в карте проводится по критерию мотивации значения. Учитывается мотивация по признаку, положенному в основу называния ягоды независимо от языка: по цвету, форме, месту произрастания, характерной особенности растения (колючий, острый), а также мотивации, связанные с животными (коза, медведь, корова, осел, журавль и др.) и человеком (дед, монах, Катерина). Таким образом выделяются некоторые семантические универсалии в названиях ежевики на территории Европы. Совмещенный принцип построения карты обуславливает ее символизацию — лингвистическая форма обозначается комбинацией символов, один из которых указывает на этимологический состав, другой отражает мотивационный признак.

Карта № 65 "ежевика-растение", построенная с учетом тех же этимологических критериев, что и карта № 64, стремится к последовательному отражению названий растения в отличие от названий ягоды. На карте предусмотрен различный угол поворота символа в зависимости от того, обозначается ли данным словом только растение (нейтральное положение) или же оно используется для назв-

вания как ягоды, так и растения (поворот на 45°). Определились различные способы формирования названий растения: специальное слово (романские языки); сложные слова и словосочетания - название ягоды + название растения (дерево, куст) или его части (побег, ветка и т.п.) - германские языки; использование словообразовательных и морфологических средств (балто-славянские языки). В связи с большим количеством сложных слов и словосочетаний элементы сложных символов обозначают только корневую часть; словообразовательные различия отражаются специальными пометами в материалах и карте.

Построенные различным образом карты № 64 и № 65 связаны общностью материала (поскольку в большинстве языков названия ягоды и растения так или иначе связаны друг с другом) и общностью этимологических критериев, и таким образом они дополняют друг друга. С другой стороны, карты дополняют друг друга и в тех случаях, когда для обозначения ежевики-ягоды и ежевики-растения используются этимологически не связанные слова.

ОПЫТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЮРТЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Г.П. Васильева (Москва)

Юрта - один из основных видов жилища кочевых, полукочевых и полуседлых народов Азии. Чтобы отличить это переносное жилище от других их видов, принято именовать юртами лишь жилища с цилиндрическим складным решетчатым каркасом стен (С.И. Вайнштейн). Решетчатая юрта известна с середины первого тысячелетия н.э. и до недавнего времени бытовала почти у всех тюркоязычных народов; она повсеместно была известна монгольским народам, встречалась также у некоторых групп таджикского населения и чор-аймаков Афганистана.

Кроме книги Н.Н. Харузина специальных работ, посвященных сравнительному изучению юрт разных народов, нет. Однако помимо специальных статей, характеризующих юрты отдельных народов, имеется достаточный материал для того, чтобы составить представление об особенностях их конструкции и чертах, отличающих юрты одних от юрт других народов.

У всех народов юрта одина по своей конструкции. Она образу-

ется из деревянного остова и войлочного покрытия, укрепленного с помощью шерстяных лент и веревок на остове. Последний состоит из нескольких решеток, соединенных вместе так, что создается цилиндрической формы основа, двери в одной из сторон этой основы, жердей, составляющих крышу и прикрепленных одним концом к решеткам, а другим - к кругу, скрепляющему сверху эти жерди и служащему для выхода дыма и освещения помещения. Однако у арт разных народов имеются определенные различия. Это касается купола арт монгольских и тюркских народов. В то время, как у первых купол конический, что достигается прямой жердей, у вторых его форма приближается к сферической, вследствие того, что жерди изогнуты. На основании этого выделяют два типа арт - тюркский и монгольский.

Среди арт тюркского типа можно выделить два подтипа также по форме купола. Еще авторы XIX в. (Г. С. Карелин, Гишфельд и Галкин, А. В. Каульбарс и др.) обращали внимание на различия в форме купола арт туркмен, казахов и каракалпаков. Первый подтип имеет полусферический купол, образованный жердями, изогнутыми почти по всей своей длине, и большим, но невысоким купольным кругом, второй - высокое перекрытие формы усеченного конуса. Оно образуется купольными жердями с небольшим углом сгиба в их самой нижней части и небольшим, но высоким купольным кругом.

Арта первого подтипа в начале XX в. была распространена у полукочевых узбеков, почти у всех туркмен, значительной части казахов и киргизов; арта второго подтипа - у северо-восточных казахов и северных киргизов, каракалпаков, хорезмских узбеков, туркмен човдуров и эсари. Во второй половине XIX в. соотношение распространенности первого и второго подтипа было несколько иным. Нанесение на карту значков, отражающих территорию распространения подтипов тюркской арты на два периода - второй половины XIX в. и 20-х годов XX в. - наглядно демонстрирует ареал бытования каждого из подтипов и изменения, происшедшие за это время.

Характер войлочных покровов в тюркской арте также различен. И здесь надо выделить два подтипа. Первый, наиболее распространенный, состоит из 3-х частей, покрывающих соответственно решетчатые стены (4-5 войлоков), купольные жерди (2 штуки) и круг (1 штука). Второй состоит из 2-х частей - 3-4 войлоков,

покрывающих орту от верхнего купольного круга почти до земли, и 1-2 маленьких войлоков, набрасываемых на купольный круг. Различные формы войлочного покрытия, как показывает исследование, связаны не с этническими особенностями, а с географическими ареалами кочевания.

ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Л. А. Вербицкая (Ленинград)

Внутриязыковая интерференция может рассматриваться как отклонение от нормы литературного языка в речи жителей городов, возникающее под влиянием родного диалекта, в зоне действия которого находится город. Все отклонения при внутриязыковой интерференции на фонетическом уровне можно разделить на 2 группы: орфоэпические (замена фонем) и орфофонические (замена аллофонов одной и той же фонемы). При этом важно учитывать степень владения жителями городов литературным языком, тип произнесения речевых отрезков, стиль произношения.

При взаимодействии литературного языка и диалекта наиболее уязвимыми оказываются "слабые" точки систем языка и диалекта (например, гласные среднего подъема, аффрикаты /с/ и /щ/ в русском литературном языке). Сохранность диалектных черт в области вокализма обусловлена позицией и окружением (например, для окания - позиция 1 предударного слога и соседство с губными согласными). В области консонантизма - орфофонические особенности реализации согласных, не противопоставленных по тому или иному дифференциальному признаку другим согласным (например, /з/ и /з'/).

Экспериментально-фонетическое исследование речи жителей целого ряда городов РСФСР показало, что в зоне действия северновеликорусских говоров наиболее яркими оказываются вокалические особенности, в зоне действия юговеликорусских говоров - консонантные. Среднерусский вариант произношения в основном совпадает с нормативным, отмечаются лишь некоторые интонационные особенности.

Обнаруживается определенная зависимость реализации диалек-

тных черт и от экстралингвистических факторов (численность населения города, образование обследованной группы информантов, время проживания в городе и т.п.). Результаты исследования свидетельствуют о сглаживании диалектных черт и об увеличении черт общего просторечия (например, делябилизация безударного /u/: /č'el'is't/ вместо нормативного /č'el'us't'/; упрощение конечных сочетаний согласных: /šev'/ вместо нормативного /šes't'/). Вместе с тем, при восприятии одних и тех же стимулов носителями территориальных диалектов обнаружены несоответствия некоторых перцептивных областей, что в основном относится к гласным среднего подъема и некоторым согласным.

С практической точки зрения изучение отклонений в области нормативной реализации гласных, согласных и интонации, статистические данные о характере отклонений позволяют построить эффективную программу фонетического обучения, в которой будут учтены различные источники этих отклонений: сенсорные, связанные с особенностями восприятия и моторные, определяемые артикуляторными трудностями. При отсутствии отклонений в области морфологии, синтаксиса, лексики - речь жителей городов может быть оценена как территориальный вариант нормы.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АТЛАСЫ

М.Г. Волох (Киев)

Региональные атласы отличаются от национальных большей дифференцированностью материала и подробностью. Региональный атлас, охватывающий какую-то одну область, не может рассматриваться в качестве секции национального атласа, от которого он отличается по материалам, целям и методам составления. В данном сообщении рассматривается проблема соотносимости материалов национального и региональных атласов по признакам - характер анкеты, густота опорной сети, лингвистическая нагрузка карты, дифференцированность материала. Для решения этих задач сопоставлены карты национального и региональных атласов.

В качестве примера рассматриваются лексические и фонетические явления по данным ALP и региональных атласов Лионне, Центрального массива, Гасконии, Шампани и Бри (карты Bouches, Haute).

На основе выявленных характеристик могут быть определены некоторые закономерности, свойственные тому или другому региональному атласу при сравнении его карт с соответствующими картами национального атласа. Сопоставление карт обнаруживает комплекс изоглосс, выделяющих языковые зоны Лионне, Центрального массива, Гасконии, Шампани и Бри, как по данным региональных атласов, так и на соответствующих картах ALF. На картах региональных атласов пучки изоглосс значительно интенсивнее, нежели на картах национального атласа.

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ НОРВЕЖСКИХ ДИАЛЕКТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНОНОРВЕЖСКОГО ДИАЛЕКТА ФЮЛЬКА НУРЛАНН)

Г. В. Воронкова (Ленинград)

В норвежской лингвистической географии, возникшей как самостоятельная дисциплина в конце XIX в., сложились определенные традиции описания диалектов, и в частности, их звуковой системы. Эти традиции, в основном, сохраняются и в современной норвежской диалектологии, но отчасти оказались разрушенными под влиянием развития новой науки — фонологии.

Монументальная работа Х. Фристиансен "Диалект острова Йимсёй. Фонология и словообразование" представляет собой исследование, в котором ярко проявляется как тенденция сохранить старые принципы норвежской лингвогеографии, так и стремление внести новое в описание звуковой системы норвежских диалектов.

В описании диалекта Йимсёй традиционной является композиция работы: подробная география и лингвогеография диалекта, история названия, экскурс в принципы транскрипции, описание звуков по схеме — отдельные звуки, акцентные особенности (тонические и количественные), история звуковых явлений — от синхронии по направлению к др.-нор. формам, текстологические образцы и словарь.

Отличным от традиционных описаний в анализируемой работе является фонологический подход к синхронному состоянию звукового строя диалекта: различение фонетической и фонологической транскрипций в соответствии с требованиями, принятыми на лингвистическом конгрессе в Копенгагене в 1925 г., отделение аллофонов от фо-

нем, функциональный принцип, положенный в основу описания фонем и просодических характеристик, фонологические резюме после описания фонетических реализаций количества и слогаобразования.

В диахронической части работы исторический принцип описания остается, в основном, фонетическим, и диахрония не отделена от синхронии. Однако этот метод имеет то преимущество, что он представляет нам идеальный и обширный материал, из которого можно делать историко-фонологические выводы.

Параллели произношения с др.-норв., а также с говором г. Осло, легшим в основу литературной нормы, и с формами "нюншик" - второго норвежского литературного языка, а кроме того, с другими германскими языками (традиция, восходящая к исследованиям известного норвежского фонетиста и диалектолога М. Сторма) позволяет, с одной стороны, определить ту ступень, на которой находится данный диалектный феномен в цепочке данного звукового изменения, и с другой стороны, дает выход в историческую типологию. Работа Х. Кристиансен, новаторское исследование в лингвистической норвежской литературе 30-х гг. XX в., проложила путь к современным фонологическим описаниям норвежских диалектов.

АРЕАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЖЕНСКОГО НАГРУДНОГО УКРАШЕНИЯ

Г.Г.Гареева (Уфа)

В материалах диалектологического атласа башкирского языка представлено огромное количество диалектной лексики, не входящей в состав литературного языка, а также слова, известные литературному языку, но имеющие в говорах местные значения или оттенки значений. Кроме того в говорах широко распространены фонетические варианты общебашкирских слов. При изучении материалов атласа бросается в глаза также широкая возможность синонимии, т.е. наличие различных названий для одних и тех же понятий. Они могут сосуществовать и в говоре одного села, но чаще имеет место закрепление определенных наименований за различными говорами.

Попытаемся очертить ареалы распространения названия женского нагрудного украшения селтар, накал, муйса, яга, которые имеют общую семантику: "передник из красных кораллов, серебряных монет и драгоценных камней".

Распространение селтар ограничивается югом Башкирии, доходит до широты г. Стерлитамака. В этом регионе параллельно со словом селтар употребляется изеу, нередко с прибавлением ука "поумент", алма "вышитый узором" (укайзеу, алмизеу).

Регионом распространения һакал (букв. "борода") является центральная часть Башкирии, бассейны рек Ток и Уран (Оренбургская обл.), реки Ирғие (Куйбышевская обл.), реки Камелик (Саратовская обл.).

Нагрудное украшение яға (букв. "воротник"), также как селтар и һакал, имеет четырехугольную, иногда лопатообразную форму, покрывает всю грудь. Территория распространения яға - северо-восток Башкирии и Челябинская область.

Термин муйынса (муйын "шея" + афф. -са) распространен на северо-западе, муйса - на северо-востоке Башкирии. На этой территории встречаются также термины, распространение которых узко локально - муйынтаңса (муйын "шея" + таңса "монета"), муйынтап (муйын "шея" + тап "основа"). Отмечены также единичные термины - тушука (туш "грудь" + ука "поумент"), тушлек (туш + афф. -лек).

Выделяются следующие типы изоглосс: (1) собственно лексические, т.е. различные названия тех же предметов (селтар, һакал, муйынса, муйса, яға; изеу, алмизеу, укайзеу и др.); (2) изоглоссы фонетических явлений (муйса, муйса; һакал, сакал и др.).

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО АРЕАЛА

Т.М.Гарипов (Уфа)

Под Урало-Поволжским ареалом понимается область Уральского и Поволжского экономических районов СССР в составе четырех автономных республик и одиннадцати областей РСФСР. Общая площадь ареала - более 1 360 тыс. кв. км, с населением 35 млн 313 тыс. чел. (плотность населения превышает 30 чел. на 1 кв. км, что в 2,5 раза больше общероссийского показателя и в 4 раза - общероссийского). Более двух третей жителей урбанизовано и проживает в 236 городах. Национальный состав региона: русские (ок. 71%), татары (11%), башкиры (3%), украинцы, удмурты, чувашы (по 2%),

мордва, казахи, немцы, марийцы, белорусы (по 1%), другие национальности (4%). Соотношение родных языков выглядит иначе: русский - 79% носителей, татарский - 11%, башкирский, удмурдский, чувашский - по 2%, мордовский, украинский, казахский, марийский - по 1%.

Общественные функции 18-ти национальных языков рассматриваемого ареала предопределяются социально-коммуникативной системой, охватывающей различные сферы общения (официальное делопроизводство, печать, обучение, искусство, радио, телевидение и др.) Картограммы этих функций для каждого из языков наносятся на временную шкалу, после чего обобщенные данные совмещаются.

Подобная методика картографирования учитывает новейшие достижения социолингвистики и опирается на работы местных исследователей (Л.Л. Аюпова, Э.Г. Ураксин, Д.М. Хасанова и др.). Частичное атласирование позволяет наглядно представить динамику социолингвистических процессов в очерченном регионе, которые заключаются в расширении социальных функций родных языков при одновременном распространении дву- и многоязычия.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕДУКЦИИ СОГЛАСНЫХ В ДИАЛЕКТНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Н.И. Гейльман (Ленинград)

Полная редукция (эллипсис) согласных в разных говорах достаточно подробно описана и детально исследована в диалектологической литературе. Вопросы эллипсиса согласных в литературной разговорной речи также освещены достаточно подробно с указанием разного рода позиций, способствующих выпадению тех или иных звуков.

В существующих описаниях исследователи исходят из того, что в диалектной и разговорной речи выпадают, эллиптируются многие согласные, которые произносятся в тех же словах и в аналогичных позициях в кодифицированном литературном языке. Будучи до некоторой степени правомерным, поскольку оно позволяет сравнивать между собой различные системы - систему диалектную или разговорную с системой литературного языка, такое описание в значительной степени условно, поскольку при этом предполагается обя-

зательность наличия согласного в некоей исходной форме слова, которая может на самом деле не существовать в диалектной (разговорной) речи, либо существовать на правах дублетного варианта с "усеченной", собственно диалектной (разговорной) формой.

Выявленные на основе анализа записей спонтанной разговорной речи дикторов-ленинградцев некоторые количественные характеристики случаев эллипсиса показали, что вероятность выпадения различных согласных неодинакова. В зависимости от частоты выпадения согласные разбиваются на три группы: (1) согласный /j/, который эллиптируется в 29% случаев; (2) согласные /b', d', c, v, f/ - 10-16% случаев полной редукции; (3) остальные, редко выпадающие согласные. Вероятность выпадения согласного обусловлена его фонетической позицией и связана с частотой употребления морфем и слов.

Сравнение случаев эллипсиса согласных в разговорной речи со случаями их выпадения в диалектной речи показало, что эти явления могут носить различный характер. Например, эллипсис /j/ в ударных окончаниях в разговорной речи можно считать фонетическим, но не фонологическим - в силу его позиционной обусловленности, а также вследствие того, что при выпадении /j/ второй гласный обычно представлен соответствующим аллофоном после мягкого (ср.: [р'ькирау] - покупаю). В диалектной речи произношение типа [b'а1'яа] - большая возможно как в ударной, так и в ударной позиции, гласный представлен основным аллофоном, что свидетельствует об отсутствии фонологического /j/, т.е. его эллипсис является фонетическим.

Анализ случаев эллипсиса согласных в диалектных и разговорных текстах показывает, что выпадение согласных не препятствует осуществлению коммуникации, что подтверждает неправомерность использования терминов "эллипсис", "выпадение" применительно к этим случаям, ибо для говорящего "редуцированные" формы являются полными, адекватно выражающими соответствующее значение.

Целесообразно различать историю языка (диалекта), историю этноса и этническую историю. Историческая диалектология изучает развитие диалекта как системы в принципе вне привязки к конкретной территории и народу. Обращаясь в прошлое, мы видим, что неплохо знаем многие языки, но нередко мало что известно о народах, которые на них говорили. И история диалекта и история этноса в своей эволюции могли быть связаны с различными ареалами.

Объект этнической истории ареала - история тех этносов, которые некогда имели место на данной территории. Ни история диалекта, ни история этнографических или археологических культур, или разных типосистем различных наук сами по себе, по отдельности не составляют еще предмет теории этногенеза. Объект этногенеза - история населения ареала по итогам различных наук об эволюции человека, его антропологическом облике, деятельности, занятиях и миграции в разные исторические эпохи.

От лингвистики теория этногенеза требует, в частности, не столько этимологии слова, сколько точных ареалов изолекто, географии слов в их конкретной форме и в данном значении. Здесь особенно важна роль производных; где и когда возникла эта форма и как и откуда она попала на данную территорию, в этот диалект. Для теории этногенеза релевантна и география литературных слов. На большом ареале они дают яркие и крупные зоны. Литературные в одном языке - они нередко диалектные уже в соседнем.

Романтически заманчивый и увлекательный синтез достижений лингвистики, археологии, этнографии в этногенетических целях требует осторожности и осмотрительности. Кажется, что на сегодня одна из немногих возможных точек сопряжения воедино наших общих усилий - это атлас, карта. Однако и здесь все непросто. Лингвистическая география сильна теорией, принципами, массовостью материала, который на картах образует огромные непрерывные ареалы. Именно непрерывность языковых данных на больших территориях позволяет применять такие методы, как определение связей и противопоставленности отдельных зон, ареалов, структурно-типологическое сопоставление локальных микроузлов, выявить разные типы са-

них противопоставлений. На языковых картах хорошо выделяются пучки изоглоссы, макро- и микровоны. В принципе такими же картами могла бы обладать и этнография.

Но лингвистика слаба в хронологизации данных, в объяснении происхождения зон, ареалов. Напротив, археология сильна хронологией вещей и культур, но, по-видимому, не готова сегодня к созданию атласов отдельных объектов и явлений. В археологии большее значение приобретает изучение типологического сходства вещей на больших, подчас отдельных территориях, что в лингвистике применяется реже. Археология, в отличие от лингвистики, сильна в объяснении происхождения вещи, факта, в лингвистике многие явления имеют спорную трактовку.

Однако, при всех сложностях поиска точек схождения между разными науками, связанными с этногенезом, их надо искать, и одной из таких точек является системный, статистический групповой анализ фактов в одном ареале (сопоставление ареалов этнографических реалий, вещей из раскопок и их диалектных названий). Сказанное делает особо актуальной проблему создания славянских лингвистических региональных атласов с заранее заданной и ярко выраженной этногенетической направленностью.

ПЕРСПЕКТИВЫ АРЕАЛЬНО-КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский
(Ленинград)

Традицией лингвистической реконструкции является сопоставление ее результатов с теми или иными пространственными представлениями. Ввиду того, что типы лингвистической реконструкции весьма различны, возможности установления их связи с географическим или абстрактным пространством также различны; поэтому целесообразно определить основные параметры, различающие разновидности реконструкции.

Лингвистическая реконструкция является разновидностью моделирования. Простое моделирование имеет целью отразить наблюдаемый объект (в языковедении подобные модели представляют грамматические описания, "раскрытие" значений слова в лексикографии и проч.). Реконструкция создает модели объектов ненаблюдаемых или частично наблюдаемых. Подобное моделирование широко распростра-

нено в естественных и общественных науках (ср. космогонические модели, модели антропогенеза и проч.); специфические аналогии могут быть приведены из области "точных" наук. Понятие реконструкции в каждой науке отличается не только по методу, но и по широте и многоаспектности применения.

Отдельные виды лингвистической реконструкции можно классифицировать в соответствии с тем, какие конкретные и абстрактные цели она перед собой ставит. Так, лингвистическая реконструкция включает реконструкцию статичного объекта (текста на определенном языке, языка в определенный момент развития; сюда же относится "атомарная" реконструкция отдельной фонемы, морфемы и т. п.) и реконструкцию процесса, т.е. истории системно-организованного объекта (языка или фрагмента языковой системы).

Наиболее ярким примером реконструкции статичного объекта является реконструкция фрагментированного или же испорченного текста. Общими принципами такой реконструкции является движение от общего к частному, т.е. от общей реконструкции текста к конкретным вопросам интерпретации отдельных поврежденных фрагментов этого текста, и движение от формы к содержанию. Та же принцип можно видеть и при реконструкции праязыковых форм, когда каждая отдельная форма может быть надежно реконструирована лишь при условии применения всей суммы знаний о законах праязыка; очевидным является и требование сперва реконструировать форму слова, и лишь затем, поставив ее в словообразовательный и семантический ряд, обобщающий всю сумму контекстов, в которых засвидетельствованы рефлексы данного слова в конкретных языках, определить значение реконструированной лексемы.

По тем же принципам производится и реконструкция языка, основывающаяся на трудноинтерпретируемой письменности (ср. микенский диалект древнегреческого языка или проблематику воссоздания древнекитайской фонетики).

Реконструкция процесса развития языка строится по принципам, противоположным реконструкции статичной, т.е. от частного к общему; нередок случай, когда хронология изменения устанавливается на основании одного примера, как переход /ā/ > /ē/ в ионийском диалекте датируется по форме Μῆδος < māda; изменение содержания слова для истории языка не менее важно, чем изменение формы слова.

Реконструкция праязыка, исходящая из данных более или менее равношедшихся засвидетельствованных языков, относится к реконструкции "динамической". При реконструкции праязыка различают "внешнюю" и "внутреннюю" реконструкцию. Внешняя реконструкция как бы объективно вытекает из сравниваемых языков, внутренняя - хотя и исходит из архаических маргинальных явлений, представляет собой обычно логически обоснованную гипотезу. И внешняя и внутренняя реконструкции, уже исходя из присущих им методов и принципов, не могут представить какой-то синхронный срез в истории праязыка. Именно поэтому большое значение приобретают имплицитные и эксплицитные логические модели. Так, в истории индоевропейской реконструкции выделяются периоды доминирования семитской, "эргативной" и др. моделей. Однако праязыковая реконструкция вне определенной типологической рамки не может быть превращена из "динамической" модели в "статичную".

Специфические случаи - промежуточная реконструкция, для которой могут быть построены взаимодополняющие "динамическая" и "статичная" модели, противостоит дальней языковой реконструкции, для которой возможна только "динамическая" модель. Эти разновидности реконструкции полярны по степени достоверности.

Достоверность реконструкции - особая проблема. Если при реконструкции текста верификация может быть проведена путем сопоставления с памятниками материальной культуры и искусства, то для праязыковой реконструкции данные смежных наук могут быть применены значительно реже. Наиболее убедительной верификацией было бы обнаружение праязыкового текста, практически же приходится довольствоваться уточнениями, которые вносит каждый вновь открытый язык в "динамическую" модель праязыка. Типологический критерий недостаточно убедителен вследствие неразработанности диахронической типологии.

Рассмотренные выше параметры и признаки различных типов лингвистической реконструкции позволяют отметить, что наибольшую эффективность представляет реально-географическая интерпретация целостно воссозданной системы в ее динамике. С другой стороны, при реконструкции текста важное значение имеют конкретные топографические факты, адекватное истолкование которых во многих случаях может иметь первостепенное значение.

АРЕАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ВОПРОСЫ
АТЛАСНОЙ КАРТОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ
ЯЗЫКОВ)

И. О. Генадзе (Ленинград)

Теория атласной картографии находится в тесной зависимости от практики изучения и определения границ распределения или пространственного размещения конкретных лингвистических явлений. Практика атласной картографии вряд ли может плодотворно развиваться без учета определенного теоретического обобщения, полученного в результате исследования и прогнозирования возможных исторических путей развития тех или иных грамматических явлений.

Особенно это касается картографирования диалектов бесписьменных и младописьменных иберийско-кавказских языков. Следует подчеркнуть, что несмотря на широкий размах диалектологических исследований, проблема ареального взаимоотношения внутри отдельных групп иберийско-кавказских языков пока не служила предметом специального изучения, но уже давно специалисты по диалектам этих языков интересуются изучением различных смешанных говоров и диалектов, отражающих разнообразие и сложные процессы их взаимодействия. Накопленный диалектологический материал и высокий теоретический уровень изученности фонемного состава и грамматической структуры указанных языков создает стабильную базу, которая является необходимым условием для их изучения с позиций лингвистической географии.

Поскольку границы лингвистических зон иберийско-кавказских языков не являются неизменными, темпы и направление их развития различны, то картографирование границ распределения грамматических явлений может способствовать решению целого ряда сложных вопросов, связанных с фронтальной проблемой синхронного и диахронного изучения данных языков. Сопоставляя карты, можно выяснить вопросы, связанные с определением исторической перспективы развития грамматических явлений как в языках с древней литературной традицией (напр. грузинский язык), так и в языках, имевших младописьменный литературный язык (напр. абхазско-адыгские, ряд дагестанских языков), и в языках, материал которых не зафиксирован в древних письменных памятниках (напр. арчинский, хиналугский, будухский и др. бесписьменные языки Дагестана).

Для кавказского лингвистического ареала характерна неравномерность распределения и функционирования ряда фундаментальных морфологических и синтаксических категорий (категория падежа, грамматическая категория человека/не-человека, эргативной конструкции предложения и т.п.). Скрупулезный учет и фиксация явлений на карте в подобных случаях может объяснить причины структурно-типологических сходимостей и расхождений в группе близкородственных языков. Так, например, именно на основе картографирования можно сделать вывод о существовании закономерности взаимозаменяемости категорий падежа и категорий грамматических классов: в тех языках, где отсутствует система падежей (напр., абхазский, абазинский языки) представлена осложненная классными показателями глагольная система, выполняющая функцию целого предложения.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

В.П.Грабовский (Ижев)

В синхронном срезе лингвистической карты, которая отражает состояние языка на период анкетирования, как бы "опрокинута" диахрония, т.е. история развития того или иного явления. Любая лингвистическая карта обнаруживает большее или меньшее количество исторических данных на разных уровнях языка.

Так, например, в "Лингвистическом атласе Франции" Ж.Дильерона и Э.Эдмона отражены разные этапы развития системы французского языка, разные его состояния; преимущественно это диалектные формы, но встречаются и литературные, а в отдельных случаях отражены особенности речи или одного человека или микрорегиона.

Эти явления встречаются в лексике, грамматике и фонетике. Глубина исторического среза иногда восходит к народно-латинскому или раннефранцузскому периодам.

Материалы лингвистических атласов являются одним из существенных источников изучения истории языка, в нашем случае французского. Исходя из этого следует предположить, что и для языков, история которых нам неизвестна (в силу отсутствия или утраты письменности), составление лингвистического атласа на современном срезе может оказать неоценимые услуги истории языка.

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И ЭТНИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В СРЕДСТВАХ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ САМОДИЙСКИХ НАРОДОВ

Г.Н.Грачева, Л.П.Хлобыстин (Ленинград)

Средства передвижения принято считать находящимися в наибольшей степени, чем другие элементы культуры, связанными с особенностями природной среды. Действительно, каркасные кожаные лодки тесно привязываются к районам безлесной арктической зоны. Они были распространены по всему северу Евразии от Баренцева до Берингова моря и использовались различными этносами, в том числе самодийцами Арктики. Возможно, существовали какие-то отличия в их конструкции, которые могли бы служить этническими показателями.

Различные конструкции лыж связаны с различными по климату территориями. Относительно длинные беговые лыжи существовали на европейском северо-западе еще в эпоху бронзы. Плотный снеговой покров арктической тундры и наличие еловых саней привели к тому, что у северных самодийцев лыжи не имели распространения. Их таежные соседи, напротив, пользовались лыжами различных конструкций.

Для ненцев, энцев и нганасан характерны высокие и косокопильные нарги с пазовым креплением. Остатки нарг, относящиеся к VIII-XIII вв. свидетельствуют о распространении исключительно прямокопильных вариантов. Прямокопильные нарги являются наиболее древними, они фиксируются по крайней мере с эпохи энеолита. Представляет интерес установить время, место появления и последующего распространения косокопильных нарг. Вероятно, они появились в XIII в. у самодийцев лесотундры. С развитием домашнего оленеводства число запрягаемых оленей увеличивается с двух до пяти-семи, возрастает скорость передвижения, что, очевидно, приводит к изобретению косокопильного варианта нарги, распространившегося от Кольского п-ова до р. Лены. Южная граница нуждается в уточнении.

Ареалы распространения некоторых средств передвижения самодийских народностей показывают, что они не только тесно связаны с природной средой, но и закрепляются в культуре определенного населения, в данном случае самодийского. В культурах других народов они выступают уже как показатель самодийского влияния.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ФОРМЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ
В ТУРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ

Э. А. Грунина (Москва)

Исторический период в развитии огузских языков подтверждает общетуркскую закономерность — формирование форм настоящего времени (Н) за счет континуативных форм с последующим их развитием в зону настоящего-будущего (НБ) и параллельной реактуализацией форм Н через аналитические конструкции с глаголами состояния. Всякое развитие Н связано с положением в системе форм аориста — /^о/р, исторически включавшего количественную характеристику действия. В этом процессе имеет место ареальное разграничение вспомогательных глаголов по тенденции к грамматикализации конструкций с их участием. В отражении их по письменным памятникам следует учитывать устно-разговорную отмеченность этого явления.

Утрата в финитной форме —/^о/р значения Н имела общетуркский характер, задержавшись на периферии (например, в западноогузских языках до XVII-XVIII вв.). Конкурирующая роль кипчакской финитной формы —а в период интенсивного контактирования огузских диалектов среднеазиатского ареала с кипчакскими диалектами (особенно в XII-XIII вв.) обусловила как неразвитость ее омоформы в составе аналитического образования (—а йар — йар/, так и сдвиги в значении —/^о/р, ослабившие ее функционально-семантический потенциал.

Широта функциональной зоны —/^о/р сохранялась в турецком языке, причем формальная вариативность имела лишь фонологическую обусловленность. На фоне кипчакской тенденции к выделению —Ар как формы будущего, проявившейся в азербайджанском и туркменском языках, за азербайджанским формантом —Ар, —Ур произошло закрепление функций Н и НБ. Это развитие имело автономный характер, хотя могло и стимулироваться наличием разговорных аналитических конструкций, давших формы йар, — йар и др., широко отмеченные в диалектах. Тенденция к закреплению за —Ар значения только будущего отмечена и для туркменского языка, хотя диалекты свидетельствуют о незавершенности этого процесса.

В огузских диалектах среднеазиатского ареала тенденция к сужению функциональной сферы —/^о/р вела к формальному и функциональному расширению сферы Н и НБ. Отсюда функциональная актив-

ность аналитических конструкций, тенденция к грамматикализации
- йорур // -йорыр и -а йатур // -латыр. Ареальные и этнолингвистические соображения позволяют вновь вернуться к гипотезе Ф.Е. Корша, связывавшего происхождение формы настоящего с глаголом -йат-, для объяснения туркменского варианта этой формы -йа:/р/. В поисках исходной основы для глагола йору-// йору-, сыгравшего такую же роль в становлении одного из вариантов огузского Н, следует отделить вопрос о происхождении форманта, возникшего уже на основе служебного элемента, от этимологии самого глагола.

К ВОПРОСУ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЖИЛИЩ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ И СЕВЕРО-ЗАПАДА АМЕРИКИ

Н.Н.Гуцол (Москва)

Картографирование этнографических материалов по жилищам Сибири наряду с многочисленными данными по другим элементам материальной культуры позволило выявить древние генетические и культурные связи отдельных этнических образований этого региона. Положительный опыт типологизации и картографирования жилищ коренного населения Северной Америки накоплен американскими и канадскими этнографами. Это позволяет использовать накопленные материалы о жилых постройках Берингоморья и прилегающих районов для суждения о древних генетических и культурных связях между народами Северной Азии и Северной Америки. Мы ставим перед собой задачу показать общность и различия полуподземного жилища северо-востока Азии и северо-запада Америки; выявить древний прототип жилища и определить ареал его распространения. При этом мы использовали классификацию не только по форме каркаса, но и по его деталям, по плану основания.

Следует обратить внимание, что типы жилищ севера Тихоокеанского региона разнообразны (полуземлянка, навесное каркасное жилище, переносное коническое и цилиндрическое, свайное жилище и др.). По своим конструктивным особенностям эти типы подразделяются на варианты, характерные для определенных этнографических групп. Возникновение вариантов, по-видимому, является результатом эволюции единого типа. Так, полуземлянку Тихоокеан-

ского региона (нижская, корякская, ительменская, чукотская, эскимосская; полуземлянка индейцев северо-запада Америки) сохраняют специфические этнические черты. На становление этих вариантов оказали влияние хозяйственная деятельность, географическая среда, климатические условия. В результате миграций наблюдается замена одного типа другим или параллельное использование нескольких типов. Для оседлого населения северной прибрежной Тихоокеанской полосы наиболее характерным и постоянным типом жилища является полуземлянка.

В результате картографирования традиционного жилища морских охотников и рыболовов северо-востока Азии и северо-запада Америки удалось установить, что полуподземное жилище имело широкий ареал распространения как на азиатском, так и на американском материках. В северной Азии он включал в себя территории расселения нижов, ительменов, чукчей, эскимосов, алеутов. В северной Америке он охватил территории расселения атапасков, тлинкитов, селешей, квакиутлей, шимшианов, хайда, индейцев майда, хуппа и др. Оказалось, что полуземлянки нижов, коряков, ительменов, индейцев северо-западного побережья Америки по ряду признаков обнаруживают сходство (I вариант полуподземного жилища). Чукотскую, эскимосскую и частично алеутскую полуземлянки можно выделить по сходным признакам в другую группу (II вариант полуподземного жилища). Картографирование археологических данных по полуподземным жилищам показало, что ареал распространения наиболее общего древнего типа полуземлянки совпадает с ареалом распространения первого варианта полуподземного жилища, выделенного этнографическими описаниями. Полученные данные по нашему мнению указывают на то, что ареал распространения первого варианта полуподземного жилища совпадает с зоной формирования северо-восточных палеоазиатов, а именно, с северной частью Охотского моря, включая территорию Камчатки. Это позволяет считать данный вариант наиболее древним, уходящим корнями в эпоху неолита. Второй вариант, по-видимому, является результатом эволюции единого древнего типа. Появление этого варианта в рамках данного типа связано скорее всего с особенностями климатических условий и географической среды.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КОММЕНТАРИЕВ К ЛЕКСИЧЕСКИМ КАРТАМ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АТЛАСОВ)

И. А. Дзвенцеевский (Ужгород)

На лингвистических картах и в частности лексических (лексико-словообразовательных) зачастую практически нет возможности (да и нужды) локализовать весь полученный полевой материал непосредственно на карте и поэтому известная часть имеющейся информации переносится в комментарии, которые в связи с этим имеют очень важное значение для правильного прочтения и интерпретации карт. Однако в разработке теории и методики подготовки лингвистических атласов вопрос о содержании комментариев пока не привлек надлежащего внимания.

Имеющиеся славянские лингвистические атласы по содержанию комментариев к картам обнаруживают наибольший разнород и пестроту, ср. крайности: отсутствие или почти отсутствие комментариев в атласе севернолемковских говоров Э. Штибера и довольно отчетливую тенденцию к перерастанию собственно комментариев в лексикологические исследования в атласах кашубских и украинских бойковских говоров и проч. Некоторые авторы в комментариях иллюстрируют употребление картографированных лексем текстом, а изучаемые реалии материальной культуры — рисунками, фотографиями, схемами и т. п.

Комментарий к лингвистической карте, составленной на материале вопроса от реалии к названию, считаем, должен состоять из следующих элементов:

(а) Вопросы (эventуально части вопроса, группы вопросов), на материалах которого составляется лингвистическая карта.

(б) Замечаний об этнографическом тождестве или (в отдельных районах исследуемого ареала) каких-то особенностей реалии материальной или духовной культуры, названия которой картографируются, и в связи с этим замечаний о семантических взаимоотношениях картографируемых названий. Реалии традиционной материальной культуры, в частности вышедшие из употребления, целесообразно иллюстрировать рисунками и т. п.

(в) Замечаний об этимологии, словообразовании, фонетике установленного состава противопоставлений (опозиций), определе-

ния их иерархии и соответствующей сигнализации картографическими средствами на карте.

(г) Сведений о раскрытии отсылочных знаков.

(д) Замечаний собирателей материалов о семантике картографируемых лексем, их эмоциональной и стилистической оценке, сфере употребления (социальные группы, зависимость от пола, возраста и проч.).

(е) Замечаний и суждений информаторов относительно источника взаимодействия картографируемых названий в определенных населенных пунктах, их происхождения.

(ж) Замечаний об употреблении картографированных названий в других (чем картографированное понятие, тема карты) значениях, метафорическом их употреблении.

(з) Привязки карты к отдельным картам атласов соседних славянских и неславянских языков.

Необходимость в замечаниях, указанных в пп. (б) - (з), их обстоятельность и объем в каждом отдельном случае (карте) определяется конкретным материалом, взятым для составления карты.

ИЗОБИЛИЕ ГЛАСНЫХ а, э В ДИАЛЕКТАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

М.И. Дильмухаметов (Уфа)

Чередование широких гласных а, э в диалектах башкирского языка наблюдается в самых различных позициях слова. Такое соотношение гласных а, э в говорах образует варианты слова или сингармонические пары. В диалектах башкирского языка функционируют слова с заднерядными и переднерядными гласными по линии а-э; и-э / э / у-у, э-э. Наиболее активна вариантность по линии а-э.

Большинство вариантных слов употребляются в одном и том же значении (вдэй-эдей "отец"). Трудно провести четкую границу изобилия гласных а, э в говорах без применения метода лингвогеографии, поскольку одни и те же слова в разных говорах дают различные варианты. Эта особенность привела к существующим в настоящее время противоречивым взглядам в башкирском языковедении. Некоторые исследователи, исходя из распространения определенного круга слов с заднерядным а (айғансу "вертеться", асы "кислый" и др.) утверждают, что употребление заднерядных характерно для

восточного диалекта башкирского языка, а переднерядных вариантов - для южного. Изучение данного явления в лингвогеографическом плане опровергает такие утверждения. По материалам видно, что одно и то же слово в одном говоре выступает с заднерядным гласным, в другом - с переднерядным; или употребляются оба варианта. Примечательно, что в каждом говоре имеются собственные мягкие и твердые варианты слов. Например, в ик-сакамском бассейне на территории южного диалекта распространены варианты слова, употребляемые преимущественно с переднерядным *э* (Умерзәйә "подснежник", саҫәд "молодой бережник"). Но там же отмечено большое количество слов с заднерядными гласными, многие из которых употребляются с переднерядными гласными как на всей территории распространения восточного диалекта, так и в литературном языке. На территории распространения восточного диалекта наряду с заднерядными гласными бытуют слова и с переднерядными.

Более четкая картина распространения вариантных слов вырисовывается на основе данных лингвогеографического исследования, предусмотренных "Программой сбора материалов для диалектологического атласа башкирского языка" по 250 опорным пунктам. Материалы атласа показывают неравномерность распространения их в говорах, что подтверждает мысль об отсутствии единой закономерности. Вследствие этого изолинии гласных *а* и *э* не могут выступать как показатели диалектных различий.

К ИЗУЧЕНИЮ СТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

А.И. Домашнев (Ленинград)

Многие из современных национальных языков предстают перед исследователем в виде определенной совокупности различных его структурированных равнозначностей, чаще называемых формами существования языка. Это онтологическое свойство языка по-разному реализуется в различных языках или в одном и том же языке, (5-служивающем самостоятельные "коллективы сношений" (А.Бах) - носителей данного языка. Так, современный немецкий язык обеих германских государств - ГДР и ФРГ, кроме литературного языка, выполняет максимальные общественные функции (язык внешней репрезентации стран, официальный и деловой язык, язык братства мас-

совой информации и коммуникации, средство обучения и т.д.), представлен территориальными диалектами, а также различными обиходно-разговорными формами языка: полудиалектными или локальными наддиалектными образованиями; региональными или областными обиходно-разговорными языками; верхненемецким обиходно-разговорным языком (литературно-разговорная территориально окрашенная форма языка).

Предельные формации языковой иерархии (условно "вверху" - литературный язык, "внизу" - территориальные диалекты) при их абсолютной оценке означают, что язык народа расчленен в диалектах, а собран воедино в литературном языке. Вместе они по-разному выражают содержание и структуру одного и того же языка. Между этими крайне противопоставленными формами располагаются упомянутые выше частные формации обиходно-разговорного языка "вертикально", по степени их удаления от местных диалектов и приближения к литературному языку. Таким образом, в целом трехчастное строение немецкого языка характеризуется наличием пяти реально выявленных формаций. Однако, бытующий в германо-швейцарских кантонах Швейцарии немецкий язык обнаруживает иное строение. Здесь выделяется своеобразный ансамбль лишь двух языковых форм - литературного немецкого языка с присущими ему швейцарскими чертами на уровне кодифицированной нормы и алеманского (швейцарского) диалекта, представляющего собой совокупности однородных поддиалектов (цюрихского, бернского, бавельского и т.д., всего до 20). Высокая степень гомогенности диалектного уровня обеспечивает возможность достаточно беспрепятственного общения германошвейцарцев из различных кантонов между собой. При этом в такой языковой интеракции каждый остается в пределах использования своего местного диалекта (поддиалекта) без нарушения взаимопонимания. Таким образом, реальная структура речи складывается в рамках одной и той же системы языка в зависимости от условий общения и коммуникативных потребностей данного "коллектива сношений" - нации, национально-государственной общности.

Между тем изучение совокупного состава национальной речи или "функциональной парадигмы" языка (М.М.Иухман), отражающей иерархическое построение форм существования конкретного языка, до недавнего времени преимущественно ограничивалось рассмотрением

двуучленной оппозиции "литературный язык/диалект", тогда как в современной речевой структуре функционально наиболее "загруженные" типы речи (обиходно-разговорные формы языка) оказывались вне поля зрения. В настоящее время, когда различные обиходно-разговорные формы языка интерпретируются как явления, обладающие признаком системности, возрастает стремление преодолеть существовавшее положение. Этому способствовало не только изучение состояния и статуса современных диалектов в рамках диалектологии и социолингвистики, но и углубление исследовательского интереса в сфере состава и границ системы литературного языка, что вместе взятое позволило более полно оценить содержание и назначение своеобразного языкового "остатка", оказывающегося за пределами как системы литературного языка, так и системы местных диалектов, но находящегося в общих пределах структуры национальной речи.

В целом этот комплекс проблем смыкается с направлением, связанным с изучением языковых ситуаций (см. труды Г. В. Степанова), а также на определенном этапе накопления данных различных языков подводит к идее типологического изучения функциональных парадигм и построения на этой основе общей типологии языковых ситуаций (И. М. Гухман).

С другой стороны, не только местные диалекты, но и другие элементы языковой иерархии, связанные с определенной территорией (полудиалекты, областные говоры), могут стать предметом картографического описания. Это представляется не только возможным, но и необходимым, если принять во внимание, что в настоящее время местные диалекты нередко постепенно вытесняются различными наддиалектными (полудиалектными) образованиями, уступая им и свой прежний функциональный статус (ср. процессы "размывания" или "растворения" локальных диалектов формами полудиалектов и обиходно-разговорного языка в немецком языке ГДР).

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ ЕВРОПЫ (ЛАЕ)

Н. Э. Донадзе (Москва)

Лингвистический атлас Европы (ЛАЕ) является самым крупным международным исследовательским проектом в истории лингвистической географии как по величине обследуемой территории, так и

по количеству привлекаемых языков. Сфера исследования ЛАЕ - все европейские языковые семьи: индоевропейская, финно-угорская, кавказская, тюркская, монгольская (три последних только на территории СССР). Задачи ЛАЕ - представить относительные черты равных языков в их диалектных разновидностях, показать историю языков Европы с древнейших времен, взаимоотношения между романскими, германскими, славянскими, тюркскими, финно-угорскими культурами по данным языка, а также современные культурно-языковые отношения. В ЛАЕ должны картографироваться элементы всех ярусов системы языка - лексики, фонетики и фонологии, словоизменения и словообразования, фразеологии, синтаксиса.

Международный центр ЛАЕ функционирует в системе Нидерландской академии наук и находится в Неймегене. Руководящий орган ЛАЕ - Редколлегия, объединяющая ученых стран Западной и Восточной Европы. Редколлегия работает в контакте с национальными комитетами ЛАЕ, созданными во всех европейских странах. Для ЛАЕ созданы два вопросника. Первый (543 вопроса) носит ономастический характер. Лексикологическое обследование проводилось на территории всей Европы, привлечены также материалы опубликованных атласов и др. обследований. Обследование происходило с 1977 по 1980 гг. и охватило 2500 населенных пунктов, из них около 540 - на европейской части территории СССР. После сбора данных работа по первому вопроснику ЛАЕ вступила в фазу составления карт с использованием ЭВМ. Внутри секций языковых семей (балто-славянская, романская, германская и др.) ведется предварительная работа по подготовке материалов карт: выработав свои предложения по типизации на уровне языковой семьи и комментарии, секции передают свои материалы авторам карт, что дает возможность последним, являющимся, как правило, специалистами в области одной языковой семьи, иметь представление о материалах всех языков, входящих в карту, и тем самым подготовить добротный в научном отношении комментарий. Кроме лексических, по первому вопроснику ЛАЕ составляются семантические карты, представляющие названия предметов по их внутренней форме (мотивации). Эти карты наглядно показывают наличие древних культурных связей в Европе и имеют важное значение для этнографических исследований.

Параллельно с продолжением работы по первому вопроснику был составлен и опубликован второй вопросник ЛАЕ (русский пере-

вод 1981 г.). Вопросы распределены по следующим разделам: 1. Синтаксис; 2. Морфология (А. Формальные системы; В. Словообразование); 3. Фонология; 4. Лексикология (А. Четыре понятийных поля; В. Ономастика; С. Семасиология). Второй вопросник наряду со списками вопросов дает подробные указания по оформлению собранных материалов для дальнейшей автоматической обработки. В настоящее время ведется подготовительная работа к проведению второго обследования.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ОБЩАЮЩЕГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЭКСТЕНСИВНОГО МОЛОЧНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА В ЛАТВИИ

А. А. Думпе (Рига)

В результате изучения традиционного животноводства в Латвии составлена синтезирующая карта, на которой объединены данные предварительных типологических карт основных реалий молочного животноводства; построен для скота, инвентаря для корма и утвари молочного хозяйства. Размещение картографированных элементов на синтезирующей карте оказалось неоднородным. По ряду признаков территория Латвии оказалась типологически единой. По другим данным выявлялись определенные ареалы типологических комплексов. На основании совокупности большинства элементов выделены три основных ареала, которые условно обозначены как западный (охватывает Курземе и Земгале), восточный (Латгале и Аушаеме) и северный (большая часть Видземе). В пределах основных ареалов кроме того установлены вторичные, более мелкие локальные подразделения. Такая локализация молочного животноводства в основных чертах соответствует территориальному делению материальной культуры Латвии в целом, ее зонированию по горизонтали (между востоком и западом) и вертикали (севером и югом).

По трактовке различий в масштабе распространенности типологических элементов и складывания ареалов была выявлена последовательная зависимость от механизма действия факторов определенного порядка: исторического, социально-экономического (системы хозяйства, характера и уровня соответствующей отрасли), экологического (климата, наличия того или иного материала реалий и т.д.), этнического, культурно-исторического и проч. Под влиянием факто-

ров, однородных для всей территории, складывалась типологическая тождественность (например, изобилие леса - срубный хлев; сочетание животноводства с земледелием - навозный хлев и проч.). При взаимодействии факторов, проявляющихся в разных частях территории различно, возникала соответствующая типологическая локализация. В животноводстве Латвии в данном случае преимущественно выявляется связь типов реалий с факторами этнического и культурно-исторического порядка. Это подтверждается внешними типологическими параллелями ареальных комплексов молочного животноводства Латвии: для западного ареала обнаруживаются соответствия в других странах Балтийского бассейна и даже в Западной Европе, для восточного - на востоке Прибалтики в целом, в восточнославянских странах и отчасти на юге Восточной Европы, для северного - в Эстонии, Финляндии и Скандинавии.

К АРЕАЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕБУЛГАРСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ В ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОМ
РЕГИОНЕ

Н.И. Егоров (Чебоксары)

Волжско-Уральский регион был исторической ареной формирования ряда народов, говорящих на тюркских языках (волжских болгар, чувашей, татар, башкир) и финно-угорских (марийцев, мордвы, удмуртов, коми). В средние века в этом регионе происходили интенсивные контакты между тюркскими, финно-угорскими и славянскими народами. Начиная с XIII в. сюда начинают проникать монгольские, кипчакские, арабские и новоперсидские лингвистические и этнокультурные элементы, что привело к складыванию определенной лингвистической и этнокультурной общности Волжско-Уральского региона. Эта общность сложилась в результате многовековых интерференций в контактировавшие этносы среднебулгарских (VII-XIV вв.), казанско-татарских (XV-XIX вв.), собственно чувашских (XIV-XIX вв.), финно-угорских (VII-XIX вв.) и русских (XVI-XX вв.) языковых и этнокультурных элементов, что привело к появлению многочисленных лингвистических и этнокультурных параллелей у народов Волжско-Уральского региона.

Среднебулгарские (VII-XIV вв.) лингвистические и этнокультурные интерференции (в той или иной степени) выявлены у удмур-

тов, марийцев, мордвы, татар, башкир, русских) Изогlossen и изо-прагмы выявленных ретроспективным анализом среднебулгарских ре-алий и соответствующих терминов ложатся на карту двумя концен-трическими кругами с эпицентром в р-не Камского устья (в Волжско-Камской Булгарии), включая в себя районы обитания южных и восточных башкир, татар-кряшен, северных удмуртов, марийцев, мордвы (особенно мордвы-мокши), южных хантов и чувашей. В эпи-центре полосы среднебулгарских интерференций - ареалы обитания северных и западных башкир, казанских татар, мишарей, южных уд-муртов, восточных марийцев, низовых чувашей и мордвы-эрзя. Здесь булгарских интерференций значительно меньше, но возрастает про-цент лингвистических и этнокультурных интерференций казанско-татарского и, отчасти, мишарского происхождения. Центр татарских интерференций находится где-то в районе г. Кавани.

Ареальное изучение лингвистических и этнокультурных интер-ференций в Волжско-Уральском регионе показывает, что по всему региону распространялось языковое и культурное влияние волжских булгар, в более позднее время сменившееся волной казанско-татар-ских интерференций, которые частично вытеснили предшествующие среднебулгарские интерференции в более отдаленные маргинальные зоны, а частично наложились на них (в центральных районах). В результате взаимовлияния более раннее булгарской и последующей казанско-татарской волн интерференций сложилась современная аре-альная картина распространения среднебулгарских интерференций в Волжско-Уральском регионе. Эта картина обусловлена историчес-ки - она указывает на два основных этапа тюркизации данного ре-гиона - среднебулгарский (УП-ХІУ вв.) и казанско-татарский (на-чиная с XV в.).

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НОВОГРЕЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Ф. А. Елоева (Ленинград)

В лингвогеографии принят тезис о том, что ареальное распре-деление языковых явлений представляет собой своеобразную проек-цию диахронии, т.е. является отражением истории. Античная эпоха оставила в наследство среднегреческому, и далее - новогреческому языку относительное языковое единство. Однако диалектная диффе-ренциация эллинистического койне намечалась уже в византийскую

эпоху. В настоящее время карта диалектного членения новогреческого языка представляет довольно нестройную картину: границы между диалектами и говорами размыты и обозначены нечетко. Сложность языковой ситуации усугубляется восходящей к эллинистическому периоду диглоссией — своеобразным языковым дуализмом.

При обращении к реальной языковой стихии складывается впечатление, что при всем многообразии форм в большинстве говоров действуют одни и те же тенденции (выпадение гласных, редукция, различные формы усиления согласных, умлаут, палатализация, образование аналитических глагольных форм). В лексико-семантической сфере выявлены определенные тенденции, проявляющиеся во всех диалектах, но в разной степени (тенденция к заимствованию иноязычной лексики, к семантической перестройке, к сохранению архаизмов). Проявление этих тенденций отличается неравномерностью, их характеризует "градуальность", что является отражением различий между реальными диалектами, которые складывались в сложных исторических условиях на географически и политически сильно изрезанной территории.

Отдельные новогреческие диалекты, развивавшиеся изолированно от пелопонесско-ионического диалекта, послужившего основой формирования димотики, сохранили большое количество реликтовых слов. Так это нередко наблюдается в маргинальных говорах, в этих диалектах засвидетельствованы полярные явления ("продвинутость" в области фонетики и грамматики и одновременно некоторый консерватизм в области лексики). В говорах Марджесе, Южной Италии, на островах продолжают существовать слова, не засвидетельствованные ни в димотике, ни в кафаресе.

Следует отметить, что особенное положение сложилось в греческом вследствие естественной и искусственно культивируемой тысячелетней истории. Синхронное диалектное членение новогреческого языка не просто отражает диахронию, многие диалекты содержат "живые модификации" слов, которые литературный язык сохранил вследствие пуристических установок. Вследствие этого, нельзя бездумно следовать лингвогеографическим схемам, в каждом случае необходим конкретно-исторический подход, учет экстралингвистических факторов, этнической и политической истории.

О РУМЫНСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ АТЛАСАХ

О. А. Жданова (Ленинград)

Региональные атласы румынского языка — атласы второго поколения — включают как северодунайскую, так и южнодунайскую территорию с южнодунайскими языками (лежащую за пределами Румынии). Южнодунайским языкам посвящен восьмой, последний региональный атлас. Анкетирование для всех атласов закончено и с 1967 г. ведется работа по выпуску атласов отдельными томами. К настоящему времени выпущено три тома атласа Олтении в сопровождении тома текстов и глоссария, три тома карт Марамурейского атласа, два тома текстов атласа Мунтении и Добруджи, по одному тому карт атласов Баната и Трансильвании, в печати находится атлас Молдовы и Буковины. Их цель — на основе более густой сетки установить границы говоров, более глубоко изучить их, что позволит выявить ареалы распространения различных лингвистических явлений с меньшей степенью приближенности, чем на основе национальных атласов. С другой стороны их целью является отображение современного состояния говоров как следствия демографических перемещений, социально-экономических изменений последних десятилетий и воздействия общенационального языка.

Анкета всех лингвистических региональных атласов Румынии сокращена с 7000 вопросов (в национальном атласе) до 2600, включая вопросник, касающийся личности информанта и сведений об анкетиреваемом пункте, а также вопросник, относящийся к понятиям и ремеслам, характерным для данного региона. Вопросники ориентированы не только на фонетику и лексику, но и на морфологию (существительные в обоих числах и во всех падежах; глаголы во всех наклонениях и временах; прилагательные во всех степенях сравнения и т.п.). Вопросы, касающиеся синтаксиса, значительно меньше, их следует изучать по диалектным текстам, записанным при проведении анкетирования.

В сетку включены пункты, уже обследованные национальными атласами. При проведении опроса анкетиремая территория разбивается на участки, которые обследуют диалектологи, знакомые с говорами данной местности (уроженцы данного или соседнего района). Используются принцип не одного, а "коллективного" информанта,

особенно при работе со специальным вопросником и при записи диалектных текстов. В начале каждого тома дается список понятий, имеющих соответствия в румынских и романских атласах (название атласа, номер тома и карты). На лингвистических картах, кроме транскрипции слова у каждого пункта, используются и значки или изолинии.

ПРОБЛЕМЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВА В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ АТЛАСЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Т.А.Жданко (Москва)

На второй конференции, посвященной ареальным исследованиям в языковедении и этнографии (Ленинград, 1971) был сделан информативный доклад о начале разработки Институтом этнографии АН СССР в сотрудничестве с республиканскими научными учреждениями регионального Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. В докладе характеризовались географическая и этнокультурная специфика региона, принятая авторами методика картографирования, а также научно-теоретические задачи, структура и содержание первого подготовляемого выпуска атласа, посвященного традиционным формам хозяйства - земледелию и скотоводству. В настоящее время работа над этим выпуском находится в стадии завершения; накоплен и обобщается материал для второго выпуска - "Народная одежда". Ведется сбор материала для карт третьего выпуска - "Поселения и жилище".

В процессе сводки, обобщения и анализа материалов первого выпуска атласа возникло много трудностей и проблем, связанных с необычайной сложностью картографического исследования особенностей исторически сложившихся форм хозяйства в огромном по своей территории, многонациональном и уникальном по разнообразию и контрастности природных ландшафтов регионе. Типы хозяйства здесь подчас различны на территориях небольших уездов и волостей, включающих горы и долины, степь и оазисы, этнически разнородное население.

Задача выявления динамики развития хозяйственно-культурных традиций и народного опыта требует сочетания в атласе синхронного и диахронного аспектов исследования, отражения в картах

помимо пространственного также и временного распространения объектов картографирования. Это достигается как включением в первый выпуск атласа обширного вводного исторического очерка, так и составлением ряда карт по двум временным срезам. При этом максимально используются статистико-экономические данные.

По состоянию источников, возможности использования для тематических карт синхронного статистического материала ограничены; преобладают данные, относящиеся к рубежу XIX и XX вв., и началу XX в. Все же по нескольким темам (распространение поливного земледелия, сельскохозяйственные культуры, отрасли скотоводства и др.) удалось составить карты (или врезки к основным картам) по данным середины и второй половины XIX в. — периоду, предшествующему вовлечению феодальной экономики региона в общероссийскую экономическую жизнь. Сопоставление карт дает возможность уловить существенные изменения (вытеснение зерновых культур хлопчатником, изменение состава стада за счет роста товарных видов скота и др.), произошедшие после присоединения к России. Карты этого типа имеют облик картодиаграмм, однако трактовка их содержания в прилагаемых объяснительных записках отличается от экономико-географической иньки, историко-этнографическими аспектами исследования.

Численно преобладающие тематические карты, построенные на этнографических источниках всесторонне характеризуют специфичные для народов региона хозяйственные традиции: устройство ирригационных сооружений; типы сельскохозяйственных орудий; способы уборки, перевозки и хранения урожая; различные у разных этносов (даже в сходной природной среде) наборы сельскохозяйственных культур, связанные с этническими особенностями их пищи; маршруты кочевых путей и сезонные пастбища и др. Обширная территория региона и богатство хозяйственных форм дают возможность широкого сравнительного анализа и разработки достаточно обоснованных типологий.

Важной особенностью этого выпуска атласа являются типологические карты, составленные на основании сводки и обобщения карт, выполненных в пределах территорий республиканских регионов. Это — общерегиональные карты: типов поливного и неполивного земледелия (выделено 4 типа и ок. 20 подтипов орошаемого и 7 типов

неполивного земледелия), а также типов скотоводства (выделено 3 типа и более 10 подтипов). Особое значение будут иметь карты типов традиционного хозяйства, сложившихся в регионе накануне Великой Октябрьской социалистической революции; одна из них накладывается на гипсометрическую основу и дает возможность обосновать ряд выводов историко-экологического характера; вторая - итоговая карта типов хозяйства будет построена на этнической основе и позволит уточнить особенности хозяйства разных этносов и их территориальных групп.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АТЛАСЫ В КУРСЕ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Т.Е.Зубова (Минск)

Богатая и разнообразная историко-лингвистическая информация атласов Франции (национального и региональных) пока еще не нашла регулярного и достаточно эффективного использования в курсе истории французского языка. В отечественной учебной литературе традиция использования диалектологических материалов при изучении закономерностей развития языка восходит к В.Ф.Шишмареву, а лингвогеографических и ареальных данных - к М.А.Бординой. Однако интенсивное развитие лингвогеографии - одного из актуальных направлений современного языкознания позволяет еще более активно внедрять ее результаты в практику преподавания истории языка.

Более полное раскрытие информативных и обучающих возможностей атласов, усложнение целей и задач их использования требуют дальнейшего совершенствования методических приемов. Опыт показывает, что лингвистическая карта может во многих случаях служить исходным и базовым материалом для выявления закономерностей развития языка. Процедура такого исследования включает несколько этапов (назовем основные, т.к. их количество и содержание могут варьироваться): установление территориальных вариантов общенародной и диалектной речи и ареалов функционирования каждого варианта; историко-этимологическая характеристика вариантов с опорой на научную и лексикографическую литературу (учебники, монографии, статьи, словари), с выявлением основных

фаз их эволюции; построение хронологической карты-таблицы, где фиксируется датировка каждого варианта и тем самым вскрывается временная многослойность лингвистической карты.

Опора на карту в исторической лексикологии на первых этапах анализа совпадает с указанными выше этапами для фонетических и морфологических явлений. После историко-этимологического этапа следует определение опорных и дифференциальных сем, затем высчитывается удельный вес каждой семы, строится шкала соотношения семем и лексем и, наконец, лексико-семантическое поле или, что нередко фиксируют атласы, несколько перекрещивающихся на одной карте полей. Такая процедура позволяет вскрыть наиболее существенные черты развития французского словаря: количественные и качественные типы преобразований лексико-семантической системы, их причины и последовательность, столкновение омонимов, влияние аналогий, заимствований и др.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РЕЧИ ГОРОЖАН

Л. В. Игнаткина (Ленинград)

Изучение функционирования современного русского языка в географической проекции является одним из актуальных вопросов лингвистики. Круг тем, определяемых этой проблемой, очень широк и включает в себя не только рассмотрение диалектов или ареалов распространения отдельных диалектных явлений, но и их трансформацию, происходящую в условиях внутриязыковой интерференции. Исследование речи горожан в этом аспекте представляет особый интерес.

"Язык города" (Б. А. Ларин) — это сложное явление как в социальном, так и в лингвистическом плане. На современном этапе всестороннее его описание вряд ли возможно, поэтому, как правило, исследуется или речь определенной социальной группы, или один из языковых уровней: фонетический, морфологический, синтаксический (Т. И. Ерофеева, Е. П. Танская, К. И. Чуркина).

В данной работе объектом изучения послужила речь студентов педвуза Вологды и Курска (по 40 человек от каждого города). С диалектологической точки зрения на территориях, в составе которых находятся эти города, наблюдается различный комплекс фоне-

тических явлений, обусловленных севернорусской или джнорусской основой. Естественно ожидать поэтому, что набор диалектных черт, характерных для курских информантов, окажется не тождественным для вологодских. Цель исследования - выяснить, в чем заключается специфика городской речи, какое место в ней занимают диалектные явления в области вокализма, какова их частота и распространенность.

В результате анализа записей чтения фонетически представительного текста оказалось, что в речи вологжан реализуется 75% диалектных признаков. Наиболее устойчивыми из них являются следующие: модификации ударных гласных среднего подъема /o/ и /e/ в сторону более закрытых вариантов (в среднем в 4% случаев), наличие безударных /o/ и /e/ (соответственно в 19 и 8%), произношение /a/ после мягких согласных на месте орфографического я (в 9%). Для курской городской речи характерными диалектными явлениями следует считать сохранение безударного /a/ после мягких согласных (5%) и делябиализацию /u/ в безударной позиции (10%). Следовательно, частота сохранности произносительных черт, обусловленных севернорусской диалектной базой выше, чем южнорусской.

Результаты обследования в целом позволяют сделать следующие выводы: в городской речи явления, обусловленные диалектными субстратом занимают не первостепенное место, специфической особенностью городских вариантов произношения является широкая вариативность гласных, восходящая к закономерностям диалекта или указывающая на тенденции развития русского литературного произношения.

К ВОПРОСУ О КООРДИНАЦИИ АТЛАСНОЙ КАРТОГРАФИИ В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

В. П. Иванов (Чебоксары)

В то время как практически повсеместно (например, в Прибалтике, на Кавказе и др.) работы над историко-этнографическими атласами ведутся на региональном уровне, в Среднем Поволжье эта работа замыкается на отдельных народах и не выходит за пределы современных границ автономных республик. Между тем традиционную культуру народов Среднего Поволжья - казанских татар, чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов - нельзя рассматривать в отрыве

ве друг от друга. Дело в том, что они не просто недавно находились в многосторонних связях между собой и жили в совершенно сходных естественно-географических условиях, но имели и определенное этногенетическое родство. Поэтому "локальная", замкнутая на одном народе и в современных территориально-административных границах картография и, как отмечалось уже в литературе, неизбежная при этом "местная" интерпретация этнографических явлений может привести к ложным выводам и построениям, особенно в вопросах о древних генетических и культурных связях торкоязычных и финно-угорских этносов региона. Отсюда вытекает актуальность и необходимость перехода к тесной координации работ по созданию историко-этнографических атласов народов Среднего Поволжья, которая ведется сегодня так или иначе в каждой автономной республике. Координирующим центром, по нашему мнению, должен стать сектор этнографии народов Поволжья, Прибалтики и Европейского Севера Института этнографии АН СССР.

Работа специальных программ для сбора материала, системы знаков и принципов составления карт велась и ведется в каждой автономной республике самостоятельно. При этом применяются самые различные методики и программы. В Чувашии, например, широко пользуются татарскими и башкирскими вопросниками, тем самым нарушая такие основополагающие принципы этнографического картографирования как универсальность и сопоставимость. Поэтому координация работ по созданию атласов средневожских народов должна быть начата с унификации принципов, методик и приемов сбора, фиксирования, анализа материалов и составления карт.

Координация атласной картографии потребует систематизации и классификации этнографического материала по отдельным первоочередным темам. Пока же в разных средневожских республиках эти темы по приоритетности значительно различаются, или же, как, например, в Чувашии, в планы работ включаются практически все сюжеты традиционной культуры. Координацию работ по атласной картографии Среднего Поволжья желательно начать с организации рабочего совещания этнографов под эгидой сектора народов Поволжья, Прибалтики и Европейского Севера Института этнографии АН СССР.

ТИПЫ АНТРОПОМОРФНОЙ СКУЛЬПТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ XIX-XX вв.).

С. В. Иванов (Ленинград)

В плане работ сектора Сибири Института этнографии АН СССР намечена в ближайшие годы разработка тем для второго выпуска "Историко-этнографического Атласа Сибири". Среди них значится тема "Типы скульптуры народов Сибири", представляющая интерес для проблемы этнических и культурных связей различных народов в прошлом.

Каждый тип скульптуры формировался в течение длительного времени и отражал в своих материалах, формах и содержании характер местной природы, особенности и направления хозяйственной деятельности народа, группы родственных или близких по культуре народов, их взаимосвязи и мировоззрение. В прошлом антропоморфная скульптура у большинства этих народов была связана с их религиозными представлениями, с шаманством. Исключения составляли куклы и другие игрушки, а также многие произведения эскимосской и чукотской миниатюрной скульптуры, вырезанные из моржовой кости и предназначенные для продажи американцам, посещавшим берега Чукотки с торговыми целями. В порядке предварительной работы выявлены пять основных типов скульптур: два из них описаны ниже:

Первый тип сложился у народов, основным занятием которых была охота на крупных морских млекопитающих - кита, моржа, тюленя. Для них характерна мелкая скульптура, изображающая китов и других морских животных, вырезанная из моржового клыка, наряду с которым применялось иногда и дерево. Она отличается реалистическим изображением, нередко ярко выраженным динамизмом, а в гравировке по кости стремлением передать разнообразие сценки охоты на животных. Такой характер имеет скульптура азиатских (и американских) эскимосов, приморских чукчей и коряков, а также частично занимавшихся охотой на китов нивхов, ульчей и айнов. К тому же типу относилась и скульптура из кости поселений так называемой охтенской культуры, датируемой временем с конца 1-го тысячелетия до н.э. по XVI век н.э. У них, как и у эскимосов, сценки, связанные с охотой на китов, изображались в гравировке. В связи с тем, что киты заплывали когда-то далеко вверх по Амуру, можно

предполагать, что и охота на них практиковалась у предков нивхов и тунгусо-маньчжурских племен (напр., у предков нанайцев).

Антропоморфная скульптура второго типа, созданная эвенками - древними бродячими таежными охотниками, а позже - оленеводами, и по характеру трактовки образа человека, и по своим крупным размерам (некоторые фигуры в несколько раз превышали рост человека) носит монументальный характер. Вся она вырублена из дерева, крупными срезами, отмечающими основные черты лица. На теле некоторых фигур оставлена кора, изображающая одежду. Характерной чертой лица был очень крупный и удлиненный нос. Руки и ноги, как правило, у скульптуры отсутствовали. Западносибирские эвенки нередко устраивали в тайге мольбища со многими крупными антропоморфными изображениями. Среди них встречались и фигуры с руками и ногами в виде коротких обрубов. Крупные, многометровые фигуры антропоморфных духов устанавливались в самой тайге. Перед ними ставили плиту.

Кроме крупной таежной антропоморфной скульптуры, в эвенкийских чумах можно было встретить и небольшие по размерам фигурки человека, также относящиеся к категории различных духов. На мольбищах устанавливались и очень крупные изображения оленеобразных животных.

СПЕЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЕНИЯ ОДНОГО ИЗ АТЛАСОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЗОНЫ (ЛАМО)

А.Ф.Иванова (Москва)

Территория современной Московской области включает говоры различных ареалов, которые заходят сюда с других регионов и являются частями более крупных диалектных объединений, отражая сложные исторические взаимоотношения в жизни русского народа. Заселенные вначале разными племенами, относившиеся к разным уделам московские земли стали ареной формирования значительных языковых различий, которые находят отражение на картах "Лексического атласа Московской области" (ЛАМО - всего 400 карт).

Созданию программы ЛАМО предшествовало глубокое изучение лексической системы московских говоров, многолетний труд в полевых условиях, в результате которого был составлен "Словарь

говоров Подмоскoвья". Систематизация материалов последнего подготовила базу для программы атласа.

Спецификой зоны Подмоскoвья, как показал словарь, является определенная закреплeнность лингвогеографического статуса лексем, их довольно равномерная распределяемость внутри тематических групп (либо как лексем интердиалектных, либо как лексем, имеющих региональный характер).

Программа атласа практически ориентирована на этнографическую и терминологическую лексику, дающую диахронический срез конца XIX в. и представляющую лексическую систему и характерное диалектное членение говоров нашего времени.

При выборе сетки атласа учитывалась экономическая база региона ("шувалики", "башмачники", "огородники", "хмельники" и т. п.), природные условия (лесные, степные места и др.), а также степень культурного влияния на говор деревни. Результатом учета указанных факторов явилась относительная неоднородность обследованных пунктов в каждом конкретном районе (более густая в местах расселения потомков фабричных и заводских рабочих - Раменский район, в частности; менее густая в болотистых местах - Шатурский район).

Сетка ЛАМО отражает 300 пунктов из обследованных на сегодняшний день тысячи сел и деревень Московской области. В среднем на каждый район приходится 10-15 пунктов, которые являются или центрами сельских советов или находятся от них в непосредственной близости. Это требование не соблюдается только в случае, когда такой центр является населенным пунктом городского типа.

Особое внимание при обследовании говоров Подмоскoвья уделялось тем пунктам, которые находятся на периферии области. Это очень важно для обследования говоров, примыкающих к московским, для воссоздания картины связи московских говоров с говорами соседних зон, что в свою очередь позволит выработать общую для Центральной зоны методику лингвогеографических исследований, которая еще ждет своего осуществления.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ НОРМ БРАЧНОГО ВОЗРАСТА У ТАТАР

Д. М. Исааков

В литературе уже отмечалась возможность существования этнически специфичных норм брачного возраста. Эта особенность в наибольшей степени была выражена, видимо, в докапиталистический период (условно нормы брачного возраста этого времени можно было бы назвать "традиционными"). В то же время следует подчеркнуть, что традиционные нормы брачного возраста обладают определенной интернациональностью.

С целью уточнения вопроса о существовании у традиционных норм брачного возраста определенной этнической окрашенности нами были проанализированы данные переписи 1926 г. по татарам. При изучении поставленной проблемы было сделано следующее допущение: нормы брачного возраста, характерные в начале XX в. для сельских групп татар, были взяты в качестве "традиционных". Полученные по разным этнотерриториальным группам татар результаты представлены в таблице (для лучшей сопоставимости приводятся данные по среднему брачному возрасту):

Этнотерриториальные группы татар	Средний брачный возраст	
	мужчин	женщин
1. Средневожско-приуральские (в целом)	22,7	19,7
В том числе:		
(а) казанские	23,3	20,7
(б) мишари	22,4	19,4
(в) приуральские	22,4	18,9
2. Астраханские	22,9	17,9
3. Сибирские	21,9	18,4
4. Крымские	25,0	18,3

Таким образом, существование в начале XX в. у разных групп татар СССР неодинаковых норм брачного возраста является фактом. Вряд ли его можно объяснить различиями экономического характера (уровнем развития). Очевидно наличие этническая специфичность традиционных норм брачного возраста.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ГОВОРЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ВОСТОЧНЫМ ТУРКСКИМ ЯЗЫКАМ

Н.Х.Ишбулатов (Уфа)

Айско-миасский, аргаяшский и салъютский говоры объединяются в северо-восточную группу говоров башкирского языка, которая характеризуется довольно большим количеством черт. В данной группе представлены твердые варианты слов: сас "волосы" (лит. сәс); сасну "сеять" (лит. сәсеу); асы "кислый, горький" (лит. өсе); кыйык "дикий" (лит. кейек).

Тенденция к спирантизации и озвончению согласных выражается в большей мере, чем в других говорах башкирского языка: (а) в салъютском говоре интердентальные ς и φ переходят в fi : кыйыл "красный" (лит. кыыл); кайка "к гусо" (лит. каага); айта "ниву" (лит. аста); (б) в аргаяшском говоре в интервокальном положении глухой ς переходит в звонкий φ : азыл "драгоценный" (лит. асыл); бафну "наступить" (лат. басну).

В аялауте или в начале слога некоторых слов выступает ж вместо й: жыйну "собирать" (лит. ййну); жый "лето" (лит. йй).

С переходит в fi в начале некоторых слов: fi аралын "бекас" (ср. саралын — юго-вост. говоры), fi мес "ковш" (ср. сүмес — юго-вост. говоры).

В аялауте звуку q юго-восточных говоров соответствует звуко-сочетание - qf -: ку qf ыр - ку qf ыр "бурый", а qf ыра - а qf ыра "глупый".

Впадает корневой л глаголов перед начальным м и f аффиксов: fi а/л/ф ан "положил", ка/л/май "не остается".

В условиях сандхи появляется й перед модальным глаголом аяну "брать, везть": барайамаған "не смог пойти" (лит. бара алмаған).

Активно употребляются уменьшительно-ласкательные аффиксы -кай /-кэй/, -кас /-кэс/ и др.

Вставляется q перед аффиксом - fy /- ge / при образовании прилагательных от наречий времени с гласной основой: бая qf ы кеше "тот самый человек" (лит. бая fy); кыса qf е эш "вчерашняя работа" (лит. кыса fy).

2-е лицо мн.ч. повелительного наклонения выражается посредством аффикса - q (-ы q , -е q , -о q , -ө q): барма q "не ходите" (лит. барма fy); йыр q ап эйе q "спойте" (лит. йыр q ап ебере q).

понудительный залог многих глаголов оформляется несколькими фонетико-морфологическими вариантами аффиксов: кейгеэ "одевай" (лит. кейгээр), еткеэ "дове́ди" (лит. еткер).

Представлена древняя форма -жалы /-галы, -тале, -гале/, выражающая цель выполнения основного действия: улар бесэн салгалы киттелер "Они ушли косить сено".

Выпадает и в форме прошедшего времени -ган в 1-м и 2-м лице ед.ч. и мн.ч.: язган "я написал" (лит. язганым), язган "ты написал" (лит. язганым), язган "мы написали" (лит. язганбы).

Вопросительная частица -мы выступает непосредственно за основой слова до аффикса 2-го лица ед. и мн.ч.: аламың "берешь ли ты" (лит. аламың).

Употребляются послелоги тәре и тиксем, указывающие на предел во времени и пространстве: кисеэ тәре "до вечера", кулгә тиксем "до озера".

Многo специфического имеется в словарном составе северо-восточных говоров.

Большинство характерных черт северо-восточных говоров исторически связано с восточными тюркскими языками. Так, например, чередование с/з, присущее аргаяшскому говору, появилось на базе чередования с/з, представленного в хакасском и других сибирских тюркских языках. Твердые варианты слов, формы -жалы и др. восходят к восточным тюркским языкам. А некоторые явления имеют более широкий ареал.

БАШКИРСКИЕ СВАДЕБНЫЕ ПРИЧЕТЫ
(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАССМОТРЕНИЯ ИХ АРЕАЛА И МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИ-
ЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ)

Ф.Х. Камаев (Уфа)

Ареал развитых форм башкирских свадебных причетов (сенгляу) охватывает строго очерченную территорию: восточные, северо-восточные районы Башкирии и челябинско-курганское Зауралье.

Отсутствие традиции причета у ряда тюркских народов Поволжья и Урала (например, у казанских татар) связано с влиянием религии (М.Н. Нигмедзянов). Между тем у чувашей, независимо от вероисповедания, татар-мишарей и в особенности у башкир, исповедовавших ислам, записаны разнообразные формы свадебных причетов. Очевидно, одной принадлежностью к определенной религии вопрос не разрешить. Можно предположить, что в Урало-Обском междуречье сложились в прошлом благоприятные условия для сохранения и развития традиционной башкирской причети на основе контактов с северными угорскими соседями (хантами). Эта точка зрения согласуется с идеями о том, что "предки восточных башкир когда-то в отдаленные времена близко соприкасались с предками современных чувашей, мишарей, той или иной частью финно-угорских народов Поволжья и Урала" (Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова).

Рассмотрение музыкально-поэтической структуры сенгляу подтверждает эту гипотезу. Спиределяющим критерием в систематизации напевов башкирских причетов является песенно-мелодический тип. Он отличается тремя устойчивыми признаками: мелодическим строением и ритмоформулой напева, слоговой структурой стиха. По характеру мелодического строения напева сенгляу можно разделить на две группы: (1) напевы с узким или средним звуковым диапазоном (кварта, квинта); (2) напевы широкого диапазона (секста-октава). Обе мелодические группы имеют единые свойства: восьми-слоговую структуру стиха, с обязательным выделением в ней пяти-слоговой группы (5+3) и равнодлительную ритмоформулу, в которой неударные слоги (пятый и восьмой) по отношению к остальным получают вдвое большую протяженность.

Узкообъемные напевы обнаруживают типологическую близость в свадебных причетах как народов тюркской (казахи Северного Казахстана, чуваша анатри, мишари Мордовской АССР и Пермской области),

так и народов угро-финской языковой группы (мордва).

Широкообъемные напевы раскрывают "агрессивность" причета, способность проникать в другие жанры (в примерах из башкирского и хантыйского фольклора).

Можно сказать, что в песенно-мелодическом типе сентляу обнаруживаются компоненты, не свойственные исконно торкским, хотя у казахов, чувашей и мишарей они встречаются. Эти компоненты, вероятно, были введены к жизни в те времена, когда предки башкир, перекочевав на Урал, вошли в контакт с северными угорскими племенами. Поэтому, солидаризуясь с выводами И. В. Чистова, предположим, что отмеченный им ареал свадебных причетов может быть сдвинут (до 50° сев. широты) и охватывать не только территорию расселения финноугров и русских, но и более южные границы, вбирая традиции ряда торкских народов (башкир, чувашей, мишарей, казахов).

БАШКИРСКАЯ ТОПОНИМИЯ В АРЕАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ

А. А. Камалов (Уфа)

Для установления ареалов распространения некоторых типов топонимов наиболее плодотворными оказываются исследования часто повторяющихся элементов сложных топонимов. Таковыми для современной башкирской, а также торкской топонимии являются апеллятивы, участвующие в составе сложных топонимов, ибо большинство их (ок. 80%) образуется с помощью слов, указывающих на род или вид обозначаемого объекта.

И интересным результатом приводит изучение башкирской топонимии в плане сопоставления ареалов распространения апеллятивов и топонимов, образованных с помощью определенного апеллятива. Апеллятивный ареал, как правило, шире топонимического. Например, апеллятивы айыу, алма, арау, арка, арык, ауыз, бау, бадак и др. известны многим торкским языкам и их ареал выходит далеко за пределы распространения башкирского языка. Однако названия, содержащие в своем составе указанные апеллятивы, в пределах башкирского языка составляют замкнутый ареал.

Определенный интерес представляет изучение топонимов, апеллятивы которых имеются только в башкирском языке, а в других

торкских явках отсутствуют. Таковы топонимы с апеллятивами билэн, боромта, герен, дүңгел, егес, инза, Ирлин, кисмелек, күн, каран, короу, кирака, мамерие, сүгермак, сығыш, түбелес, Һаглау, паркыу, ортну.

По степени распространенности и занимаемой территории названия делятся на локально распространенные и на топонимы, имеющие широкий ареал. К локально распространенным относятся топонимы с апеллятивами арт, балак, батчан, и многие другие (всего 64 апеллятива). Топонимы, занимающие широкий ареал, представлены апеллятивами айыр, арал, атау, арка, аст, буй, Идыра, Ирлин, Кисеу, Кулауек, каран, кылы, чолак, койо, кяя, кыныс, кул, мамерие, сусак, сокор, туба, туш, уй, Һырт. К этой группе примыкают топонимы с апеллятивами блуга, Иныра, Кисеу, Куш, сокор, тау, таш, которые получили распространение по всей территории Башкирской АССР и не дают замкнутого ареала.

По употребительности отдельных моделей топонимов выделяются демский и юго-восточный ареалы, где топонимическая система представлена более чем 50 моделями топонимов. Далее по степени употребительности топонимических моделей идут центральный, южный, северо-восточный, восточный ареалы Башкирии. В распространении отдельных структурных типов башкирских топонимов также наблюдается определенная закономерность. Названия в форме изафет I, считающиеся одним из древних типов торкских топонимов, в большинстве случаев сосредоточены в демском, центральном, северном, северо-западном и западном ареалах, тогда как названия в форме изафет II получили распространение по всей территории Башкирии.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СЛОВАРИ И ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

И.Н. Киселева (Ленинград)

Современный этап в развитии диалектологии во всем мире характеризуется созданием лингвистических атласов. На базе лингвистического атласа или, вернее, его данных проводятся исследования в области изучения исторического развития языка, разрабатываются методы синхронных описаний диалектных систем и т.д. Метод картографии дает нам возможность наглядно увидеть ареалы распространения того или иного явления. Вычленение изоглосс (лексических, фонетических) по данным атласов позволяет выявить остаточные формы диалекта, определить состояние грании между "диалектами" и т.д. Однако, при составлении лингвистических атласов нельзя забывать о значении текстов и лингвистических словарей, которые представляют собой весомый вспомогательный материал.

Нами было проведено рекартографирование лексических особенностей деп. Мозель (его романской части) на материале словаря романских говоров деп. Мозель, составленного Зеллизоном. Известно, что данная область не подвергалась обследованию составителями Лингвистического атласа Франции; поэтому до недавнего времени, т.е. до появления регионального атласа романской Лотарингии (ALLR), это был единственный, помимо текстов, источник, по которому можно было провести реконструкцию. После выхода в свет ALLR исследование было продолжено: на карты, составленные по данным Словаря, нанесли изоглоссы, вычлененные по материалам ALLR. В большей части результаты совпали. В некоторых случаях имелись расхождения. Так, в Словаре форма *ouhi* (лит. *oiseau*) отмечена повсеместно, а в региональном атласе — только на юге. Этот и аналогичные случаи свидетельствуют об оттеснении диалектных форм, стирании диалекта. Наблюдались другие явления: например, Словарь фиксировал распространение формы *schu* (лит. *schève*) на севере деп. Мозель, ALLR же зарегистрировал эту форму по всей территории департамента; форма *esceqz* (лит. *cocheau*) встречалась по данным Зеллисона только в говоре Вид, теперь она распространена на большей части территории департамента.

Наряду с оттеснением диалектных форм наблюдается процесс распространения регионализмов, причем некоторые из них в прошлом принадлежали к разряду "диалектных", а в настоящее время, претерпев некоторые изменения (например, фонетические), воспринимаются как общепольские, и область их распространения, таким образом, несколько расширяется.

Использование текстов представляется полезным и интересным, является существенным вспомогательным материалом при составлении атласов. Нами были изучены диалектные тексты, опубликованные в газете "Les Annonces des Hautes-Vosges". Результаты анализа показали, что данные анкетирования подтверждают данные текстов. Отметим, что составители атласа романской Лотарингии прибегали к помощи диалектных текстов, записывая одновременно новые памятники фольклора. Данные текстов подтверждают вывод об ослаблении диалектных черт, их смешении с формами литературного языка. В атласе нередко встречаем около одного пункта несколько форм: литературную, региональную, диалектную. Тексты отмечают одновременное использование и литературной формы и ее диалектного синонима (choper и лит. prendre, trique и лит. eâtou).

ТИП И АРЕАЛ: ПРОБЛЕМА ВЫЧЛЕНЕНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНОГО ЖИЛИЩА КАВКАЗА)

В. П. Кобьчев (Москва)

При систематизации явлений культуры в качестве основной единицы деления принято пользоваться понятием "тип", который выступает как совокупность ряда существенных черт (признаков) рассматриваемого объекта (Я. В. Чеснов). Вопрос о том, какие признаки считать существенными (типологизирующими) в каждом конкретном случае, обычно решает сам исследователь, исходя из поставленной задачи. Не возражая, в принципе, против такого подхода, заметим однако, что здесь не может быть места произволу. Так, к числу важнейших типологизирующих признаков жилища относятся: строительный материал и строительная техника, планировка, форма крыши, этажность, характер связи с хозяйственными постройками и другие конструктивно-структурные элементы, без учета которых не может быть построена исчерпывающая его типология (О. А. Панская, В. П. Кобьчев).

Указанный набор формообразующих признаков не является постоянным и не может быть четко определен, но зависит от уровня и ареала исследования. Последнее следует понимать в том смысле, что с расширением пространственных границ исследования число общих черт между жилищем отдельных районов будет неизбежно уменьшаться. И наоборот, по мере сужения изучаемого ареала число формантных признаков приходится увеличивать, если мы хотим выявить какие-либо местные различия.

Проблема "тип - ареал" имеет и другой аспект, который часто выпадает при региональных исследованиях, как не укладывающийся в рамки ареальной типологии в узком ее значении. Речь идет о совпадении некоторых типов жилища и технических приемов в строительстве, бытующих в районе географически и культурно не связанных между собой. Таковы, к примеру, башенные постройки, характерные для многих горных районов Европы, Азии, северной Африки и Центральной Америки между 20 - 45° сев. широты (М.И. Джандиери, Г.И. Лажавя).

Совпадение внешних форм в этом случае обычно объясняют конвергентным развитием в сходных природных условиях. Но такая констатация факта не может считаться исчерпывающей, т.к. не снимает вопроса о подлинных генетических истоках и социальной природе явления, которые далеко не всегда объясняются однозначно. С другой стороны, нельзя исключить и того, что видимая несвязанность ареалов может скрывать утраченные звенья древних миграций и позабытых контактов, как это, по общему мнению имеет место в случае с дольменными сооружениями, известными на Западном Кавказе, в Крыму, в Средиземноморье и на Атлантическом побережье Европы.

ПРОБЛЕМЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ XIX-НАЧАЛА XX В.

Г. К. Кожоляно (Черновин)

Северная Буковина, хотя и занимает небольшую территорию на западе Украинской ССР в предгорьях Карпат по верхнему течению Прута и Днестра, в XIX - начале XX в. представляла собой край, довольно плотно заселенный, преимущественно автохтонным славянским населением. Одновременно территория края отличается боль-

шим разнообразием природных условий, ее можно поделить на три части: равнинная северная часть (Прутско-Днестровское междуречье), предгорье (междуречье Прута и Серета) и горная часть Карпат (до реки Сучавы).

В XIII в. Буковина была насильственно отторгнута от древнерусского государства. На протяжении XVIII-XIX вв. отмечена иммиграция сюда венгров, поляков, молдаван, немцев, русских-липован и др. В это же время пополнилось и украинское население края за счет иммиграции в Прутско-Днестровское междуречье украинцев из Галиции. В горной части Карпат с древних времен проживали представители украинского населения - гуцулы, пополняющиеся за счет бегства в труднодоступные горы украинцев равнинной и предгорной части Буковины, а также Прикарпатья и Закарпатья.

Разнообразие природных условий (три зоны) и сложный этнический состав обусловили разнообразие материальной культуры сельского населения северной Буковины в XIX- начале XX в. Решение проблем этнографического картографирования материальной культуры сельского населения северной Буковины важно не только в связи с недостаточным изучением этого края в советской этнографической литературе, но и с встречающейся в советской и зарубежной этнографической литературе попыткой представить материальную культуру края как комплексную и мало отличающуюся в различных природных зонах.

Планировка и застройка поселений, строительство жилищ и хозяйственных сооружений, народный костюм, пища, орудия труда и т.п. в равнинной северной части Прутско-Днестровского междуречья значительно отличаются от предгорья и горной зоны Карпат. Особенно своеобразна материальная культура гуцулов. Условия сурового климата гор, изолированность от внешнего мира, привели во многом к консервации старого образа жизни гуцулов Вижницкого и Путильского районов Черновицкой области и выработке своеобразной материальной культуры.

Отличие материальной культуры сельского населения Северной Буковины указанных трех зон прослеживается в типах застройки поселений и постройки жилищ, бытовании специфических для отдельных зон орудий труда, материала и способов сооружения жилищ домов и хозяйственных сооружений и т.п.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ АРЕАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НАРОДНОГО ЖИЛИЩА УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ ПОЛЕСЬЯ

О.Ю. Иосмина (Минск)

Этнографическое изучение традиционного жилища населения Полесья имеет длительную историю — от фрагментарной фиксации и описания его наиболее архаических форм (XVII—XVIII вв.), изучения жилища отдельных восточнославянских народов (XIX — нач. XX в.) до монографических и ареалогических междисциплинарных комплексных исследований, которые особенно активизировались в последние десятилетия в связи с изучением проблем формирования и развития славянских народов.

В целях стыковки с опубликованным картографическим материалом по жилищу населения белорусского Полесья, конкретизации черт общности и национального своеобразия каждого из национальных типов жилищ весьма актуальным представляется привлечение всего круга имеющихся источников (архивных, литературных, музейных) по ареальной вариативности данного вида материальной культуры украинцев.

К наиболее ранним следует отнести сведения, содержащиеся в работах Я. Мартовича (конец XVIII в.), Д. П. Журавского, Д. П. Деляфила, А. Шафонского (сер. XIX в.), П. П. Чубинского и др. Эти авторы впервые обратили внимание на зональное своеобразие материала и ряда приемов строительной техники, внешнего вида и интерьеров жилища населения украинского Полесья ("полешуков") сравнительно с жителями украинской Лесостепи ("степняков"), наметив пограничную зону проявления этих различий.

Весьма ценным для картографирования является материал, хранящийся в Государственном музее этнографии народов СССР. Отдельные статьи опубликованы в периодических губернских изданиях, большая их часть хранится в архиве Всесоюзного Географического Общества.

Несомненную научную значимость имеет материал монографических работ отечественных и зарубежных авторов, таких как П. П. Чубинский, Ф. Волков, К. Мошинский, Э. Дмыковский и др. (конец XIX — начало XX в.).

Проведенное нами картографирование данных по жилищу украин-

ского Полесья, содержащихся в работах дореволюционных исследователей, обнаружило бытование на всей территории в жилище украинцев общенациональных признаков на фоне генетически более древних общих восточнославянских черт. В то же время оказалось возможным картографически фиксировать и некоторую внутризональную вариативность жилища западной, центральной и восточной части территории украинского Полесья.

Первый этап в изучении жилища украинцев Полесья начался в послереволюционный период и особенно в послевоенный период, когда эти исследования возглавил Институт этнографии АН СССР с целью сбора материалов для историко-этнографического атласа Украины и Белорусии и Молдавии, создания экспозиционных зон в музеях-скансенях. Материалы этих учреждений, работы их сотрудников создают фактологическую базу картографирования.

В плане определения декоративно-художественных особенностей архитектуры жилого дома отдельных районов Полесья и их картографирования, приоритет принадлежит украинским исследователям (С. Таранушенко, П. Дрченко, В. Самойловичу), в работах которых представлено вариативное своеобразие и его территориальная определенность.

Значительный интерес для определения терминологической вариативности этнографических реалий представляют комплексные исследования, проводимые Институтом карпатоведения и балканистики. Работы диалектологов и археологов являются тем базовым материалом, который позволяет конкретизировать возраст этнографических сюжетов, картографируемых по жилищу населения Полесья в целом и выделяемых внутризональных районов.

ДИНАМИКА ЗОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА УКРАИНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ)
Т. В. Юсмина (Киев)

Значительное внимание этнографов при изучении традиционных типов жилищ сосредотачивается на исследовании природы и социальной экологии возникновения, развития и современного состояния традиций, механизма функционирования и формирования их ареального своеобразия (вариативности). Автором в составе коллектива сотрудников Института искусствоведения, фольклора и этнографии им.

М.Ф.Рыльского АН УССР подготовлен к печати выпуск "Народное жилище" Историко-этнографического атласа Украины.

Картографирование ранеопорядковых таксонов украинского традиционного сельского дома (от строительных материалов, решения отдельных конструктивных частей, формирующих элементов планировки, до приемов декоративно-художественного оформления интерьера и экстерьера) раскрыло механизм формирования его вариативности и обнаружило при этом довольно четко зональный характер ее основных типов с внутризональным членением.

Среди варьирующих признаков и тождественных им форм по каждому блоку тематических карт были установлены типологически существенные параметры (соотношение дерева и глиносоломы в конструктивном решении отдельных элементов; материал, способы покрытия и форма крыши; тип, конструкция, форма печи и поворот ее устья; камерность, функциональное использование, взаиморасположение и взаимосвязь отдельных помещений жилого дома и их декоративно-художественное оформление). На их основе выделены пять зональных типов с их внутризональными вариантами применительно к концу XIX - началу XX вв: северный или полесский с вольско-полесским, киевско-полесским и черниговско-полесскими вариантами; центрально-правобережный (правобережно-лесостепной) с львовским, ожновольнским переходным, подольским и ожнокиевским вариантами; центрально-левобережный (левобережно-лесостепной) с полтавским и слобожанским вариантами; южный (или степной) с днестровско-дунайским, нижнеднепровским (причерноморским) и приазовским вариантами; западный (или карпатский) с закарпатским, буковинским, восточнокарпатским (гуцульским), западноприкарпатским (бойковским), западнокарпатским (лемковским) вариантами.

Зональные типы традиционного сельского жилища периода капитализма находились на разных этапах развития, причем интенсивность преобразования традиций и увеличение удельного веса инноваций возрастали с переходом от северной и западной части территории Украины к центрально-восточной и южной, обнаруживая, кроме влияния широтных особенностей природно-географической среды и хозяйственно-культурного своеобразия, также степень усиления экономики и капиталистических отношений, характер процессов общенациональной консолидации и межэтнической интеграции.

Так показал картографический материал, четыре современные

типа сельского жилого дома на Украине (северный, центральный с лево- и правобережными вариантами, южный и западный с прикарпатским, карпатским и закарпатским вариантами) характеризуются коренными качественными изменениями типологически существенных параметров, преобразованием их структурной соподчиненности и усилением процессов выработки общеэтнических и межэтнических этнокультурных однотипных форм. При всем этом они обнаруживают достаточно определенную зональную прикрепленность.

Современные типы сельского жилого дома украинцев, возникшие в новых социально-культурных условиях, отражают преемственную историко-типологическую и территориально-пространственную связь с традициями (планировка, декоративно-художественные стереотипы и т.п.) и в то же время выявляют тенденцию к увеличению значимости вторичных форм, которые осмысливаются этносом как репрезентанты традиционной национальной культуры.

О ЮКАГИРСКО-ФИННОУГОРСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЯХ

Е. А. Фрейнович (Ленинград)

Юкагирско-финноугорские языковые связи представляют собой одну из интереснейших проблем истории происхождения народов северо-востока Азии. Какая-то древняя ветвь финно-угорских народов, двигавшихся с юго-запада на северо-восток Азии, достигла Камчатки, образовав современную народность юкагиров и юкагирский язык.

На материальные языковые связи юкагирского языка с языками финно-угорских народов указывали еще Паасонен, Коллиндер, Боуда, Леви, Тайёр, Ангерс. Эти сближения затрагивают область морфологии, синтаксиса и лексики. Особенно важны сближения в области морфологии, сделанные Б. Коллиндером.

В результате последних полевых исследований юкагирского языка, произведенных в 1959 г., в области основообразования этого языка удалось установить факты, перекликающиеся со структурой древних основ на а(ä), е в древнем уральском языке-основе и с особенностями основообразования от них. Выяснилось, что в юкагирском языке основы существительных I класса на а и основы существительных II класса на а сочетаются с равными вариантами ос-

новообразующих суффиксов мн.ч. (-пэ Ѵ -пул), форм увеличительности (-тэгэ Ѵ -ткэ), комитатива (-н'э Ѵ -н'), а также с разными вариантами суффиксов, образующими глагольные основы со значением недавнего приобретения предмета (-рэ Ѵ -р), давнего обладания предметом (-н'э Ѵ -н'), снабжения кого-либо предметом (-тэ, -су). Это наблюдение может стать решающим в отношении установления генетического родства юкагирского языка с финно-угорскими языками. Правда оно нуждается еще в дополнительных полевых исследованиях, чтобы быть описанным с исчерпывающей полнотой.

Отмечается материальная близость юкагирской формы необладания, образуемой с помощью суффикса -т'уон с показателями формы необладания и лишительного падежа в финно-угорских языках.

Примечательно, что в юкагирском и в мордовских языках проявляется единая тенденция развития этих языков в области образования множественного числа. Так, суффикс мн.ч. существительных в юкагирском -пу Ѵ -пул развился несомненно из основы качественно-процессива пайон' Ѵ пойон' "быть многочисленным", а в мордовских языках показатель собирательной множественности -пуло Ѵ -було возводится к марийскому пуло "много" и финскому пал'о "много".

Отмечается материальное совпадение юкагирского суффикса -ја Ѵ -ја со значением имени деятеля с таким же суффиксом в некоторых финно-угорских языках.

В юкагирском и финно-угорских языках отмечается совпадение основ личин, указательных и вопросительных местоимений.

В области глагола Б. Моллиндер отмечает, например, такие совпадения: (а) материальное и семантическое тождество юкагирского основообразующего суффикса -му со значением становления качественного признака с таким же показателем в финно-угорских языках; (б) совпадение юкагирского суффикса -та Ѵ -то, с помощью которого от основ непереходных глаголов образуются основы глаголов переходных, с таким же суффиксом в финно-угорских языках; (в) юкагирский суффикс -ма Ѵ -ма, с помощью которого в атрибутивной позиции от основ переходных глаголов выражаются значения страдательных причастий, совпадает в финно-угорских языках с таким же суффиксом, с помощью которого образуются причастия и отглагольные существительные; (г) совпадение юкагирского причастия -ја Ѵ -ја с таким же показателем причастия в некоторых фин-

но-угорских языках; (д) совпадение юкагирского показателя повелительного наклонения -к с таким же показателем в финно-угорских языках.

О.Тайёр устанавливает в области глагола некоторые новые сближения между юкагирскими и финно-угорскими показателями.

В области синтаксиса И.Ангере выявлены типологически близкие структуры предложений в области юкагирского и ряда финно-угорских языков.

В области лексики отмечается ряд лексических совпадений между юкагирским, финно-угорскими и, в особенности, ненецким языками.

Указанные сопоставления позволяют говорить о генетическом родстве юкагирского с финно-угорскими языками.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ ВАЛЛОНИИ И ВАЛЛОНСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ

А.А.Ирочина (Ленинград)

Под этнографическими диалектизмами понимаются лексические единицы, связанные по своей семантике или внешней форме с особенностями местного быта. При этом наблюдаются следующие типы связей: (а) диалектное слово, отсутствующее в литературном языке, служит обозначением специфической местной реалии, не знакомой носителям литературного языка; (б) в диалектном слове, принадлежащем к литературному лексико-семантическому типу, актуализируются семантические признаки, отсутствующие у соответствующего литературного слова, что обусловлено различной значимостью некоторых сфер быта для городского и сельского жителя.

Наличие у этнографических диалектизмов тесной связи с денотатами вызывает необходимость комплексного, лингво-этнографического подхода к исследованию некоторых пластов диалектной лексики с обязательным соотношением лингвистических и этнографических источников.

При изучении семантики лексических единиц, бытующих в зоне валлонского диалекта французского языка, относительно хорошо сохранившегося в южно-бельгийских провинциях и обладающего значительным лексическим своеобразием, привлекались данные "Лингвистического атласа Валлонии" Л.Ремакля и Э.Легро, Льеж-

ского и Французско-льежского словарей Ж. Хауста, снабженных рисунками этнографических реалий, а также исследования фольклорного и комплексного лингво-этнографического характера в традициях школы "слов и вещей". При работе с различными группами лексикой удельный вес каждого из источников оказывался неодинаковым.

Исследование диалектных названий атмосферных явлений потребовало соотнесения лингвистических материалов Валлонского атласа с данными диалектных словарей. В выделении семантических признаков диалектных слов помогли фольклорные материалы, приводимые в атласе и содержащиеся в специальных работах. Так, обращение к вариантам легенды, распространенной у романских народов Франции, Испании, Швейцарии, Италии и изученным Ж.-М. Пьерре, позволило объяснить характер связей внешней формы и семантики валлонских наименований осадков: *veaux de mars (d'avril)* - (букв. "мартовские (апрельские) телята") и *viké d'avril* - (букв. "апрельские козлята"), обозначающих дождь с градом и снегом в марте-апреле.

Множественность локальных наименований ветра (более 70), зафиксированных в атласе и обозначающих ветер различных направлений, может быть объяснена как важностью признака "направление ветра" в сельскохозяйственных работах, так и местными поверьями с персонификацией различных видов ветра. При этом обнаружилось определенное сходство в семантике и принципах номинации некоторых наименований ветра в валлонском диалекте и русских говорах.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ИРЛАНДИИ

И. В. Крюкова (Ленинград)

Ирландский язык, имевший непрерывную письменную традицию более десяти столетий с VIII по XIII вв., на современном этапе функционирует, в основном, на уровне диалектов. Фиксация современных диалектов представляется важнейшей задачей не только ирландистики, но и кельтологии в целом. Важность и первоочередность этой задачи определяется еще и тем фактом, что ирландский язык находится на грани полного исчезновения.

Ценнейшим вкладом в изучение ирландских диалектов явилось

издание четырехтомного лингвистического атласа Г. Вагнера. Составителем атласа было обследовано 88 пунктов на территории Ирландии (включая о. Ман), где еще сохранился, в той или иной степени ирландский язык. Вопросник атласа содержит 1175 фраз. В качестве дополнительного материала по каждому пункту прилагаются слова и выражения с английским переводом, а также тексты в фонетической транскрипции и в новой орфографии.

Первый том включает в себя вводную часть, где дается краткая характеристика современного состояния ирландских говоров и сведения об информантах (Вагнер дает шестистепенную градацию сохранности ирландского языка в различных ареалах Ирландии, в зависимости от той или иной степени влияния английского). Том содержит 300 лингвистических карт. На каждой карте фиксируется слово, либо несколько слов, либо словосочетания, отобранные таким образом, чтобы выявить определенную грамматическую форму. Карты позволили выделить именную и словоизменительную парадигматику по различным диалектам Ирландии. Работа с картами дает возможность выявить фонетические, морфологические и лексические различия.

Второй том атласа - это говоры Мунстера (южный диалект Ирландии, пункты 1-22).

Третий том - говоры Коннохта (диалекты центральной части Ирландии, переходной зоны от южных говоров к северным, пункты 22 - 64).

Четвертый том включает в себя говоры Ульстера (пункты 65 - 88). Северо-восточные говоры Ульстера представляют собой переходную зону от ирландско-гэльского к шотландско-гэльскому. Этот же том содержит ценнейший материал по шотландско-гэльским говорам, собранным по семи пунктам (анкетирование проводилось по сокращенному вопроснику из 300 фраз). Здесь же дополнительные тексты и списки слов для двух пунктов.

Через диалект о. Ратлин (п. 67) шотландско-гэльские говоры образуют с ирландско-гэльскими говорами лингвистический континуум. Как современные шотландские говоры, так и ирландские являются результатом развития одного исходного состояния - древне-ирландского языка.

В нашей стране выполнены два исследования по истории именно го и глагольного словоизменения, базирующиеся, в основном, на

материале атласа. Появление этих работ является необходимой предпосылкой для разработки исторической грамматики ирландского языка. В перспективе можно ожидать появления социолингвистических работ, направленных на исследование английского, а также скандинавского влияния на ирландский язык.

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ЯЗЫКОВЫЕ СОЮЗЫ АЗИИ

Е.Р. Крочкова (Ленинград)

Лингвогеографическое изучение распространения тех или иных структурных характеристик в различных языках позволяет выделить языковые союзы, состоящие из языков как генетически родственных, так и неродственных, объединенных между собой некоторым набором общих фонетических, морфологических, синтаксических и лексических признаков. Языковые союзы возникают при наложении различных языков на единый этнокультурный субстрат, в результате чего эти языки приобретают определенное количество общих черт. Важную роль в возникновении языковых союзов играют также контакты между языками.

Индоиранские языки, находясь в длительном окружении неиндоевропейских языков нескольких семей, подверглись большому влиянию с их стороны. Они приобрели целый ряд черт, не свойственных индоевропейским языкам, но объединяющим индоиранские языки с языками других семей. Одной из таких черт является наличие сложновербальных глаголов, т.е. сложных глаголов, состоящих из деепричастной формы смыслового глагола и личной формы образующего глагола. Сложновербальные глаголы передают видовые оттенки, уточняют семантику смыслового глагола, например, в бенгальском языке: бадә "говорить" - баде ут^хә "воскликнуть"; чалә "идти" - чале йвәйә "уходить" и т.п. Употребление сложновербальных глаголов отмечается исследователями практически во всех индоарийских языках, некоторых дридских и иранских языках. Интересно отметить, что наблюдается большое сходство в употреблении сложновербальных глаголов в индоарийских языках с одной стороны и в таджикском языке с другой, вплоть до формального совпадения образующих глаголов. Возникновение в таджикском языке стройной системы сложных глаголов обычно интерпретируют как результат

длительных контактов с тюркскими языками (прежде всего с узбекским). Действительно, для тюркских языков сложноподлежащие глагольные образования чрезвычайно характерны, и в этом отношении структурная общность таджикского и узбекского языков несомненна. Остается открытым вопрос о характере взаимоотношений между тюркскими и индоарийскими (прежде всего восточноиндийскими) языками. Их структурная общность не является результатом прямых контактов. Некоторые исследователи высказывают предположение об их независимом параллельном развитии, однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

Таким образом, картографирование рассматриваемого явления позволяет выделить ареал его распространения, включающий генетически неродственные языки — индоиранские и тюркские. Конечно, одной структурной изоглоссы недостаточно для того, чтобы в данном случае говорить о существовании языкового союза. Однако возможно, что дальнейшие исследования позволят выделить целый ряд других равноуровневых структурных характеристик, объединяющих эти языки (ср. например, преимущественно агглютинативный принцип организации морфологии восточноиндийских и тюркских языков).

АРЕАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРИИ В X—XIX ВВ.

Р. Г. Кузеев, Н. Н. Моисеева (Уфа)

Для этногенетических исследований важное значение имеет выделение этнографических групп (ЭГ) и их подразделений ареальными методами. При этом основой для выделения ЭГ являются не сами по себе те или иные культурные и языковые явления, а привлечение в анализ массового материала, картографирование не элементов, а комплексов культуры, синтез полученных результатов, который заключается в определении степени и глубины корреляции культурных и языковых границ. При установлении истории формирования ЭГ особенно важное значение имеет привлечение родоплеменной этнонимии.

Формирование ЭГ башкир происходило в процессе их расселения и освоения этнической территории. В X—XIII вв. на основе взаимодействия с местными финно-угорскими племенами болгаро-мадьярской и древне-башкирской групп шел процесс сложения древне-башкирского этноса, имевшего племенную структуру. В XIII—XV вв. под воз-

действием кыпчакского этнического наплыва формируются родоплеменные землячества (табынское, катаяское, кыпчакское, минское и др.). В XV-XVII вв. постепенно складываются Ногайская, Казанская, Осинская, Сибирская административные дороги, которые в ряде случаев территориально расчленяют родоплеменные землячества и становятся одним из важных факторов формирования ЭГ.

В то же время в культурной и языковой характеристике ЭГ, помимо природно-географического и хозяйственно-культурного факторов, существенное значение продолжал иметь родоплеменной состав. По культурным и языковым признакам ЭГ башкир и их подразделения можно условно разделить на "генетические", в которых родоплеменной состав сохранял ареалообразующее значение (особенно в северо-восточной и юго-восточной ЭГ) и "территориальные", которые сформировались, как правило, на периферии Башкирии в результате смешения различных групп башкир (нередко с инкорпорацией индигенного элемента). Таковы, например, западно-сибирские башкиры в составе северо-восточной ЭГ, ток-чуранские, иргиз-камеликские, чижинские башкиры в степном Волго-Яицком междуречье, и др.

ЭГ башкир и их подразделения характеризуются своеобразием культурных комплексов, диалектов и говоров, границы которых во многих случаях коррелируются. Эти своеобразия, как правило, находят историческое объяснение в родоплеменном составе ЭГ и их подразделениях. Булгаро-мадьярские родоплеменные группы расселились преимущественно в западной, северной Башкирии и в Приуралье, древне-башкирские - в юго-восточной Башкирии, кыпчакские - по всей этнической территории, торко-монгольские группы - в горной и северо-восточной. Продолжения этнонимических линий ведут: этнонимов булгаро-мадьярского пласта на Северный Кавказ, Дунайскую Болгарию, Паннонию, в Среднее Поволжье и Западную Сибирь; этнонимов древне-башкирского пласта - в Приуралье, Двуречье, Северный Кавказ и в Среднее Поволжье; этнонимы кыпчакской эпохи (в т.ч. торко-монгольские) фиксируются на огромной территории от Ифры на западе до Алтая и Центральной Азии - на востоке. Микроэтнонимы позднего времени (XVII-XIX вв.) в Западной Башкирии - средневожского происхождения, в Восточной Башкирии - западносибирского, среднеазиатского и северо-кавказского происхождения.

В XVIII-XIX вв. территория Башкирии была объектом массовой

миграции. Пришлое население, входя в активные контакты с башкирами, консолидировалось в самостоятельные ЭГ соответствующих этносов, до сих пор малоизученные. Это, например, восточные марийцы, яицкое казачество, мишари и др. В особую ЭГ сложились припущенники на башкирские земли – тептяри, в составе которых, при преобладании татарского и башкирского компонентов, растворилось чувашское и финно-угорское население. Тептярей в культурном и языковом отношении можно считать переходной ЭГ между татарами и башкирами, хотя в конце XIX в. подавляющее большинство их называло себя башкирами.

ЭГ башкир и их подразделения, сформировавшиеся в XVIII–XIX вв., пришли на смену родоплеменному членению башкирского этноса. Марийцы, удмурты, чуваша, тептяри, горноводские русские сформировались в Башкирии в ЭГ со специфическими особенностями в культуре и языке в условиях иноэтнического окружения. Особенностью региона было и то, что многие этнические общности (в т.ч. ЭГ) были одновременно этническими и сословными образованиями (башкиры, мишари, тептяри, яицкое казачество и др.), хотя характер и специфика сословной принадлежности в каждом случае различались. Указанные ЭГ целесообразно называть этносоциальными.

Образование ЭГ башкир в XVIII–XIX вв. надо рассматривать как процесс дальнейшей консолидации и укрепления башкирского этноса на феодальной и в конце XIX в. буржуазной социально-экономической основе. Одновременно это был процесс активных социальных, культурных и языковых взаимодействий, образования явлений би- и полилингвизма, би- и поликультурализма в сложных этнических условиях Южного Урала и Приуралья. Изучение и картографирование этих процессов имеют принципиально важное значение для исследования этногенетических проблем и этнической истории народов Башкирии, а также является базой для разработки проблем этнического и национального развития после Великой Октябрьской революции.

О ПРИНЦИПАХ СОЗДАНИЯ ПРОСОДИЧЕСКОЙ КАРТЫ СКАНДИНАВИИ

Ю. К. Кузьменко (Ленинград)

Обычно при составлении просодических карт скандинавских языков учитывается только реализация скандинавских просодем (акцента I, акцента II, ширкумфлекса, толчка) и совершенно не принимается во внимание различие слоговых структур в разных областях Скандинавии.

Предполагается проект просодической карты Скандинавии, в которой функции супraseгментной просодики рассматриваются в зависимости от слоговой структуры ареала. Выделяются четыре основные области с разными типами структуры слога: (а) область распространения моросчитания (ряд шведских и норвежских диалектов, в которых две моры, разделенные согласной количественно приравниваются двум морам, не разделенным согласным: $M\ddot{A} = M\ddot{O}M$); (б) область господства корреляции взаимозависимости количества гласного и согласного в слоге (этот ареал охватывает Исландию, Фарерские о-ва, часть Швеции и Норвегии, о-в Борнхолм); (в) область распространения корреляции контакта, проявляющаяся в способе примыкания гласного к поствокалическому согласному (датские острова); (г) область господства слогоморфемности (Ютландия), где в большинстве слов слоговая граница совпала с морфологической.

Функция супraseгментных средств (акцентов) зависит от того, какая слоговая структура господствует в ареале. В моросчитающих ареалах тоновые различия выделяют моры (т.е. являются морными акцентами), в ареалах изоуронии они относятся к слогу в целом (т.е. являются слоговыми акцентами), в областях господства корреляции контакта толчок оказывается средством сегментной просодики (показателем четырехчленной корреляции контакта), а в областях распространения слогоморфемности (там, где возможны в основном только односложные слова) все тонические и динамические различия оказываются тонами, типологически сходными с тонами слогоморфемных языков Азии. Фонетическая реализация скандинавских супraseгментных просодем (акцентов) в значительной степени зависит от их функции и связана со слоговой структурой ареала.

Ни в одном из рассматриваемых просодических ареалов тип

слоговой структуры однако не представлен в чистом виде. Для определения степени распространения той или иной структуры слога (что особенно важно для выяснения тенденций развития) необходимо ввести количественные показатели. Степень распространения слоговых структур должна определяться путем процентного соотношения в тексте слов, обеспечивающих функционирование той или иной слоговой структуры. Например, ареал с более чем 80% слогоморфемности, ареал с более чем 50% моросчитания и т.п.

Составить карту такого типа можно не только путем полевых исследований, но и путем анализа многочисленных диалектных описаний (и диалектных текстов), позволяющих определить тип и степень распространения слоговых структур и фонетическую реализацию супraseгментных просодем.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АТЛАСА ДИАЛЕКТОВ НЕМЕЦКОЙ ШВЕИЦАРИИ

Н.Г. Кузьмич (Вологда) .

"Атлас диалектов немецкой Швейцарии" отражает территориальное членение швейцарско-немецкого первой половины XX в. Обзор монографических работ по исследованию швейцарско-немецких диалектов, представленных на карте № 10 первого тома, говорит о том, что многие диалектные области оставались необследованными, а работы по описанию изученных диалектных областей, отличающиеся удивительной точностью в системе передачи звуков, оставляли желать лучшего в плане морфологии, словообразования и особенно синтаксиса.

Совдатели атласа, Г.Баумгартнер и Р.Хоценкерле, придерживались традиции швейцарско-немецкой диалектологии, а, с другой стороны, продолжали романскую лингвогеографическую и ономастическую традицию, в основе которой лежит метод "слова и вещи".

Находящиеся в распоряжении редакции атласа несколько миллионов фонетически транскрибированных и тщательно классифицированных языковых форм, более 10 тыс. рисунков и фотографий, фонотека - позволяют получить конкретное представление о звуковом составе того или иного диалекта. Этот материал помогает в течение короткого времени установить пространственное распространение отдельных слов, форм слова или звуков, а также наблюдать географию и мотивировку названий.

Вопросник словаря представляет собой единую программу изучения швейцарско-немецких диалектов. Он содержит элементы всех уровней языковой системы. Выбор лексических единиц для вопросника определяется данными "Швейцарско-немецкого словаря" - так, включать в вопросник названия таких реалий, как Hut, Schuh, Wagen было бы с точки зрения лингвогеографии нецелесообразно, т.к. мы получили бы по всей немецкой Швейцарии одни и те же слова (в фонетических вариантах), в то время как названия для Kopftuch, Schürze, Jacke, Weste отличаются большой лексической вариативностью, т.е. лексический список вопросника включает названия десигнатов, лексически различающихся в диалектах. Слова сгруппированы по тематическим группам (одежда, пища, жилище, домашнее хозяйство, семейный быт, верования и т.д.). С помощью более плотной опорной сетки, чем, например, в AIS, удачного вопросника и транскрипции, позволяющей фиксировать тончайшие оттенки произношения, швейцарским диалектологам удалось создать новый тип регионального атласа. Первые два тома отражают явления фонетики, 3-й том посвящен лингвогеографии морфологических признаков, 4-й - названиям частей тела.

На картах атласа четко выступает деление швейцарско-немецких диалектов, с одной стороны, на западную (бернскую) и восточную (цюрихско-северовосточнонемецкую) группы, а с другой - на северную (Ура, центральная часть страны) и южную (Альпы). Остальные изоглоссы и пучки изоглоссы, обширные пограничные зоны, представленные на картах, показывают, что диалектные системы швейцарско-немецкого не являются замкнутыми системами, а подвержены постоянному изменению. Среди различных видов изменения наибольшее место занимает процесс смешения диалектов, поглощения мелких диалектов более крупными. В центре этих процессов находятся городские центры (Базель, Берн, Цюрих).

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛЕСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В.Лаучоте (Ленинград)

Полесская диалектная зона представляет собой пучок лингвистических изоглоссы, которые то образуют замкнутый ареал со строго очерченными границами, то простираются далеко за пределы по-

лесского диалектного континуума, объединяя его либо с западными, либо восточными или северными диалектами славянских языков. Особенно ярко различие пространственных конфигураций проявляется у лексических изоглосс.

Для того, чтобы правильно оценить и интерпретировать полесские лексические изоглоссы, необходимо привлекать для сравнения не только данные других славянских языков и диалектов, но также и данные балтийских языков, поскольку в далеком прошлом в Полесье проживали не только славянские, но и балтийские племена, и давние контакты этих двух этносов получили отражение в языке, в частности - лексике в виде древних балтизмов.

Среди полесских балтизмов соответственно их пространственным особенностям, можно выделить следующие группы: (а) балтизмы, отмеченные, кроме Полесья, в соседних славянских диалектах и обнаруживающие непосредственную пространственную связь с территорией современных балтийских языков (сплошной ареал), ср. бонда, жлукта, кулъ, куппы, ковш и др.; (б) балтизмы, бытующие и в полесских и в каких-то других (белорусских, польских) говорах, но с нарушенным пространственным контактом (разорванный ареал), ср. даўрса, гребест, имбалка, лапикло, валкаваты и др.; (в) балтизмы, засвидетельствованные только в полесских говорах: жудок, кокенъ, грнцук, добжить, поданок и др.

Последние две группы представляют собой интерес для реконструкции субстратных процессов в формировании собственно полесских диалектных особенностей в целом и выяснения характера ее древней лексики. В последнем случае перед исследователем постоянно будет возникать проблема: имеем ли мы здесь дело со славянским архивом реликтового характера, или перед нами - древний субстратный балтизм.

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ВОПРОСНИКА ДЛЯ ОБЗОРА АНГЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ Х. ОРТОНА И Ю. ДИТА

Л. Н. Лепкова (Ленинград)

Издание многотомного "Обзора английских диалектов" (1962-1971) было выдающимся событием в английской диалектологии. Принципы составления вопросника для "Лингвистического атласа Англии" позволили собрать обширный материал, изданный в "Обзоре", кото-

рый достаточно адекватно отражает состояние английских диалектов середины XX в.

Предварительная выборка материала проводилась авторами по словарям, прежде всего, по диалектному словарю Дж. Райта и по монографиям. В полевых исследованиях было проверено пять вариантов вопросника и установлено, что наибольшей вариативностью характеризуются диалекты сельского населения. Это определило общую тематику последнего, шестого, варианта вопросника, представленную девятью основными темами: пять из них относятся к сельскому хозяйству и жизни в сельской местности (ферма, обработка земли, животные, природа, дом и домашнее хозяйство); остальные носят более общий характер (названия частей тела, числа, время и погода, утверждения, действия, отношения и др.). Каждая основная тема разбита на несколько подтем. Вопросник содержит 1092 пронумерованных вопроса, но в действительности в нем 1822 вопроса, 367 из них нацелены на выявление фонологических особенностей, 126 - морфологических, 77 - синтаксических, 700 - лексических. Использовались вопросы трех типов, из которых самым распространенным был тип "называющего" (naming) вопроса, напр. What do you call this? (при этом показывается изображение предмета), или What do you call the place where you keep hens? Следующий тип вопросов - "завершающий" (completing) напр.: If Jack is not single, he must be ..., который информант завершает словом married. "Конверсивный" (conversion) тип вопросов использовался для получения форм прошедшего времени неправильных глаголов. Информанту предлагалось произнести глагол в форме настоящего времени, а затем, вставив темпоральные наречия и соответственно изменив придаточное предложение, закончить новое предложение, например: when I have an apple I ... eat it изменено следующим образом: (1) Yesterday I had an apple and I ... ate it; (2) Whenever I have had an apple, I have ... eaten it. В вопроснике все вопросы приведены полностью, что обеспечивает возможность строгого сравнения полученных результатов.

Основной материал изложен в 4 томах (каждый в 3 частях) по географическому принципу: (1) шесть северных графств и о. Мэн; (2) западно-центральные графства; (3) восточно-центральные графства; (4) южные графства. "Предисловие", написанное Х. Ортоном,

предваряет "Обзор". Материал представлен в форме статей, соответствующих определенным вопросам в вопроснике или части вопроса. Каждая статья имеет справочный номер (например, У1.2.1, что означает: "Вопрос 1 в разделе 2 книги У1".

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ ТОНИЧЕСКОГО АКЦЕНТА В НОРВЕЖСКОМ И ШВЕДСКОМ АРЕАЛАХ

Л.Н.Ливанова (Ленинград)

Тонический акцент в норвежском и шведском языках релевантен. Между тем фонетическая реализация тонического акцента различна в различных регионах.

Первый акцент (простой) является восходящим в восточнонорвежских диалектах и нисходящим в западно-норвежских и северо-норвежских. Второй акцент является сложным, имеет большее разнообразие фонетических реализаций, которые могут различаться в близлежащих диалектах. Для говора Осло этот тон можно охарактеризовать как падающий плюс восходящий, для говора Бергена — как восходящий плюс падающий; в говоре Ставангера вторая ступень имеет низкий тон.

В большинстве говоров тонический акцент встречается только в многосложных словах. Некоторые исследователи на основании этого определяют односложное слово как слово без фонетически значимого тона. В части северо-норвежских диалектов (о-ва Сенья, Иймсёй, Андёй) тонический акцент характерен и для односложных слов. Сложный тон в односложном слове указывает на сравнительно недавнее отпадение конечного гласного; в этих диалектах прослеживается тесная связь тонического акцента с редукцией безударных гласных.

В говорах Осло и Стокгольма возможен эфатический второй акцент в односложных словах.

В основном одно и то же слово имеет один акцент в различных диалектах. Имеются группы слов, например, нерегулярные формы сравнительной степени, в которых в различных диалектах возможен либо первый, либо второй акцент: (а) второй акцент характерен для диалектов Северной Норвегии — Иймсёй, Сенья, Эйдс-фьорд; в Западной Норвегии — от Олесунна до Кристиансанна, долины Сетеддал, части Темарка, также Эстфолла. В Швеции — для диалектов

Листержерад, острова Готланд, Северной Швеции, т.е. для периферии. В соответствии с положением лингвогеографии явление, характерное для центральных говоров, является более молодым; (б) второй акцент характерен в этих группах слов для архаичных диалектов - Седедал, Западная Норвегия (хотя в Годбранндален первый акцент); в Швеции - диалект острова Готланд; (в) первый акцент типичен для городских говоров - Бергена, Савангера, Стокгольма, что также свидетельствует о его более позднем происхождении.

В диалектах тонический акцент возможен только внутри слова. В восточно-норвежских диалектах возможен второй акцент в последовательности слов.

Послеударный слог многосложного слова имеет более выраженное ударение на втором слоге в словах со вторым акцентом. В диалектах, для которых характерно так называемое выравнивание (регрессивная ассимиляция в словах с первоначальным кратким первым слогом), оно происходило только в словах со вторым тоном. Более того, в говоре Тинна (Центральная Норвегия) ударение в таких словах может падать на второй слог.

АСПЕКТЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ПЕРМСКОЙ ЛЕКСИКИ

В. А. Ляшев, Р. Ш. Насибуллин

Лексика близкородственных коми, коми-пермяцкого и удмуртского языков, бытующая на территории приуральского севера, привлекает огромный интерес исследователей. Этнически родственные пермские народы в течение веков выработали богатейший словарный состав единого происхождения (около 80%). В общем лексическом фонде имеются многочисленные иноязычные включения. Детальное изучение истории словарного состава может дать ответы на такие важные вопросы, как происхождение и формирование языков и их носителей, характер межплеменных и межнациональных связей. В этой проблематике значительную роль могут сыграть работы лингвогеографического характера.

Стимулом для некоторого оживления пермской лингвогеографии послужило участие в составлении **Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ)**. В ходе выполнения программы авторами статьи составлялись

первые пробные лексические карты сначала по сетке ЛАЕ, затем по расширенной. В научную орбиту был включен также и вновь собранный по специальному вопроснику материал. Уже предварительное исследование лексики с учетом географического размещения подсказывает закономерности ее развития, раскрывает как синхронные языковые явления, так и возможности диахронического подхода. Отдельные диалектные названия в пермских языках насчитываются двумя-тремя десятками; исследователем открывается перспектива изучения семантических свойств слов, фонетико-морфологической структуры и словообразовательно-деривационных возможностей языков. Раскрытие принципов номинации явлений и объектов природы указывает на следы разных мифологических и метеорологических народных представлений. Так, радуга, получившая в говорах свыше двадцати названий, человеку представлялась: водяным поясом; охотничьим поясом; быком с коровой; коромыслом; мифическим существом, пьющим воду; божьей дугой; божьей дорогой и т.д. Этимология слов оказывается не до конца раскрытой без знания духовной культуры народа. В результате картографирования пермской лексики открывается возможность параллельного исследования отдельных сторон народной жизни этнографами и филологами.

Лексические карты дают надежные точки опоры в изучении взаимоотношений и взаимодействий пермских языков с уральскими языками (пермско-прибалтийско-финские, пермско-волжско-финские, пермско-угорские, пермско-самодийские отношения).

Исследование иноязычных включений методом картографирования наглядно показывает не только направление движения заимствованного слова, но и время его освоения. Так, из наиболее важных источников - тюркских и русского языков - пермские языки освоили много сотен параллельных тюркизмов и русизмов. Как показывают пробные карты, параллельно заимствованная лексика имеет свою индивидуальную территорию распространения.

К ВОПРОСУ О КАРТОГРАФИРОВАНИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО ГИНДУКУША КОНЦА XIX В.)

Н.Л. Лужецкая (Ленинград)

Области Восточного Гиндукуша и Памира на основании этнографических, лингвистических и др. данных рассматриваются исследователями как определенная общность - памирско-гиндукушский этно-

лингвистический регион, в составе которого выделяются три ареала: восточно-бадахшанский, кафирский и дардский.

Труднодоступность и замкнутость этих ареалов привели к сохранению здесь до конца прошлого века (и отчасти до наших дней) многих уникальных особенностей и реликтовых черт в материальной и духовной культуре населения, в его социальной организации и т.п. Этим определяется важность изучения Восточного Гиндукуша в историческом аспекте, которое осложняется пестротой этнического, языкового, религиозного состава населения, разнообразием уровней общественного развития в рамках отдельных ареалов. Самым своеобразным и наименее изученным является кафирский ареал, границы которого совпадают с границами исторической провинции Кафиристан.

После завоевания войсками афганского эмира Абдурахман-хана в 1895-96 гг. эта область была переименована в Нуристан, а ее жители, сохранявшие до этого времени политеистические культы, насильственно обращены в ислам. После изменения политической и религиозной ситуации в Нуристане, там произошла известная перестройка социальной структуры общества, находившегося на родоплеменной ступени развития.

Исходную картину доисламского общественного устройства в кафирском ареале, а также происшедшие изменения трудно представить наглядно, как в силу упомянутой этнической и языковой пестроты, так и вследствие разнообразия исторических судеб и уровней развития отдельных его частей. Попытки рассмотреть ряд вопросов социально-исторического плана нередко сводятся к серии отдельных описаний, обобщить которые сложно. Наглядной и методически удобной формой представления этого материала может служить картографирование. Совокупность карт, отражающих распространение определенных социальных явлений в мелких замкнутых обществах позволит представить себе географическое распределение этих институтов на данный исторический момент, проследить особенности и общие закономерности их функционирования.

В качестве примера одной из таких тематических карт приводится карта распространения двух форм рабства у кафиров в доисламский период. На ее основании можно сделать выводы о неравномерности распространения рабства по территории Нуристана, о том что не везде были представлены и домашние рабы, и рабы-ремесленники

о связи этих обстоятельств с экономико-географическими и историческими особенностями ареала и т.д.

Теоретически было бы очень полезно составление таких карт для ряда последовательно сменявших друг друга периодов в развитии региона и его ареалов, что позволило бы проследить социальные институты, существовавшие здесь, в динамике.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (ИТОГИ И ЗАДАЧИ)

Н.Х.Максотова (Уфа)

Создание лингвистических атласов - задача общенационального значения, поскольку без атласа исключается возможность воссоздания полной картины истории языка во всем многообразии его территориального варьирования, решение многих вопросов изучения структуры, закономерностей, потенциалов развития языка и, наконец, объективной оценки диалектной основы литературного языка и его взаимоотношений с диалектами на различных исторических этапах.

Диалектологи Института истории, языка и литературы БФАН СССР в числе первых из семьи тюркских языков занимается разработкой Диалектологического атласа башкирского языка. Программа-вопросник был составлен с расчетом на получение изоглосс по основным, крупным признакам, в результате чего вне поля зрения остались отдельные явления, которые имеют непосредственное отношение к истории башкирского языка. Поэтому лингвистическое изучение башкирского языка должно предполагать в будущем картографирование так называемых фрагментарных явлений, характерных для небольших географических зон с отдаленными в территориальном отношении вспышками. К таким явлениям относятся: грамматический показатель мн.ч. -а/-ә (бүлә сар "внук", бүлә сара "внуки") -к (килер "придет", килерек "придем"); диссимильные звуко сочетания -лт (алтн "ваял", бартн "ходил"); звуко сочетания й-д-ә-с (йенга сәй-динга сәй-винга сәй-синга сәй "солдатики") и т.д.

Лингвогеографическое изучение башкирского языка не должно ограничиваться изучением лишь широких диалектных массивов по пространственной плоскости, оно должно охватить и островные говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Не исключается и составление карт по отдельным фонетическим, морфологическим и ле-

кическим явлениям. Развитие башкирского языка, как и других тюркских, шло на основе консолидации различных племенных и родовых говоров. Отсюда динамичность или замкнутость изоглоссы в большинстве случаев обуславливается действием этноса. Пространственная характеристика явлений, полученная путем лингвогеографического изучения, позволяет проследить распространение исходной формы в связи с динамикой этноса. Так, консонантные сочетания рт, лт, мт, нт, мк, нк, нк обнаружены на территориях проживания исторического племени катая. Исходной точкой является Центральная Башкирия, откуда идут прерывающиеся изоглинии на северо-восток и северо-запад Башкирии и в Западную Сибирь. Если подойти к расшифровке изоглоссы с точки зрения диахронии с учетом наличия -лт, -рт в енисейско-орхонских письменных памятниках VII-VIII вв. и в древнебулгарской эпиграфике, в языке сибирских тюрков, марыг-огуров, то становятся очевидными изоглинии межпространственные и центр из распространения.

В настоящее время имеется материал по 400 опорным пунктам, из которых 250 нанесены на карту. Имеются динамические карты по всем разделам Программы-вопросника, составляются комментарии.

АРЕАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ГЕНЕЗИС ФРАНЦУЗСКОГО *ici*.

З.А. Малометова (Астрахань)

Следы указательных слов с *i-* в современных французских говорах по данным атласов серии NLAFF свидетельствуют о распространенности этого явления не только в старофранцузских литературных текстах, но и в повседневной речи того периода. *ici* < *esse hic* имело дублетную основу *ci* (употребляющуюся как усилительная частица в современном французском языке в образованиях типа *celui-ci*). Аналогичные дублетные формы известны и для других указательных слов (*cist-iuist*, *tel-itel* и др.).

Формы на *i-* засвидетельствованы, однако, лишь начиная с XI века ("Житие св. Алексея"), а в современном языке удержалось только наречие *ici*. Загадочное исчезновение форм на *i-* к XVI веку, а также рефлекс на *a-* общероманских образований (исп.-окс. *aquel*, рум. *asel* и т.д.) дали основание предполагать вторичность происхождения французского "указательного префикса"

1-. Шведский ученый К. Кьельман в 1928 г. выдвинул гипотезу о возникновении указательного i- из пары старофранцузских наречий *ilues* < *illo loco* ("там") - *lues* < *loco* ("там", "тотчас"); способствовавших переходу "префикса" i- на демонстративы с *s-* (*ici* и т.д.). Гипотеза Кьельмана не учитывает двух существенных факторов: (а) времени (*aquí* появляется в текстах на два столетия позже старофранцузских форм на i-); и (б) уровней языка. В настоящее время, когда изучение современных французских говоров еще далеко от завершения, мы, тем не менее, располагаем некоторыми данными о наличии демонстративов на i- на северо-западе: о-ва Гернси и Джерси (*itel, itout, ilà*), мыс Ар (*itel, itout, ilà*); департамент Манш (*ilà*), Бретань (*ilà*); в центре: Орлеан (*itout*); на северо-востоке (*ilà*); а также во Французской Луизиане (*ilà*). Маргинальность и разорванность современных ареалов бытования форм на i- указывает на архаичность этого явления, отступающего под натиском литературного языка.

На существование древнего ареала форм на i- в Северной Галлии указывает и присутствие демонстративов с префиксами *ei-, ai-*, (*eici, eila, aici, vilà*) на территории Окситании, засвидетельствованных как в старых текстах, так и в современных диалектах, вышеупомянутого *iqui* и некоторых других. Из всего этого можно сделать вывод, что французское *ici* является реликтом некогда разветвленной группы демонстративов с i-. Возникновение и исчезновение которых остается пока еще весьма проблематичным.

О РАБОТЕ НАД ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ АТЛАСОМ МОЛДАВИИ

М. В. Маруневич (Кишинев)

Работа по подготовке одного из первых выпусков историко-этнографического атласа Молдавии, посвященного народному жилищу, в настоящее время близка к завершению. В процессе работы, проводившейся сначала в региональном плане, выяснилась относительная преждевременность постановки региональных задач, главным образом из-за недостаточной изученности жилища народов каждой из республик. Сказались и трудности методического характера, связанные с пестрым этническим составом населения некоторых районов Молдавии и Южной Украины. Нечеткость этнических границ.

смешанное расселение этнически разнородных групп значительно усложняли методику картографирования в сводном варианте, требовавшем совмещения региональных черт, общих для всех народов, с чертами этническими.

В дальнейшей в работе над Молдавским атласом потребовалось несколько лет для того, чтобы указанные трудности были преодолены. Во-первых, появились исследования (монографии, статьи), посвященные изучению гагаузского, болгарского, молдавского и русского жилища на территории республики, а также сопредельных районов Украины, что способствовало значительному продвижению работы. Во-вторых, был накоплен определенный опыт в разрешении целого ряда трудностей методического плана.

Исторически сложившаяся этническая пестрота населения в южной, левобережной и отчасти северной Молдавии предопределила интенсивные процессы интеграции культур отдельных этносов и групп населения в течение всего XIX в. Этому способствовали ускоренные процессы развития капиталистических отношений в этой западной окраине Российской империи.

Вся работа над атласом состояла из двух этапов. На первом были созданы карты (с объяснительными записками и иллюстрациями) отдельно по каждому народу, при этом обнаружилось дублирование общих региональных черт в материале по отдельным народам. Очевидной стала необходимость сведения карт и текстов. При сведении вместо пяти карт по одному периоду для каждого элемента стала одна, на которой общее слилось в единое для всех народов явление, обозначенное на карте в виде черного значка. Для обозначения специфически этнических черт был применен метод заполнения контуров значка специальной штриховкой, условно отнесенной каждому народу.

Опыт работы над Молдавским атласом, запрограммированным вначале как часть регионального атласа Украины, Белоруссии и Молдавии, показал, что создание региональных атласов обязательно предполагает большую или меньшую разработанность соответствующих тем для отдельных народов или этнических групп населения, так как региональные карты и сопутствующий им материал - это более высокая степень обобщения. Осуществить эту генерализацию типов и ареалов в масштабах региона невозможно без первичного этапа картографирования массового материала с учетом всех вариационных колебаний в типологической классификации, особенно в этнически смешанных и контактных зонах.

К ИСТОРИЮ-ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ ОБРАЗОВАНИЯ КРЕОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

О. А. Матвеева (Ленинград)

В последние годы лингвисты все чаще обращаются к вопросу о взаимодействии языков в ситуациях двуязычия и многоязычия. К этой области относится и изучение процессов креолизации, т. е. специфических изменений того или иного европейского языка в результате его употребления как вспомогательного средства общения, с последующим превращением этого редуцированного языка в единственное средство общения языкового коллектива. Так, в американо-карибской зоне, а также на островах Индийского океана возникли креольские языки на французской лексической основе. В результате проведенных исследований выявлены некоторые специфические изменения, общие для обоих ареалов, однако эти исследования не носят системного типологического характера.

Нет единого мнения и по поводу характера взаимодействия французского и местных языков во франкофонной Западной Африке. Исследования только начаты и ведутся в основном в плане изучения словарного состава, однако они уже показали всю сложность проблемы, поскольку французский язык Африки представляет собой своеобразный континуум, от "чистого" французского с одной стороны до языка креольского типа, с другой. Остается открытым вопрос о возможности образования креолофонных ареалов в Африке.

В исследовании предпринята попытка выявить фонетические, лексические и грамматические особенности языка креольского типа, обнаруженного на территории Республики Берег Слоновой Кости, с креольскими языками Карибии и Индийского океана.

ЭСКИМОССЮ-АЛЕУТСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ АРЕАЛ

Г. А. Меновщиков (Ленинград)

Признаки языкового родства, сходство древних компонентов материальной и духовной культуры эскимосов и алеутов, обнаруженные археологами, этнографами и лингвистами в XIX-XX вв., свидетельствуют о генетическом родстве этих палеоазиатских племен в далекую эпоху их континентальной жизни.

Приблизительно 8-10 тыс. лет назад произошла миграция пра-

эскимосов и протоалеутов из Северо-восточной Азии в Северную Америку.

В регионе древней Берингии, а точнее - на территории Аляски с прилегающими к ней островами и Чукотским полуостровом, происходит расхождение этих родственных племен. Протоалеуты, продвигавшиеся, по-видимому, первыми за пределы Северной Азии, заселяют юго-западную оконечность Аляски и Алеутские острова. Протоэскимосы первоначально расселяются на прибрежных территориях Аляски, островах Нунавик и Лаврентия (Сивуак). Часть этого племени закрепляется на побережье Чукотского п-ова (азиатские эскимосы).

Оба племени создают в занятых зонах независимые одна от другой культуры охотников на морского зверя. Автономное образование приморских культур арктических охотников этими племенами подтверждается различием не только орудий и средств промысла, но и различием названий морских зверей - главных объектов промысла.

Отдельные ветви эскимосского племени из района Берингоморья постепенно продвигались на север и северо-запад. Этот процесс миграции, начавшийся около 5-6 тыс. лет назад, продолжался почти 2-3 тыс. лет и завершился распространением приморской культуры предков современных эскимосов по всему Арктическому региону (Северная Америка, Канада, Гренландия).

Общэскимосский язык, развившийся в берингоморский период в условиях тесного контактирования двух родственных племен эпиков и инупиков и с образованием приморской культуры обогатившийся общей охотничьей лексикой (названия морских зверей, орудий и средств промысла, новых предметов быта) в процессе расселения отдельных групп его носителей на изолированных арктических землях в течение тысячелетий претерпел значительные изменения в строе. Частично или полностью длительное изолированное существование отдельных островных групп эскимосов способствовало образованию отдельных эскимосских языков и диалектов. В далеко отстоящих один от другого диалектах произошли значительные изменения в лексике и частично в звуковом и грамматическом строе. Однако важнейшие черты грамматического строя сохранились и являются общими для всего эскимосского региона.

Отдаленно родственный общескандинавскому языку алеутский язык лишь в незначительной степени сохранил сходные с первым черты грамматического строя. Непосредственное и тесное контактирование носителей протоэскимосов и протоалеутов относится, по-видимому, к поре их совместного обитания еще в доамериканский период в регионе Северо-восточной Азии.

ВОПРОСЫ АРЕАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ремесел И ПРОМЫСЛОВ БЕЛОРУССИИ

С. А. Милошечков (Минск)

В белорусской этнографии уже имеется опыт ареальных исследований, посвященных традиционным ремеслам и промыслам (ткачеству, гончарству). Трудности выявления и собирания в наши дни полевых материалов конца XIX — начала XX вв. для таких исследований значительны: много ценных вещевых источников (орудия труда, ремесленных изделий) утрачено или дошло в очень плохой сохранности; большинство ремесел и промыслов практически прекратили существование в своих традиционных формах; постоянно сужается и без того ограниченный круг информантов.

Ареальным исследованиям различных явлений этнографического порядка в народных промыслах и ремеслах Белоруссии нередко присуща своя специфика. Она определяется тем, что ряд видов неземледельческих производственных занятий имел в конце XIX — начале XX вв. дисперсное распространение и неоднородную в территориальном отношении концентрацию. Это обычно исключает равномерное картографирование явлений по достаточно густой сетке и предполагает составление карт размещения основных центров ремесел и промыслов на исследуемой территории.

Фиксация этих центров связана с выработкой критериев по их отбору и учету. Суть вопроса: по каким параметрам относить центры к числу основных? Четкое и принципиальное решение данного вопроса во многом предопределяет результаты работы. На наш взгляд, определяющим критерием должна быть репрезентативность явлений, отражающая их реальное локально-пространственное разнообразие. Дополнительно могут учитываться и такие факторы, как мощность центров, зональные особенности их концентрации и др.

С дисперсным размещением и неравномерной концентрацией ре-

месленно-промысловых центров сопряжен вопрос об определении границ ареалов, зафиксированных на карте изофункциональных явлений. Суть его в том, по каким признакам следует определять изопрагму явлений в условиях значительной пространственной разреженности между ними? Решение поставленного вопроса требует гибкого подхода и учета в каждом конкретном случае факторов различного порядка (экономического, хозяйственно-культурного и др.). Например, при исследовании белорусского гончарства учитывалась граница зоны массового распространения продукции из того или иного центра керамического производства.

В образовании этнографических ареалов на территории Белоруссии большую роль играл физико-географический фактор, в частности наличие разветвленной речной сети. Показательно, что изофункциональные типы ряда орудий труда, технологических навыков, а также некоторых этнографических явлений, отмеченных в традиционной сельскохозяйственной технике, народном жилище и одежде белоруссов, локализируются в бассейнах больших рек - Днепра, Припяти, Зап. Двины, Немана, тяготея к одной или двум-трем смежным речным системам. Основную причину такого формирования ареалов, несомненно, следует искать в географическом положении Белоруссии, территорию которой пересекают важные водные пути. В прошлом они играли особенно большую роль в развитии экономических связей, этнокультурных контактов, были своего рода магистралями для распространения различных форм этнографических явлений.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ФУНКЦИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ

Н.А.Минасова (Ташкент)

К настоящему времени вышел в свет только первый том Лингвистического атласа Пиренейского полуострова (ALPI) - фонетический (он состоит из 75 карт). Для ALPI его составители выработали подробнейшую систему фонетической транскрипции. В ее основу положен латинский алфавит с массой дополнительных знаков. Таким образом, малейшие оттенки звуков отражены на лингвистической карте. Количество звуковых вариантов фонем колеблется от 3 до 23 (а - 23 варианта, е - 5, і - 3, о - 8, u - 6). Применение подобной системы транскрипции вполне оправдано, так как в

этом атласе собраны материалы для характеристики фонетической системы языка. Для атласов же морфологических или лексических необходимо применение транскрипции более обобщенного типа, передающей фонематический состав языка.

Материалы первого тома дают возможность говорить о пространственной характеристике Пиренейского полуострова посредством анализа многих фонетических явлений. Так например в ALPI можно проследить судьбу *r* на четырех картах: № 13 - *ahogarse*; № 15 - *andar*; № 21 - *ayunar*; № 31 - *свер.* Обследование этих карт показало, что колебания в употреблении плавных согласных имеют место в Леоне, Эстремадуре, Андалусии, Мурсии, Арагоне и даже в Кастилии. Можно привести значительное количество аналогичных примеров.

Исследование показало, что многие фонетические ареалы соотносятся с этнографическими делениями данной зоны и являются тем самым как бы индикаторами ее исторического развития.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ ошо, шуд, шү, шүш "это"
В ГОВСОРАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ

С.Ф.Миржанова (Уфа)

Башкирские языковеды рассматривают указательные местоимения ошо, шуд в двух различных самостоятельных значениях: ошо "этот", шуд "тот". Данные лингвистической географии показали, что местоимение ошо (с фонетическими вариантами үшү, шошо, шешө) и шуд (с вариантами шү, шо, шод, шад) в диалектах башкирского языка употребляются в значении "этот, эта, это" и выступают дифференциальными признаками двух диалектов.

В ареал функционирования местоимения ошо входят населенные пункты, расположенные по нижнему течению р.Уфимки, далее на юг от г. Уфы отмечаются во всех опорных пунктах по бассейнам рек Белой (среднее течение), Б.Инаера, Зилдима, Нугуша, Сакмара и др. За пределами Башкирии оно выступает в Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областях. Таким образом, изоглосса ошо является характерной особенностью южного диалекта.

Местоимение шуд в значении "этот, эта, это" зафиксировано в пунктах по рекам Юрвань, Ай, Миасс, Синар, Карабулак на северо-востоке Башкирии, а также в Челябинской и Курганской об-

лестях. Параллельно с местоимением шуды в том же значении местоимение шуд, шу употребляется на севере в Свердловской области, на северо-западе Башкирии и в Пермской области. Таким образом, местоимение шуд, шу характерно для восточного диалектного ареала. Вместе с местоимением шуды его изоглосса проходит и на северо-запад Башкирии. Помимо этого местоимение шуд, шу в значении "тот, та, то" выступает на всем башкироязычном ареале, и в этом значении функционирует в литературном языке.

В других тюркских языках эти местоимения употребляются также в различных значениях, иногда их дифференциация происходит за счет замены гласного: кумык. шо "тот" - шу "этот"; кирг. шуд "это" - шод "тот". Однако в большинстве тюркских языков местоимение шу, шо, шол, сол употребляется в значении "тот".

АТЛАСНАЯ КАРТОГРАФИЯ И АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Михайлов, Н. Л. Сухачев (Ленинград)

В исторической перспективе развития науки объяснимо и правомерно стремление разграничить различные этапы ареальных исследований как в языковедении, так и в этнографии, выделить в качестве самостоятельных дисциплин специфические по своим задачам и методам направления в области тематической картографии. Однако абсолютизация существующих различий между практическим и теоретическим аспектами атласной картографии ведет не только к терминологическим противоречиям, но и к расплывчатому представлению предмета исследования, если не к ошибочным интерпретациям материала карт.

Поскольку конечная цель ареальных исследований сводится к вычленению отдельных этнолингвистических общностей в обследуемом континууме, к определению их границ, а также условий формирования и особенностей функционирования этих общностей, постольку, как не раз отмечалось, необходимы усилия по координации источников и методов картографического анализа в языковедении и этнографии. Необходимо считаться с тем, что картирование не может служить самоцелью ареальных исследований, а тематические атласы далеко не единственный их источник. Более того, они вписываются в систему различных источников языковедения и этнографии, служат разным задачам и представляют неодинаковые возможности для ин-

терпретации данных карт.

Атласная картография включает круг проблем, связанных (1) с подготовкой атласа, разработкой его программы, организацией полевых исследований и картированием полученных данных; (2) с использованием материала карт в качестве источника дальнейшего лингвистического и этнографического анализа, что требует предварительной оценки ограничений, обусловленных программой атласа, а также спецификой рассматриваемых явлений; (3) с использованием карты в качестве иллюстрации и как метода собственно лингвистического или историко-этнографического анализа; (4) с интерпретацией данных картографического анализа в контексте исследуемой задачи, учетом накопленного исторического и типологического материала, разработкой ареальной модели явлений; (5) с отношением полученной модели к конкретной этно-лингвистической ситуации, к последовательности реальных моментов языкового и культурно-исторического развития, с включением в статику карты динамики исторического процесса.

В зависимости от программы обследований и от уровня обобщения полевого материала на картах атласа меняются и возможности их интерпретации, в том числе возможности соотнесения данных лингвистической и этнографической карт. Достаточно полное совпадение границ, устанавливаемых для ряда явлений, не обязательно свидетельствует о наличии корреляции между соответствующими явлениями. Случайные и закономерные связи на карте проявляются одинаково (в совпадении конфигурации ареалов, их топологии, в совмещении изолиний, очерчивающих границы явлений). Чтобы избежать ложных интерпретаций, желательно рассматривать не столько атомарные явления, сколько определенные их структуры, которые могут быть установлены по мере разработки программ атласов и уточнения программы в ходе полевого обследования, а также в контексте более широкого лингвистического и историко-этнографического анализа явлений. Исходные (в том числе аналитические) карты, появление которых было оправдано быстротой ввода в научный обиход полевых материалов, начинают утрачивать свои преимущества по мере увеличения массива карт. Все более целесообразной становится разработка атласов, включающих карты обобщенного синтетического типа.

Эффективность ареальных исследований, полнота использования

локализованных на тематических картах данных и достоверность картографических методов анализа комплекса изоглосс (изопраги, изодокс), может быть резко усилена при использовании возможностей электронной-вычислительной техники. Использование ЭВМ может изменить структуру ареальных исследований, усилить различия, существующие между атласами, рассматриваемыми в качестве источника полевых материалов, и атласами, описывающими определенную ареальную ситуацию, вскрывающими динамику развития и перераспределения изоглосс, изопраги и изодокс, характеризующих те или иные этнолингвистические общности и этнические группы.

Корреляция между территориально дифференцированными явлениями равного порядка может быть изучена и имеет смысл ее изучать прежде всего на обобщенном уровне, на котором тематическая карта выступает в качестве своеобразной плоскостной модели исторического состояния языка и народной культуры на исследуемой территории.

ОБ ОПЫТЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ИГР)

И. А. Морозов (Ленинград)

Результаты исследования обрядового фольклора методами ареальной лингвистики хорошо согласуются с данными диалектологии. Надежные результаты в этом смысле можно получить при анализе вербального и акционального планов народных игр, которые сохраняют значительные остатки обрядовых форм и зачастую представляют собой пережиточную форму обряда, в который введены общеигровые элементы (считалки, игровые наказания и т. п.), как, например, в игре "Похороны Костромь".

Ключевой проблемой при картографировании народных игр (как и при картографировании обрядов) является проблема выработки инвентаря знаков для отражения на карте реально засвидетельствованного в игровых текстах синкретического единства акционального, вербального и реального планов игры. Мы в своей работе использовали форму знаков для обозначения акционального плана игры, а цвет - для обозначения особенностей вербального плана (например, тип текста или ключевого термина). Особенности игровых реалий обозначались различными диакритиками.

Наибольшие трудности возникают при определении понятий "тип игры" и "типовая схема игры", т.к. один и тот же вербальный текст нередко употребим в играх с принципиально различными игровыми схемами, т.е. акциональным планом. Отсюда возникает потребность в составлении специальных карт, отражающих распространение одного и того же вербального текста в играх различного типа.

При картографировании выделяется ряд ареалов, существенно различающихся как на текстовом; так и на терминологическом уровне. Севернорусская зона, в основном территориально совпадающая с севернорусскими диалектами, характеризуется рядом особенностей как в терминологии (термины для деятеля "Ермак" в игре "мак", "воробей" в игре "перепелка", лунь" в игре типа "ящер" и др.), так и в игровых схемах, что может быть выражено и в языковых клише: "заяц" в игре типа "козел" "ходит", а не "скачет" и т.п. Целый ряд изодокс объединяет севернорусскую зону, особенно Псковщину и территорию треугольника Кострома - Вологда - Владимир, с восточной Украиной (особенно с Харьковской обл.) и южной Россией (Вринская и Курская губ.). Характерно, что большинство специфически севернорусских игр на общеславянском фоне носят характер явных инноваций.

Ряд терминологических и текстовых сходств характеризует территорию говоров белорусского языка, хотя большинство из них характерны также для тех или иных прилегающих зон. Одна группа признаков (терминов и текстов) объединяет эти говоры с говорами украинского языка (например, термин для деятеля "соловей" в игре "мак"), другая с балтийскими и прибалтийско-финскими (например, специфические тексты игры типа "репа/редька").

Существует ряд терминологических и текстовых особенностей, характерных только для Украины: например, название игры - "Володар" или текст игры типа "плетень завивать", имеющий, кстати, ярко выраженные региональные варианты: на Украине "завивают горох", на территории большей части русских говоров - "завивают капусту", а в ряде севернорусских говоров и спорадически на севере и востоке Украины и южном Поднепровье могут "завивать/заплетать плетень".

Некоторые игровые схемы, вербальные тексты и термины могут однозначно характеризовать диалектную принадлежность того или иного игрового текста в целом. Например, термин "селезень" ха-

рактен для Смоленщины (на других территориях ему соответствуют термины "козел" или "заяц"). То же можно сказать о ряде эпитетов и вербальных клише.

Наряду со специфически игровыми терминами в игровых текстах употребляются и общефольклорные (типа эпитетов "белый", "золотой", "кудрявый" и др.). Особенно ярко это проявляется в ономастике игровых вербальных текстов. В народных играх широко употреблены имена собственные типа Иван (Ванька, Васька, Яська, Ясь и т.п.), Селиван, Маруся (Мария, Марылька, Машка и т.п.), Апанас (Панас), Андрей и др., популярные в ряде жанров фольклора. То же относится к терминам типа "добрый молодец", "красная девица", "бояре", "купцы", "дед", "баба", "поп" и др.

Распространение тех или иных типов игр и игровых терминов на определенных территориях и их бытование в прилегающих фольклорно-этнографических зонах, при учете данных археологии и лингвистики, может дать хорошие результаты.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ МНОГОТЕМНЫХ КАРТ ОЛА

Т.М.Морозова, В.А.Пыхов (Москва)

В ходе работы над ОЛА первоначально составлялись однотемные карты, т.е. карты, на которых отражалось одно явление того или иного языкового уровня. К настоящему времени, когда составлено значительное количество карт по нескольким разделам Вопросника ОЛА, появилась возможность создания многотемных карт, особенно в случаях, когда обрабатывается материал по тематически связанным вопросам. В процессе работы однако подтвердилось предположение о том, что необходима подготовка более строгих в тематическом отношении карт, в частности собственно лексических и собственно словообразовательных.

На первом этапе работы были составлены карты по 6 вопросам раздела "Сельское хозяйство", представляющим тематическую группу названий плодовых деревьев (яблоня, груша, слива) и их плодов. Сравнение карт показало однообразие корней в указанных названиях на всей славянской территории (за исключением чешских диалектов), тогда как на словообразовательном уровне выделялись четные ареалы. Поэтому обобщающая карта была составлена как чисто словообразовательная.

Поскольку выделенные ареалы представляют собой обширные и в то же время компактные ареалы, то, несмотря на сложившуюся в ОЛА практику составления карт преимущественно с использованием знаков (фигур), авторы сочли возможным при картографировании использовать как знаки, так и штриховку. В том случае, если названия плодовых деревьев и их плодов в каждом пункте сетки ОЛА образованы по одной словообразовательной модели, применялась штриховка территории. Если же в указанных названиях было представлено две (или более) словообразовательных модели, сохранялась знаковая система. При этом каждый суффикс отражался с помощью различного рода заливки поля знака (круга), светлым полем обозначались бессуффиксальные образования. Указанный способ картографирования позволил наглядно представить дистрибуцию суффиксов в названиях данных реалий.

Для окончательных выводов, по всей вероятности, необходимо привлечение дополнительных материалов по названиям других плодовых деревьев, например, черешни. Однако уже сейчас можно сделать некоторые выводы о том, с помощью каких суффиксов образуются названия указанных реалий на всей славянской территории.

Бессуффиксальные образования в данной тематической группе характерны для русских, белорусских, восточной части украинских говоров (а также Межгорского, Тячевского и Виноградовского р-нов Закарпатской обл.), для македонских диалектов (включая пп. на территории Греции и Албании) и северо-западной части болгарских диалектов.

Названия с суффиксом -к- распространены в юго-западной части украинских говоров, в центральных польских, западных и средне-словацких диалектах, на территории Моравии и в западных чешских диалектах.

В словенских, сербохорватских диалектах (включая пп. на территории Венгрии и Румынии) наблюдается различие в названиях видов плодовых деревьев (слива, яблоня - бессуффиксальные образования, груша - суф. -к-). В болгарских диалектах (исключая северо-запад) бессуффиксальные образования отмечаются в названиях сливы и плода груши, в то время как в названиях яблони (плод и дерево) и дерева груши имеется суффикс -к-. На северо-восточной части белорусской территории и прилегающих к ней Псковской, Смоленской Калининской и Брянской обл. распространены названия с суффиксом

-ин- (кроме яблони).

Наибольшая вариативность характерна для польской территории и южной части украинской территории. Здесь отмечается большое количество синонимических форм.

ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ДЕРЕВООБРАБОТКА У БАШКИР

М.Г. Муллагулов (Уфа)

В конце XIX в. в Башкирии существовали различные промыслы по кустарничеству. Самыми распространенными были заготовка лесоматериалов и изготовление из леса бытовых и хозяйственных предметов. Из 65 местных промыслов, зарегистрированных Уфимским кустарным комитетом в 1899 г., сорок приходилось на деревообработку. Особо выделялись промыслы по лесоразработке и сплаву леса по рекам. На втором месте стояли промыслы по заготовке корья, луба и лыка, а также по выработке мочала. В меньшей степени местные кустари занимались деревообработкой - выделывали лопаты, домашнюю утварь, транспортные средства.

В Башкирии, как и в других регионах России, появлялись центры производства того или иного изделия. Так, центром производства седел в Уфимской и Оренбургской губерниях были деревни Алгазино и Кадыршино Орского, Бакеево и Норншево Стерлитамакского уездов; деревянной посуды - Верхне-Ямашево, Гадильгареево, Максотово, Кутаново, Набиево, Байгазино Орского, Каварда, Имендяшево, Старо-Саитово, Уметбаево Стерлитамакского уездов; лопат - Калу-Айры, Макарово, Сергеевка, Кизекбаево, Кулгунино и др. Стерлитамакского уезда; тканья кулей и рогож - Урабаево, Бурангулово и Бурангулово Стерлитамакского, Кучашево Бирского уездов и т.д.

Общая локализация лесных промыслов и деревообработки определялась зоной лесов и гор в верховьях и среднем течении Белой, Уфы и их притоков. Сложившаяся к концу XIX в. специализация между отдельными районами и селениями в пределах этой зоны обуславливалась не только наличием того или иного сырья, но также культурно-бытовыми традициями местного населения, а для башкир - еще этническим окружением, близостью к транспортным артериям и торгово-промышленным центрам.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИЗОГЛОСС НА ТЕРРИТОРИИ АНГЛИИ

Э.И.Мячинская (Ленинград)

Древние политико-административные границы до сих пор отражаются в распределении изоглосс некоторых языковых изменений. Так, по южной оконечности графства Нортумберленд проходит построенный римлянами Адрианов вал. В современных говорах селений, расположенных по его разные стороны, наблюдаются заметные расхождения в диалектных реализациях - в некоторых случаях к югу от вала сказывается влияние литературной нормы, тогда как за вал оно не распространяется. Ср. слова типа church, churn за валом имеют северное [k], а в местечках Хатуисл, Хеддон-на-Валу и Аллендейл - нормативное [tʃ]; в словах с начальным wh: who, whom на севере - [hw] на юге - [w], тогда как в норме [w] отпало.

От Лондона до Честера и далее в Уэльс тянется древняя римская дорога Уотлинг-стрит, во времена завоевания Англии викингами по большей части этой дороги проходила граница территории "датского права" (800 г.). Анализ распределения географических названий скандинавского происхождения (П.Рейни, И.Уэйклин) показывает, что западная изоглосса их распространения совпадает с Уотлинг-стрит. Три зоны наибольшей интенсивности распределения названий совпадают с тремя скандинавскими доминионами. К западу от Уотлинг-стрит скандинавские названия практически не встречаются.

Линия Уотлинг-стрит одновременно служит северной границей некоторых южных диалектных черт. Так, свидетельства древнеанглийского и среднеанглийского периодов показывают, что к югу от этой дороги лежала область, где наблюдалось озвончение глухих целевых [v, θ, ʃ] в [z, ð, ʒ] в начале слова, ср. six [z], thumb [ð], shilling [ʒ]. Существует мнение, что это озвончение - ингвеоновская черта, привнесенная племенами еще с континента (Н.В.Гусарова), т.е. Уотлинг-стрит ограничивала не распространение языкового изменения, а расселение племен с уже выраженными диалектными чертами. Эта же дорога разделяет некоторые другие явления, ср. к западу от нее в словах wooman, wool опускается начальное [w], на территории к востоку - сохраняется; различается качество /r/, к западу от дороги есть остатки упо-

требления глагола *do* в утвердительных предложениях без эмфазы (М. Уэйклин по Г. Ортону). В современных диалектах эти черты уже во многих местах вытеснены влиянием нормы, и возвести границу явлений к Уотлинг-стрит можно лишь по 'окациональным формам. Так, озвончение целевых сконцентрировано на территории Корнуолла, Сомерсетшира, Глостершира и Дорсетшира. Севернее слова со звонкими целевыми столь редки, что ими можно пренебречь. Однако следуя исторической объективности, правильнее все же отмечать внешнюю границу, приближающуюся к исходной (в данном случае к Уотлинг-стрит), и одновременно внутреннюю, реальную, образованную пучком изоглосс. Таким образом отражается динамика изменения диалектной картины, динамика поглощения диалекта нормой.

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ АНЛАУТНЫХ СОГЛАСНЫХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

У.Ф.Надергулов (Уфа)

Наши наблюдения основаны на материалах Диалектологического атласа башкирского языка. Рассматривается проявление фонетических вариантов анлаутного согласного в слове аур "большой" в зависимости от ареалов их распространения. В башкирском языке анлаутный интердентальный ʁ выступает лишь в заимствованном из арабского языка слове аур и производных от него словоформах (аурдау "возвеличивать", аурайну "увеличиваться" и др.).

В современном башкирском языке представлены следующие варианты данного слова: аур, аур, дур, пур, йур, тур, сур. Ареалы распространения и частотность употребления каждого из них весьма различны. Наиболее широкое территориальное распространение имеет форма с начальным интердентальным ʁ (аур), которая является нормой литературного языка. В северных и северо-западных зонах в основном употребляется вариант аур. Сохранение более древнего анлаутного ʒ в данном ареале обусловлено, на наш взгляд, консервирующим влиянием контактирующего татарского языка. Форма аур представлена также в языке башкир, проживающих в отдельных районах Челябинской и Курганской областей. Сохранение здесь данной формы связано с тем, что в периферийных, изолированных от основной массы говоров, наиболее долго сохраняются древние языковые черты.

В некоторых опорных пунктах северо-восточной зоны башкирского языка выявлено параллельное употребление исследуемого слова зур//зур. Данные варианты семантически дифференцированы. В рассматриваемом регионе форма зур употребляется при выражении превосходной степени прилагательного "слишком большой, огромный", а ее литературный вариант зур в значении "большой".

В сравнительно небольшой зоне юга Башкирии функционирует форма йур. Ее происхождение, видимо, связано с общей тенденцией к спирантизации согласных. На территории распространения варианта йур проживают главным образом башкиры племени усерген. Этот фактор подтверждает обусловленность отдельных фонетических вариантов рассматриваемого слова с этногенезом носителей языка.

Небольшими пучками представлены в говорах башкирского языка варианты дур, тур, йур, сур. Данные формы употребляются спорадически и не имеют четко выраженных ареалов распространения, они представляют собой различные отражения з, появившиеся в процессе исторического развития.

КАРТА - НЕ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

В.А.Никонов (Москва)

Картография в гуманитарных науках требует обсуждения теоретических основ, без которого сама техника ее (слепой выбор проекции, масштаба и т.д.). Не только читатели, а и многие научные работники видят в карте иллюстрацию. Мнение ошибочное. Для ряда отраслей науки карта - метод исследования и сама основа. Например, для исторической географии, диалектологии, этнографии. В последнее столетие это стало понятным и для отраслей, ранее далеких от географии; в лингвистике - сначала в отношении лексики, наиболее доступной, а позже и фонетики.

Займствование картографического метода гуманитарными науками протекало с трудом и страдало серьезными недостатками, из которых еще не все устранены. Еще преобладает картографирование одной лишь границы между наличием и абсолютным отсутствием явления; соответственно термин изоглосса употребляется лингвистами "в пиккетикском смысле" - как обозначение линии нуля вместо общенаучного значения линий всех количественных различий.

Именно картографирование количественных соотношений позволяет решать труднейшие проблемы гуманитарных наук, особенно – комплексные историко-лингво-этнографические. Примеры многочисленны. Это относится и к самым, казалось бы, не-географическим наукам, таким как фонетика. В докладе это показано на материале фоностатики по выполненным автором подсчетам для языков различных семей, дающим ключ к этногенезу внеевропейских народов.

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ У ТУРКМЕН, СВЯЗАННЫЕ С КОЧЕВЬМ ЖИЛИЩЕМ

А.Сривоз (Ашхабад)

В XIX – начале XX вв. основным жилищем большинства кочевых и полукочевых туркмен (йомутов, текинцев и др.) была переносная юрта, называемая ой, ик_ой, гара_ой.

У кочевых и полукочевых скотоводов-туркмен бытовал ряд обычаев, обрядов и представлений, связанных с поселением (оба) и кочевым жилищем. Традиционный порядок расположения юрт в ауле – в линию, изредка по кругу (сыргын, хатар, говчун, мурен_оба), по степени родства, социальному положению, старшинству и т.п. Каждое хозяйство у кочевников-скотоводов имело свое постоянное место для установки юрты (юрт_ери), которое им почиталось.

Установка и разборка юрты сопровождалась рядом обрядов: выбирался удачный день (сехатли_гун), в юрту вносились соль, верхний круг (туйник) снимался в ту сторону, куда намечалась перекочевка; ориентация входа юрты была на юг или юго-запад; существовал обычай, связанный с нечетным количеством жердей и т.п.

В числе наиболее древних обычаев было почитание очага и связанные с ним (ожагна_отурма, ожек_сакчн, оа_ожагн и т.п.). По случаю приобретения и установки новой юрты устраивался праздник ой_тойн с ритуальным угощением и увеселением (ядлига_товусма). Людьюми старшего поколения юрта использовалась также в похоронных обрядах.

Этнографическое изучение обрядов и обычаев, связанных с кочевым жилищем у туркмен и ареала их распространения может дать ценные сведения при разработке проблемы хозяйственно-культурных типов кочевников-скотоводов Средней и Центральной Азии, их этнических и этнокультурных связей.

К ВОПРОСУ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Н. Офаридзаев (Душанбе)

В современном Юго-Восточном Таджикистане выделяются несколько лингвистических ареалов родственных и неродственных языков: (а) таджикский ареал; (б) жагулямский ареал; (в) шугнанорушанский ареал; (г) ишкашимский ареал; (д) ваханский ареал; (е) киргизский ареал.

Топонимический материал позволяет установить единую в языковом отношении топонимическую систему для всей территории Юго-Восточного Таджикистана, что дает возможность реконструкции языковой карты региона в древности.

Картографическое изучение субстратной топонимики Юго-Восточного Таджикистана с привлечением сохранившегося согдийского топонимического материала дает возможность выявления и уточнения языковых отношений согдийских и других восточноиранских диалектов в прошлом.

В докладе делается попытка определить ареалы следующих формантов и топонимов субстратного происхождения на территории Таджикистана: -ev, -ef, -if; -ūt, -ūd; -owat, -owad; -xarv, -ǰarv; *Latmogaxt*; *Kosor*; *Vomar*; *Ling*.

КОДИФИКАЦИЯ СЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ЯРОСЛАВЛЯ

Е. И. Ошуйко (Ленинград)

Известно, что диалектные черты русского языка воздействуют на литературный язык, при этом диалект характеризуется меньшей жесткостью и большей вариативностью норм.

Задачей нашего исследования было выявление наиболее устойчивых диалектных особенностей в речи жителей Ярославля. Материалом послужили записи чтения информантами (всего 20 человек) экспериментального фонетически представительного текста. Дикторами были мужчины разного возраста, имеющие среднее, высшее образование.

На основе слухового анализа, а также статистической обработки материала, нами выявлен ряд диалектных черт, создающих ло-

кальную окрашенность речи и реализующихся большинством дикторов (70% и более). В области вокализма это произнесение гласного [e] на месте орфографического е как в предударной, так и в ударной позициях (в среднем 18% случаев); произнесение [ʌ] на месте орфографического я (в 37% случаев); произнесение [o] или [o]-образных гласных на месте орфографического о в безударных слогах (в 4% случаев); у большинства дикторов отмечена такая черта, как стяжение двух гласных в результате утраты /j/ в формах полных прилагательных с окончаниями -не, -ая. В области консонантизма наиболее устойчивыми диалектными чертами в речи информантов г. Ярославля оказались: (1) произнесение невеларианованного согласного [ɫ] вместо твердого [x] (в среднем 8% случаев); (2) произнесение твердых губных вместо мягких в ударных и безударных слогах (в 3% случаев); (3) произнесение мягкого глухого согласного /s'/ вместо сочетаний /s'tʃ/ и /z'n'/ в позиции конца слова (соответственно 35% и 22% случаев).

Последнюю особенность можно рассматривать как территориальное варьирование литературного произношения с сохранением диалектного субстрата. Привлекает внимание тот факт, что наибольшему изменению подвержены безударные гласные в позиции после мягких согласных. В произнесении гласных больше диалектных особенностей, а в произнесении согласных - просторечных, и частота сохранности этих последних выше.

СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

В.К.Павел (Кишинев)

Лексические карты должны дать ясный ответ на вопрос о том, какие виды наименований имеются в говорах для обозначения реалий. Если простые, производные и сложные (цельноформленные) слова находят равноправное отражение на карте любого атласа, то составные (расчлененные) наименования не всегда являются объектом картографирования даже в лексических разделах атласов. Так, при наличии в полевых записях единиц, представляющих собой атрибутивные сочетания, иногда картографируется лишь субстантивный компонент, а иной раз составные наименования целиком выносятся в комментарии или дополнительные индексы.

Опыт работы над составлением атласов молдавского языка, а

также наблюдения над диалектной номинацией убеждает нас в том, что проблема картографирования составных наименований заслуживает широкого обсуждения. Сочетание слов рассматривается как один из продуктивных способов номинации. Как известно, слово отнюдь не единственный результат номинативной деятельности языка. Поэтому при сборании материала и его картографировании лингвогеограф всегда должен учесть наличие наименований разной структуры, в том числе расчлененных единиц номинации.

Сочетание слов — это не только компенсирующий способ обозначения, не только номинация того, что не реализовалось путем "более краткого однословного имени", но и один из этапов развития процесса номинации и становления в некоторых случаях словесных знаков. Параллелизм в употреблении номинативных знаков различной структуры часто наводит на мысль о пройденных этапах номинации, о исторической стороне развития названий, о ареалогической картине языка, рассматриваемой как своего рода "развернутую в пространстве диахронию" (Н.И. Толстой).

На картах опубликованных томов Молдавского лингвистического атласа отражены, как правило, наиболее устойчивые словосочетания типа названий флора соарелуй "подсолнух", гурэ де хам "шлих". Но весьма часто непосредственно на карте отражен основной элемент (свободного) сочетания, как гуртэ (де сорянкэ) "шляпа подсолнуха", тогда как атрибутивный компонент (де сорянкэ) вынесен в комментарии. Такое решение исходило из технических возможностей издания, использующего в основном надпись.

На картах новой серии атласа, подготавливаемого в настоящее время к изданию на основе применения геометрических фигур, штриховок и изоглосс, будут отражены все основные разновидности словосочетаний: существ. + прилаг. (маорь негре "печень", маорь бэлей "легкие"), существ. + предл. де + существ. (хулуб де дял "дикий голубь") и др.

Между содержательной и технической сторонами карты должна быть определенная взаимосвязь. На картах новой серии Молдавского лингвистического атласа основной план языкового противопоставления представлен посредством геометрических фигур, репрезентирующих обычно однословные названия. При картографировании составных единиц используются, как правило, внутренние модифицированные символы. Типология знаков основывается на двучленной

черно-белой оппозиции (используются контурные или сплошные знаки и др.). Безусловно, требование относительно однотипного характера технических средств, установление иерархии соотношений между ними и соответствующими видами наименований, определенная выработанная система знаков любого атласа не должны мешать творческому решению задач при составлении каждой конкретной карты.

АРЕАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОМПОЗИТА В ДИАЛЕКТАХ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА

Е.Д.Панда (Ленинград)

Продуктивный способ образования существительных в венгерском языке - словосложение - еще не разработан на уровне диалектов. Автором сделана попытка рассмотреть этот вопрос. Исследовано 40 карт Венгерского лингвистического атласа, охватывающих сельскохозяйственную лексику и реалии материальной культуры. Атлас составлен на материале, собранном в 327 пунктах Венгрии и 68 пунктах прилегающих областей пяти стран. Анкета ориентирована на явления лексики (53%), морфологии (31%), фонетики (16%). Карты Атласа - исходные, надписи даны в фонетической транскрипции. Вся картографированная территория разделена на 15 секторов. Густота сетки - в среднем один пункт на 204 кв. км и 28412 жителей.

Обработка картографической информации проводилась поэтапно: (1) рекартографирование первой ступени - создание карты символов; (2) рекартографирование второй ступени - создание карты изоглосс; (3) интерпретация ареальных параметров. Диалектная ситуация по заданной теме оценивалась по: (а) способу словообразования; (б) функционально-семантической нагрузке составляющих. Обе позиции интерпретированы с точки зрения ареальной и статистической. Табличные данные позволяют вычленить два коэффициента - частотность и удельный вес форм.

Толкование ареальных параметров осуществлялось на материале наиболее информативной карты № 26 и иллюстрирует комплексный анализ данных остальных карт. Словообразовательный анализ карты предполагает классификацию способов словосложения и выбор каждого диалектного варианта с позиции его конструирования по элементам. Семантический анализ демонстрирует коррелятивные

отношения между словотипом, его внутренней формой и экстралингвистическими факторами.

В карте № 26 отражены два наиболее частотных способа сложения диалектного существительного - (1) стяжение членов словосочетания или сращение; (2) чистое основослоложение. В плане диахронии динамика преобразований словотипов отображена схемой. Диалектному словообразованию свойственны и такие способы, которым трудно найти аналоги в системе словообразования литературного языка.

Противоположностью диалектным синонимам выступают "диалектные омонимы". В противовес неизбежному пополнению арсенала диалектных омонимов народный язык проявляет тенденцию к созданию диалектных синонимов, тогда как литературная норма стремится достичь компенсирующего эффекта введением уточняющего определения. В практике функционирования синонимичных диалектизмов закон универбизации проявляется двояко: (1) при параллельном существовании в некотором ареале нескольких альтернантов предпочтение обычно отдается более лаконичному (с меньшим набором компонентов); (2) при значительной распространенности композит ощущается встречное движение - тяготение к усечению составляющих.

Ареальный анализ позволяет заключить, что меньшая лингвогеографическая выразительность явлений лексического уровня и сравнительная неустойчивость систем изоглосс не может быть основанием для преуменьшения их роли в ареальных исследованиях диалектов.

АТЛАС ВАЛЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Е. В. Перехвальская (Ленинград)

Одной из задач, поставленных составителями лингвистического атласа Уэлса (1973) было выделение диалектов и говоров валлийского языка, установление их границ, как на современном этапе, так и в диахронии. Факторы, затрудняющие решение поставленной задачи: (1) значительное перемещение населения в экономически более развитые районы; (2) нивелирующее влияние литературной нормы; (3) билингвизм подавляющего большинства носителей языка; (4) вытеснение валлийского языка английским и вследствие этого

различный процент носителей яэнка по отношению ко всему населению района (от 75,9% в Мерионетшире до 3,4% в Монмутшире, где валлийский находится на грани исчезновения, однако с точки зрения исторической диалектологии данные этой области также должны учитываться).

Обследование проводилось через корреспондентов в сельской местности, как менее подверженной влияниям; информанты - представители старшего поколения, по возможности не получившие образования, коренные жители данного района. Пункты, где проводилось анкетирование (всего 132) выбирались с учетом физической географии Уэлса, средств коммуникации, а также административного деления страны, как современного, так и средневекового.

Анкета состоит из 512 вопросов (большинство лексических). Содержание ее традиционно: дом и домашнее хозяйство, пища, одежда, сельскохозяйственные работы и орудия и т.п. В связи с особенностью поставленных задач, анкета несколько "архаизована", т.е. многие вопросы касаются реалий, уже вышедших из употребления. Анкета двуязычна. Типичная структура вопроса: основной текст по-валлийски, на месте необходимого слова - его английский перевод, например: *yr adeg rhwng dydd a nos ... dusk* ("время суток между днем и ночью ... сумерки"). При такой системе существовала опасность получить в виде ответа английское заимствование. Вследствие этого информантам было предложено указать обычное местное слово и более редкое его соответствие с комментарием по их употреблению.

Многие ответы (230) опубликованы в виде аналитических карт, показывающих при помощи значков распространение по пунктам того или иного слова или грамматического явления. В более общем виде результаты представлены на 53 синтетических картах, где на основе пучков изоглосс выделяются три основных диалекта: северный, центральный и южный, а также ряд более мелких говоров и переходных ареалов. Полученная картина свидетельствует о соответствии в целом границ говоров и диалектов границам средневекового административного деления страны, которое в свою очередь определялось особенностями физической географии Уэлса. Авторы, однако, отмечают постепенное смещение ареалов с юго-востока на юго-запад и из центра к северу (устанавливается на основе сопоставления ответов первого и второго порядка), а также более

ранных движений - южных говоров к центральной южной части, и северо-западных - в центральные районы, что связано с перемещением населения в экономически более развитые области.

В целом работа, сделанная составителями лингвистического атласа Уэлса, демонстрирует возможность реконструкции на основе современных данных более раннего диалектного членения, что особенно важно в условиях неразработанности исторической диалектологии.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ И ВНЕШНИЕ КОНТАКТЫ (СЕВЕРНОРУССКИЙ ДИАЛЕКТ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКА)

Е. В. Перехвальская, А. Ю. Русаков (Ленинград)

Специфика цыганского языка заключается, в частности, в том, что его диалектное членение определяется в основном контактами с языками окружающего населения. В результате миграций цыган, их язык в разное время взаимодействовал с различными языками, при этом более "мелкие" диалектные группировки выделяются на основе позднейших контактов. Так, северный диалект языка русских цыган несет в себе следы прошлого контактирования с языками балканского языкового союза и германскими языками, что свидетельствует о путях миграций данной этнической группы. Этот диалект уже продолжительное время находится в контакте с русским языком и соответственно испытал значительное интерференционное воздействие с его стороны.

Интересно сравнить современное состояние диалекта и состояние конца XIX - начала XX вв. (В. Н. Добровольский, К. П. Патканов). Полевые исследования, проводившиеся в Ленинградской области в 1984 г. показали, что в целом продолжается развитие интерференционных процессов, начавшихся еще в прошлом веке (или ранее).

(1) Видо-временная система глагола движется по линии уподобления русской: (а) взаимодействие системы русских приглагольных префиксов приводит к образованию категории способа действия, ср. ёв прогия мимо "он прошел мимо" - ёв подгия к амаро кхар "он подошел к нашему дому" - мэ заджява к миру лачи подруга "я зайду к своей хорошей подруге" (1984); тэ отдас "отдать" - тэ передас "передать" - тэ выдас "выдать" (XIX в.); (б) с ослаблением имперфекта оппозиция имперфект/"аорист" заменяется проти-

вопоставлением прошедшего совершенного прошедшему несовершенному; имперфект по большей части употребляется в условно-сослагательном значении: мэ бы джывас тая пада мури... "я бы пошел завтра за ягодами..." (1984); ту дэ сас ведра и зачувэ сас "ты бы взял ведро и залил /огонь/" (XIX в.); (в) материалы конца XIX в. показывают, что большая часть заимствованных из русского языка глаголов имела цыганскую парадигму, ср. например: кай о балычон кормиэна "где свиней кормят"; о бияу тэ гулинав "свадьбу гулять"; меньшая часть таких глаголов спрягалась по-русски, ср.: сир э чакэ нравитца "как дочке нравится" (XIX в.). В настоящее время глаголы, заимствованные из русского языка чаще всего спрягаются по-русски, лишь более старые заимствования продолжают спрягаться по-цыгански, ср.: ту поедеш или джяса? "ты поедешь или пойдешь?"; мэ получил дил мирэ пшале стир "я получил письмо от своего брата", но - ту рубинэ са даве те верэ са? "ты рубишь этим топором?"; дрэ школа ямэ н учинэна "в школе нас учат".

(2) В отличие от глаголов заимствованные из русского языка существительные и прилагательные продолжают склоняться в основном по-цыгански, ср.: пэскиро подруганца "со своими подругами", вимакиро "эимой"; мирэ маленькыята пхэньята "у моей маленькой сестры" (1984).

(3) Артикль, широко употреблявшийся еще в начале XX в., в настоящее время полностью утрачен, сохранились лишь его реликты типа оккас "сено" (о ккас).

(4) Увеличилось употребление русских строевых слов (соевы, соевые слова), а также наречий, ср. мэ камьём дадавэс тэ ушав пораньше, со бы мангэ успеть по поезду "я хотел сегодня встать пораньше, чтобы /мне/ успеть на поезд" (1984).

Проведенное исследование показывает в целом достаточную стабильность ареалов, определяемых внешними языковыми контактами.

ПРОБЛЕМЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ПОСТРОЕК ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ

А. Петерсон (Тарту)

В послевоенный период проделана большая работа по исследованию построек финно-угорских народов. В печати опубликованы основательные исследования по истории построек эстонцев, каре-

лов, марийцев и коми; менее описаны постройки ливов, изуритов, вепсов, удмуртцев и мордвы. В ближайшем будущем не предусмотрено монографических исследований по данному вопросу. А это означает, что на местах не организуется сбор материалов о постройках. Мало данных о постройках и в местных краеведческих музеях. И это потому, что сбор материалов о постройках относительно сложен и требует технических умений, а также сотрудничества с художником и фотографом.

За последние два десятилетия обширные этнографические полевые работы в поселках финно-угров проводил Государственный этнографический музей Эстонской ССР. В музей сдан на хранение обширный материал (фотографии, рисунки) о традиционных постройках вепсов, карелов, удмуртов, марийцев.

В настоящее время в ходе полевых работ можно собрать данные о постройках еще начала XX века. С полевыми работами надо поторопиться, так как происходящие скоротечные процессы развития в сельском хозяйстве ведут к быстрому исчезновению старых построек, особенно подсобных помещений. Уже как ненужные снесены мельницы, сушилки. Составление атласа в области построек способствовало бы выявлению существующих еще сейчас архитектурных памятников. Существенно важно также и составление карт распространения типов построек с точки зрения исследования жилища в северной части Восточной Европы. Назовем здесь некоторые из тем. Возникновение и развитие жилищ с подпольем; ареалы распространения совместных построек - жилище + хозяйственные помещения (хлев и амбар); ареалы распространения типов амбара, хлева.

Мы представили указанную проблему в самом общем плане. Вместе с типами и конструкциями построек необходимо картографировать и названия построек и их отдельных частей. Составление историко-этнографического атласа о постройках финно-угорских народов требует большой координационной работы. Необходимо создать соответствующую комиссию, чтобы начать полевые работы по сбору материала уже в следующей пятилетке.

АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
АТЛАСАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Л. К. Плиско (Ленинград)

Специфика французской лингвистической географии состоит в том, что она имеет два поколения лингвистических атласов. Ограниченная зона обследования региональных атласов позволила вести анкетирование по вопросам в большем числе населенных пунктов, что в свою очередь способствовало выявлению наиболее типичных местных слов. Лингвистические атласы Франции новой серии, принципиально связанные с Лингвистическим Атласом Ж. Жильерона и Э. Эдмона, имеют целью дополнить и скоординировать диалектные данные по каждой области. ALF дает представление об общей структуре диалектов французского языка, тогда как перед новыми атласами стоят новые задачи - выявление частных закономерностей структуры отдельных говоров.

Наличие атласов двух поколений дает возможность, наряду с другими проблемами, глубоко изучить проблему наименований растений, которые в национальном атласе отражают статус скорее разговорно-литературного языка (наряду с диалектным материалом), в то время как новая серия атласов дает возможность углубленно изучить уровень современных французских говоров (идиолектных форм, архаичных диалектных, современных региональных).

Ж. Жильерон и Э. Эдмон при работе над своим атласом оказались перед необходимостью включить в анкеты дополнительное число вопросов, относящихся к дикой и культурной флоре, поскольку этот лексический пласт оказался наиболее интересным и богатым. В дальнейшем, при составлении атласов второго поколения этот факт был учтен, что соответственно отразилось на лексическом богатстве региональных атласов.

Исследование показало, что, как правило, все многообразие народных наименований дикой флоры носит не случайный, единичный характер, а представляет более или менее компактные территории, имеющие весьма конкретную географическую привязку. В докладе рассматривается ареал народных наименований мака-самосейки - coquelicot (=Papaver rhoeas). Анализируется пространство, подвергнутое картографированию в атласах: Франш-Конте; Шампани и Бри; Центра; Иль-де-Франс; Орлеан и Запада. Методом рекарто-

графирования выявляются изменения в ареальной ситуации, происшедшие за период между выходом в свет ALE и атласов новой серии.

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ BLACK ENGLISH

Э.С.Погосов (Ленинград)

Black English (BE) представляет собой специфическую форму речи, реализующуюся одновременно как совокупность территориальных субвариантов и как социальный диалект. Социальный статус BE также может быть транспонирован ареально: в известном смысле BE является конечной точкой на некоторой межъязыковой оси:

литературный португальский язык --- креольский язык Островов Зеленого Мыса --- Саремакан (Суринам) --- Сранан Тонго (Суринам) --- креольский язык Карио (Сьера-Леоне) --- креольский язык о. Ямайка --- Гулла --- Black English

Современный реальный BE в соответствии с описанием различных авторов представляет собой своеобразный системный континуум с двумя полюсами: на одном полюсе - включение всей грамматики Standard English (SE), на другом - некоторая минимальная система, основывающаяся на строгом применении принципа экономии средств выражения. Но в любой форме грамматическая система BE включает также особые элементы, никак не входящие в систему

Наиболее характерные особенности BE, отличающие его грамматическую систему от грамматики SE таковы:

(а) особое средство выражения значения дистрибутивности, ср.:
Darryl be mad "Дерил бывает сумасшедшим" (дистрибутивность);
Darryl mad "Дерил сумасшедший" (отсутствие дистрибутивности)
при SE - Darryl is mad;

(б) особые средства для различения завершенного действия в отдаленном и близком прошлом, ср.: (1 вариант) I bin know you, (2 вариант) I done know you "Я знал тебя" (близость к моменту речи); I bin know you (1 в.), I been know you (2 в.) "Я знал тебя" (отдаленность от момента речи), при SE - I have known you

(в) важная синтаксическая черта BE - употребление многократного отрицания, ср.: We ain't never had no trouble about

none of us pullin' out no knife "Никому из нас не трудно вытащить нож".

С другой стороны, как указывалось, ВЕ утратил характеризующие SE остатки флективности и систематически применяет принцип экономии для выражения грамматических значений (не считая случаев типа приведенного выше многократного отрицания). Ср. выражение в ВЕ (а) значения множественности: so many million dollar "так много миллионов долларов", при SE - so many million dollars; (б) значения притяжательности: he was really my grandfather dog "это действительно была собака моего деда", при SE - it was really me grandfather's dog; (в) глагольной связи: he a man "он мужчина", при SE - he is a man; (г) значения 3 л. ед.ч.: he stand on his hind legs "он стоит на задних лапках", при SE - it stands on its hind legs; (д) значения прошедшего времени: a few days ago they walk "несколько дней назад они гуляли", при SE - a few days ago they walked.

Вся речевая ткань живого ВЕ так или иначе соотнесена с грамматикой SE. Это находит выражение преимущественно в двух принципах: (1) в ВЕ нередко встречаются гиперкорректные формы: ср.: childrens play "дети играют", SE - children play; I plays that too "я тоже играл в это", SE - I play that too и др. (2) принцип экономии в ВЕ систематически нарушается при употреблении характерных для SE конструкций, так, например, связка в ВЕ, как правило, опускается, но она сохраняется в конструкциях переспроса: he ain't here, is he? в предложениях, где она находится в конце фразы: there he is; когда она несет на себе эмфатическое ударение: Allah is Go' и т.д.

По наблюдениям многих лингвистов существенным являются фонетические условия, вносящие различные описанные выше упрощения. Так, стремление избежать скопления согласных приводит к падению флексии прошедшего и будущего времени: missed - miss' "пропустил"; I'll be here - I be here "я буду здесь" и др.

Целый ряд особенностей ВЕ разделяет с такими специфическими формами английской речи как Cockney, Питкэрнский диалект, Coal-Mining Language, Mountain Speech, Black English в Канаде. Тем самым ВЕ характеризуется в лингвистическом пространстве местом на пересечении межъязыковой оси и внутриязыковой социально-территориальной диалектной оси.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОСТАВЛЕНИЯ "АТЛАСА ТУРКСКИХ
ТОПОНИМОВ ВОЛГО-КАМСКО-УРАЛЬСКОГО ЛИНГВО-ОНОМАСТИЧЕС-
КОГО РЕГИОНА"

Н. В. Подольская (Москва)

Л. Г. Шайхулов (Уфа)

Возросший в последние десятилетия интерес к системному изучению отдельных регионов, в том числе и Волго-Камско-Уральского, определяется, очевидно, тенденцией к интеграции научных усилий, что подсказывает в свою очередь необходимость постановки для исследования крупных комплексных проблем, как в рамках отдельных этносов, так и межэтнического характера (Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов).

Обзор существующих типов ономастических (топонимических) словарей (нормативный, толковый топонимический, этимологический и др.) и анализ особенностей построения оптимального варианта лингво-ономастического словаря туркских топонимов для каждого в отдельности взятого тюркоязычного народа, проживающего в Волго-Камско-Уральском регионе показывает, что проектный вариант словаря данного типа должен включать следующие данные: (1) максимальная информация о функционировании ономастической единицы (далее - ОЕ) в современных туркских и отчасти - в финно-угорских языках народов указанного региона; (2) описание всех вариантов ОЕ (антропонимические, топонимические и антропотопонимические), иллюстрация употребления ОЕ в языке и речи; (3) локальная (микросистемная), территориально-групповая, ареальная и региональная характеристика ОЕ; (4) подробная справка об исторической фиксации ОЕ в хронологической последовательности; (5) этимологическая справка об ОЕ; (6) библиографическая справка о данной ОЕ (В. М. Мокиенко).

На основе данного варианта лингво-ономастического словаря туркских топонимов, который носит несколько "академический" характер, в последующем можно составить и издать словарь практического назначения, достаточный для удовлетворения прикладных потребностей (например, словарь-справочник топонимов всех категорий).

В качестве предварительных выводов можно отметить, что микросистема ономастических (топонимических) единиц того или иного

населенного пункта - это глубинная основа всех процессов изменений и формирования нового во всей ареальной, региональной структуре топонимии Волго-Камско-Уральского ономастикона. Как показывают лингво-ономастические данные, причинно-следственные связи и взаимовлияния топооснов возникают прежде всего в микро-системе. Микросистемные внутриономастические взаимосвязи, результаты их действий влияют на закономерные качественно-количественные изменения в структуре ОЕ трех других уровней - территориально-групповой, ареальной и региональной ономастических систем (И.Д.Сухомлин).

Таким образом, в плане методологической целенаправленности и координации в области составления не только вышеуказанного типа словаря топонимов отдельно взятого языка (это - первый этап работы), но и для завершения проектирующегося "Атласа тюркских топонимов Волго-Камско-Уральского региона" (конечная цель) необходима единая программа для научных исследований тюркской топонимии, ведущихся пока разрозненно в научно-исследовательских центрах и вузах Башкирской, Татарской и Чувашской АССР.

ОПЫТ ПОЛЕВОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ГОВОРОВ ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВСКОЙ ССР

Л.А.Покровская (Ленинград)

Основная масса гагаузов (138 тыс.чел. при общей численности в СССР* 173 тыс.чел.) живет в южных районах Молдавской ССР. Полевое исследование говоров гагаузского языка на территории южной Молдавии было проведено мной с 1953 по 1961 гг. во время пяти научных командировок в районы с гагаузским населением (Чадир-Лунгский, Комратский, Вулканештский, Кагульский).

Сбор полевого материала по говорам гагаузского языка проводился путем записи на магнитную пленку прозаических текстов различного содержания (сказок, легенд, бытовых рассказов, диалогов и др.) и, одновременно, путем повседневного наблюдения за гагаузской разговорной речью с записью новых слов, характерных фраз и т.п., путем общения на гагаузском языке с местными жителями в семьях, на базаре, на семейных праздниках и т.д.

Собранный материал обрабатывался и систематизировался после каждой экспедиции; все тексты были расшифрованы, слуховые записи классифицировались соответствующим образом. Магнитная пленка с полевыми записями хранится в фонетической лаборатории Института русского языка АН СССР (Москва).

На основе собранного и обработанного полевого материала мной было осуществлено первое научное описание гагаузского языка (Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964; Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978). В дополнение к полевым материалам при написании названных книг были использованы первые печатные издания на гагаузском языке (газета, сборники фольклора, рассказы и повести гагаузских авторов). Выявлены диалектные различия в гагаузском языке (главным образом, на уровнях фонетики, фонологии и морфологии) и определен его диалектный состав. Согласно этому определению, современный гагаузский народно-разговорный язык на территории МССР состоит из двух диалектов: основного, ведущего (представляющего собой совокупность говоров Комратского и Чадыр-Лунгского районов МССР) и менее распространенного (в основном, говоры Вулканештского района МССР и ряда соседних сел, находящихся в Одесской обл. УССР). Ведущий диалект назван мной центральным или чадыр-лунгско-комратским, менее распространенные — южным или вулканештским (Общая характеристика диалектной системы гагаузского языка. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе, 1968).

Были разработаны алфавит, правила орфографии, основные письменные нормы гагаузского языка (см.: Правила орфографии гагаузского языка. Ишинева, 1958).

И ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ

О.Г.Порохова (Ленинград)

Островные говоры на иноязычных территориях уже изучались. Рассматривались некоторые особенности диалектов русского языка на территории Закавказья, Сибири, Прибалтики и других регионов. Однако русские говоры, существующие за границами СССР, известны мало, хотя их достаточное количество (в США, Болгарии, Польше, Румынии и др. странах).

В докладе предлагается рассмотрение некоторых лексических особенностей говоров русских старообрядцев, переселившихся в XVIII в. в Румынию и Польшу, которые длительное время не имели контакта с другими диалектами русского языка, а в Румынии и с русским литературным языком. Материал собран по моей просьбе румынскими и польскими диалектологами в 70-х гг.

Предметом изучения являются особенности диалектного бытования церковнославянской по происхождению лексики с неполногласием в условиях постоянного общения с церковнославянским языком.

Характер использования этой лексики зависит от степени контакта носителей говора с русским литературным языком, в котором лексика с неполногласием, как известно, обтупела с давних времен. В говоре старообрядцев Польши, где этот контакт сохраняется, употребление анализируемой лексики приближается к нормам ее использования в современном русском литературном языке, при этом в большей степени, чем в говорах на территории СССР. В говорах старообрядцев Румынии, оторванных от современного русского литературного языка, несмотря на активность их взаимодействия с церковнославянским языком, лексика с неполногласием сохраняет архаичные черты, свойственные ей в русском литературном языке древнейших эпох.

Материал анализируемых говоров подтверждает, что заимствование в русские диалекты лексики с неполногласием происходит через русский литературный язык, а не в результате непосредственного их контакта с церковнославянским языком, который приносит сюда преимущественно церковно-религиозную терминологию и фразеологию.

Большое сближение характера лексики с неполногласием в говорах русских старообрядцев Польши с русским литературным языком по сравнению с говорами территории России, в том числе их материнскими псковскими диалектами, зависит от отсутствия здесь противодействия влиянию литературного языка, которое на территории СССР нейтрализуется наличием по соседству диалектов того же языка.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

И. А. Попов (Ленинград)

После завершения работы над созданием Диалектологического атласа русского языка, составившей целый период в истории нашей науки, русская лингвистическая география находится на рубеже определения наиболее актуальных направлений дальнейшего проведения научного поиска. Диалектологическая и лингвогеографическая работа в течение последних десятилетий была связана не только с созданием самого атласа, но и с развитием теории лингвистической географии, оказавшей заметное влияние на общее развитие этой науки в области других славянских языков. И хотя обобщение материалов, собранных для ДАРЯ, потребует, несмотря на имеющуюся уже серию капитальных монографических исследований, усилий многих специалистов, поступательное движение науки подготовило почву для развертывания других направлений лингвогеографических исследований. Основными из них являются следующие: (а) активизация работы по созданию серии региональных атласов территорий позднего заселения на основе Программы ДАРЯ; (б) создание атласа восточнославянских языков (тема, предложенная ИРЯЗ АН СССР); (в) решение проблемы лингвогеографического изучения диалектной лексики.

Лингвогеографическое изучение диалектной лексики тесно связано с развитием теории лингвистической географии и состоянием изученности ее в лексикографических и лексикологических источниках. Не случайно изучению лексики в диалектологических программах отводилось сравнительно небольшое место. Между тем в последние десятилетия благодаря большим работам, проведенным в области диалектной лексикографии и лексикологии, положение существенно изменилось, и мотивы создания лексических атласов (разработка теоретических принципов, опыт их применения) не только на материалах русского языка но и других славянских языков становятся все настойчивее. В настоящее время наиболее отчетливо вырисовываются два основных направления разработки проблемы в теории и на практике. (1) Создание лексических атласов, включающих очень разные в тематическом и лексико-семанти-

ческом отношении группы лексики с постепенным преодолением атомарного подхода и выходом в систему семантических полей. При этом лексика этнографического характера рассматривается в ряду с другой областной лексикой. Таковы, например, Лексический атлас Архангельской области Л.П. Комягиной, Лексический атлас говоров Подмосковья А.Ф. Ивановой, Атлас лексики говоров на территории Владимиро-Суздальского княжества Г.Г. Мельниченко, а также ряд атласов, составленных на материалах украинских и белорусских говоров (И.А. Двандзевельского, Н.В. Никончука, Лексический атлас белорусского языка и некоторые другие). Это направление связано с выработкой теоретических принципов, далеко не одинаковых в своей основе, лингвогеографического изучения диалектной лексики (Н.И. Толстой, Г.П. Млепикова, О.Н. Мораховская и др.), среди которых наиболее существенным является метод системного исследования основных явлений словарного состава говоров. В кругу названных работ преобладает принцип региональности, что несколько ограничивает теоретическое их применение при исследовании лексики всего континуума. Поэтому сохраняется особая актуальность создания общих лексических атласов говоров русского и украинского языков. (2) Другое перспективное направление лингвогеографического изучения диалектной лексики, актуальное для разных славянских языков – создание этнолингвистических атласов. Задачи и принципы создания такого атласа применительно к зоне Полесья изложены в статье Н.И. и С.М. Толстых "О задачах этнолингвистического изучения Полесья" (Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983, с. 3-21); разработана "Программа полесского этнолингвистического атласа" (А.В. Гура, О.А. Терновская, С.М. Толстая) (там же, с. 21-47).

Оба названных аспекта лингвогеографического изучения диалектной лексики являются основными, взаимно дополняющими друг друга. При том, что лексика русских народных говоров исключительно богата и разнообразна, естественным является и разнообразие ее лингвогеографического изучения. Важным является активизация усилий на осуществлении разных типов атласов, чтобы полнее отразить основные фрагменты словарного состава в условиях их nivelирования.

ПРОБЛЕМА ВКЛЮЧЕНИЯ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОГОВ В ЛЕКСИЧЕСКИЙ
АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Н. В. Попова (Ленинград)

Включение предлогов в состав лексики того или иного диалекта в разных описаниях решается по-разному. Это зависит от двойственной природы предлога, в силу которой семантическая насыщенность его в стабильных сочетаниях заменяется чистой грамматикализацией, утратой самостоятельности и переводит изучение предложных конструкций в область синтаксиса. Это положение распространяется прежде всего на первообразные предлоги, общие как для литературного языка, так и для диалектов. Своеобразие местного употребления таких предлогов в сущности сводится к расширению лексических единиц, способных употребляться с тем или иным предлогом. Случаи подобного рода мы рассматривали в статье "Трудности описания предлогов в областном словаре".

Принципиально новый подход требуется при анализе употребления сложных предлогов. Если первообразные предлоги известны как литературному, так и областному языку, и таким образом не имеют особой изоглоссы, то сложные предлоги в основной своей массе литературному языку неизвестны, кроме двух-трех, описанных в толковых словарях русского литературного языка (по-под, по-над). Остальные сохранились в небольшом количестве в сибирских говорах, на севере и в областях, соседящих с Украиной, Белоруссией, вероятно, при поддержке соответствующих языков, где двойные предлоги продолжают активно жить.

Сложные предлоги в составе стабильных конструкций начали разлагаться, вывав к жизни ряд новообразований или закрепившись в устойчивых сочетаниях фразеологического характера, уже в конце прошлого века. В записях поэтической устной речи мы находим немало примеров, где сложные предлоги (усилиями собирателей, которые придерживались в орфографии позднейших грамматических представлений) остаются незамеченными, пишутся слитно или искусственно разрываются; при сопоставлении общих мест в фольклорных текстах орфографический разноречивый в написании идентичных текстов становится очевидным, а присутствие сложных предлогов - несомненным.

Поскольку сложные предлоги территориально приурочены, область их распространения может быть нанесена на карту. Но этой работе должно предшествовать описание лексических значений, включенных в каждом из этих малоизвестных пока употреблений. Важно также очертить круг лексических единиц, с которыми вступал в сочетание каждый из двойных предлогов. Это даст возможность установить, в какой степени разложение устойчивых конструкций способствовало образованию префиксальной лексики, например, географических названий, связанных с рельефом местности, типа варече, валуче и т.п. Картографирование сложных предлогов желательно также и потому, что своими корнями эти образования уходят в область ранней поры существования славянских языков, что подтверждается наличием сложных предлогов в других славянских языках.

К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ МЕТОДА ДИНАМИЧЕСКИХ АРЕАЛОВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

М.Г.Рабинович (Москва)

Одним из важнейших достижений советской школы в этнографическом картографировании стал показ явлений не статично, а в их историческом развитии — как в пространстве, так и во времени. В настоящее время это достигается в подавляющем большинстве случаев сопоставлением нескольких карт, посвященных разным, заранее намеченным историческим периодам. По техническим причинам такое сравнение иногда затруднительно.

Наглядность показа исторического процесса еще значительно усилится, если применять в некоторых случаях метод динамических ареалов, что позволит увидеть процесс на одной карте, не прибегая к сопоставлению нескольких.

Метод динамических ареалов наиболее эффективен, когда карта посвящена немногим — одному или двум — явлениям. Динамика ареалов выявляется с предельной ясностью. При этом лучше выбирать для показа явление нарастающее.

Применение метода динамических ареалов возможно как для карт, посвященных отдельным особенностям явлений, так и для обобщающих итоговых карт крупных разделов атласа. Оно не только не исключает, но предполагает широкое развитие метода сравнения.

А.М. Решетов (Ленинград)

Китай — многонациональное государство со сложным этническим составом. Основным народом являются хань, составляющие по данным переписи 1982 г. свыше 936 млн. чел. — 93,3% населения страны. В КНР в разные периоды выделяли неодинаковое количество малых народов (так называемые "национальные меньшинства"). По последним данным официально выделяют 55 малых народов, общая их численность 67,2 млн. чел. (6,7% всего населения страны). Они занимают согласно официальным сведениям до 60% всей территории государства. Конечно, эти неханьские народы расселены действительно на значительных территориях, но надо иметь в виду, что на них также проживает и немало ханьцев, причем их количество неизменно растет, особенно вследствие целенаправленных миграций. Естественно, что в КНР уделяется определенное внимание изучению малых народов и их языков. В частности, за 35 лет осуществления КНР много сделано для изучения так называемых диалектов ханьского языка (фактически — ханьских языков) и их картографирования.

В 50-е годы также немало сделано для этнического картографирования, когда на китайском языке был опубликован ряд этнических карт крупного масштаба как по стране в целом, так и по отдельным регионам (напр., по пров. Юньнань, Гуанси и Гуичжоу, по Центрально-Южному району). В конце 50-х годов китайские этнографы проявляли значительный интерес к новой советской методике составления карт, заключающейся в показе на одной и той же карте этнического состава и плотности населения. Обстоятельный анализ состояния этнической картографии в первое десятилетие КНР был дан С.И. Бруком.

В конце 70-х — начале 80-х гг. появились как от-

дельные карты расселения народов Китая, так и соответствующие карты в атласах. В 1979 г. картографическое издательство выпустило "Атлас КНР", где на карте № 3 показана плотность населения, а на карте № 4 - расселение народов Китая (оба - масштаб 1 : 14000000). На обратной стороне карт помещены довольно обстоятельные легенды. В марте 1981 г. то же издательство в Пекине издало "Карту расселения национальностей Китайской Народной Республики" (М 1:4000000). На этой карте показано расселение всех официально выделяемых 56 народов, включая хань. По сравнению с ранее изданными картами можно констатировать увеличение ареала расселения хань, например, теперь они показаны в Тибете, в частности, в районе Лхасы. Поскольку карта составлялась до всекитайской переписи 1 июля 1982 г., составители (Отдел этнографии Научно-исследовательского Института по исследованию национальностей при Академии общественных наук КНР) исходят из ранее опубликованных сведений о численности народов. Группировка населения дана по географическим районам - северо-восток, север, северо-запад и т.д., а внутри них порядок расположения народов по их численности. Этнографический принцип в данном случае представляется более удобным и более приятным. Сделана попытка одновременно отразить ареал расселения народа и его плотность: более плотная сетка штриховки при большей плотности, более редкая - при малой плотности.

Вместе с тем издание новой оригинальной этнической карты страны крупного масштаба, охватывающей столь огромную территорию - несомненный успех китайской этнической картографии.

Вместе с тем хотелось бы познакомиться с новыми подробными картами по наиболее сложным в этническом отношении районам Китая, как, например, Юго-Западный, Северо-Западный, Северо-Восточный Китай, Внутренняя Монголия и т.д.

ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ (АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В. В. Руднев (Москва)

Жизнедеятельность любой этнической общности осуществляется в условиях определенной экологической среды. Воздействие этого фактора в значительной степени определяет характер системы жизнеобеспечения, особенно в обществе доиндустриального периода. Жизнеобеспечивающая деятельность невозможна вне процесса освоения среды, сопровождающегося ее познанием.

Диапазон традиционных знаний, их аспект и основные акценты внимания органично связаны с повседневными нуждами определяются характером практической деятельности общества. Традиционно они охватывали такие сферы деятельности как земледелие, скотоводство, строительство, металлургия, способы хранения и обработки пищи, медицина и др. Особо в этом ряду следует выделить метеорологическое прогнозирование, необходимое при всех видах деятельности, происходящих под открытым небом. Необходимо оно для земледельца, пастуха, охотника и рыбака, что обратило внимание к этому вопросу, наблюдаемое повсеместно.

Своей целью традиционное метеопрогнозирование ставит - определение времени наиболее благоприятных условий для проведения тех или иных хозяйственных мероприятий. Этот аспект, определяя акценты внимания, в свою очередь оказывает влияние и на характер отбора явлений для наблюдения. Так, пастух судит о предстоящем дожде по изменению состояния шерсти животных, земледelec - по выпавшей росе, рыбак - по направлению ветра и состоянию моря, а охотник - по поведению обитателей леса. Характер деятельности определяет и акцент внимания за явлениями окружающего мира.

При метеорологическом прогнозировании особое значение имеет и учет местных условий региона: близость моря или водоема, высота и расположение горного массива, характер местности. Именно отражение региональных особенностей представляется наиболее ценным в традиционном опыте метеопрогнозирования.

Рассмотрение традиционных метеорологических знаний как в их ареальном аспекте, так и при более широком комплексном изучении, дает возможность для более глубокого анализа наблюдаемых явлений природы, что небезынтересно для прикладной метеорологии, а также

для рассмотрения характерных особенностей процесса познания человеком окружающего мира и накопления необходимых для его жизнедеятельности знаний.

О НЕКОТОРЫХ ИЗОГЛОССАХ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЕ АЛБАНИИ

А.Ю.Русаков (Ленинград)

Наличие/отсутствие противопоставлений по долготе в вокалической системе является важной изоглоссой, делящей албаноязычный ареал на две части. Изоглосса эта, однако, не полностью совпадает с границей гегского и тоскского диалектов. Развитие современной системы долгот в албанских диалектах тесно связано с рядом фонетических процессов и, прежде всего, с апокопой ё.

Путем комбинации двух признаков (наличие количественных противопоставлений и апокопы конечного ё) можно выделить следующие состояния албанской вокалической системы, соответствующие одновременно реальным ареалам албанского языка. (А) Наличие количественных противопоставлений, отсутствие апокопы. Архаическое состояние, засвидетельствованное в "Служебнике" Г.Бузука (1555), подобное состояние, по-видимому, может быть реконструировано и для общеалбанского. Система долгих гласных функционально крайне слаба, минимальные пары малочисленны. Однако, уже у Бузука мы встречаем отдельные случаи апокопы ё с заместительным удлинением: *graat* "женщины" (мн.ч.) при совр. тоскском *gratë* (Э.Ча-бей). Подобное состояние сохранилось также в периферийном чаме-рийском диалекте (тоскский ареал). (Б) Наличие количественных противопоставлений и апокопы. Состояние, характерное для гегского ареала в целом и периферийных тоскских диалектов (ляберийский диалект, говоры арбрешей Италии). Заместительное удлинение вследствие апокопы привело к резкому усилению "старой" системы долгот. Возникли функционально значимые противопоставления в системе имени и глагола (*plak* "старый" - *plāk* "старая"). В албанских говорах, сохранивших и развивших противопоставления по долготе складывается своеобразная вокалическая система с тремя степенями долготы. Подобное развитие системы количественных противопоставлений является результатом однонаправленного процесса, протекавшего, однако, в разных говорах независимо (А.Доди). Вообще,

отпадение конечного *ë* процесс сравнительно поздний, захвативший всю гегскую территорию лишь в ХУШ-ХІХ вв. Сложившаяся в результате система долгот не является особенно стабильной. В настоящее время в связи с активной междиалектной интерференцией и влиянием литературного языка система количественных противопоставлений в гегских говорах ослабляется. (В) Отсутствие количественных противопоставлений, отсутствие апокопы. Состояние характерно для основной части тоскского ареала. Полному устранению старой системы долгот способствовала ее низкая функциональная нагрузка. Противопоставления, выражающиеся в гегских говорах с помощью внутренней флексии (долгота вследствие апокопы), в тоскском, по-прежнему, выражаются флексией (plak "старый" - plak "старая"). Таким образом, если в гегских говорах архаизмом являлось само сохранение системы долгот, а развитие этой системы представляло инновацию, затронувшую и морфологию, то для тоскского диалекта решительное устранение системы долгот позволило сохранить некоторые консервативные черты фонетического и морфологического строя албанского. Возможно, что ликвидация противопоставлений по долготе в тоскском явилась следствием длительного албано-славянского билингвизма (А.В.Десницкая). (Г) Отсутствие количественных противопоставлений, наличие апокопы. Это состояние представлено в некоторых северо-западных тоскских говорах. Апокопа проникла в них из соседнего гегского ареала. Так как к этому времени противопоставления по долготе в тоскском были уже ликвидированы, апокопа не привела к заместительному удлинению (plak "старый" - plak "старая").

Анализ изоглосс на современной лингвистической карте албано-язычного ареала, изоглосс, отражающих разновременные языковые процессы, позволяет прийти к важным выводам о путях развития отдельных албанских диалектов и звуковой системы албанского в целом. Решающим шагом в этом направлении было бы создание Албанского лингвистического атласа.

ИЗ ОПЫТА КАРТОГРАФИРОВАНИЯ НАРОДНОГО ИСКУССТВА
В УКРАИНСКО-МОЛДАВСКОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ

М.Р.Селивачев (Киев)

В 1981-1982 гг. в 32 населенных пунктах восьми районов Одесской и Черновицкой областей УССР, а также МССР собран материал, освещающий бытование, эволюцию и этнические взаимосвязи современного народного декоративного творчества: более тысячи терминологических лексем и соответствующих им фотографий, зарисовок. Для сравнения использован аналогичный материал из восьми этнически однородных украинских сел восьми смежных районов Винницкой, Ивано-Франковской, Кировоградской, Хмельницкой, Черкасской областей. Анализ и картографирование полученных данных позволили прийти к выводам:

Украинско-молдавская контактная зона отличается сегодня развитостью народного творчества, не исключая сел, прилегающих к большим городам, шоссе и железным дорогам. По количеству мастеров, многообразию жанров и разновидностей искусства этот ареал превосходит смежные, этнически более однородные районы МССР и УССР. Удельный вес отдельных отраслей и жанров неравномерен в различных местностях. Наиболее развито архитектурное оформление, изготовление обрядовых атрибутов. В южных районах распространена архитектурная резьба, в северных - ткачество. В 60-70-е гг. наблюдается возрождение одних видов (тканые рушники и сумки-тайстры) и выход из употребления иных (мебель, писанки, вырезанки).

Изобилующая образными поэтическими ассоциациями народная терминологическая лексика, формирующаяся здесь в условиях украинско-молдавского двуязычия, включает в себя множество синонимичных и омонимичных рядов, изучение которых открывает путь к установлению соотношения изоглосс и изопрагм, направленности стилистических влияний, уяснению психологических закономерностей присвоения определенных названий тем или иным видам изделий.

Названия одинаковых орнаментальных мотивов в большинстве случаев связаны у украинцев с геометрическими понятиями, а у молдаван - с более осязательными образами. Например, "кривулька", "чашка широка", "четверта доля" и, соответственно, "коаста ваць" (коровье ребро), "лаба гышь" (гусиные лапки), "флора картофа"

(цвет картошки) и т.д. Больше синонимов встречается в названиях новых явлений народного творчества, что свидетельствует о незавершенности формирования местной терминологической лексики, о различных направлениях ассоциативных ходов.

При общности орнаментики украинских и молдавских сел, выступающей на уровне иконографии, исследование стилистики выявляет этническую специфику: предпочтительность строгих тектонических решений у славян и большую насыщенность пышного декора у романцев. Хотя народное декоративное творчество ныне более продуктивно в среде молдаван, почти все известные здесь сегодня виды и варианты изделий бытовали в XIX – нач. XX вв. в Прикарпатьи и Подолии, Поднепровьи и Полесьи.

Хронологическое картографирование отдельных мотивов позволяет определить их происхождение. Способствует этому и наличие этнонимов в народной терминологической лексике, изучение которых помогает уточнить вклад конкретных наций и народностей в художественно-бытовую культуру полиэтнического Буковино-Бессарабского региона. Сопоставление данных этнографического и лингвистического картографирования оказывается весьма плодотворным при изучении форм и направлений интерэтнических и трансэтнических связей, исследовании проблем развития, сближения и взаимобогащения традиционного декоративно-прикладного искусства народов нашей страны.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ГОРОДСКОЙ ЮЖНОРУССКОЙ РЕЧИ

Т.А. Сергеева (Ленинград)

В языке города, возникающем в результате взаимодействия литературной и диалектной разновидностей языка, наряду с нормативными чертами представлены наиболее характерные особенности окружающих диалектов. Эти последние определяют специфику каждого отдельного городского варианта литературного языка. В плане произношения речь жителей городов, находящихся в диалектном окружении, отличается широкой фонетической вариативностью. В севернорусской городской речи наибольшее количество особенностей приходится на вокализм, в южнорусской – на консонантизм.

В городах Курск и Ростове-на-Дону были проведены записи речи 60 информантов (жителей городов – как уроженцев, так и пере-

селившихся из области, имеющих среднее и высшее образование). Они начитывали на пленку фонетически представительный текст.

Данные слухового анализа и последующая статистическая обработка записей позволили выявить не только набор отличительных черт, но и степень их устойчивости и распространенности.

Речь курян отражает результаты внутриянковой интерференции: литературный язык — диалект; речь ростовчан — также и результаты межъянковой интерференции — русский язык — украинский язык.

Наиболее характерной особенностью речи жителей Курска является произношение щелевого заднеязычного [χ] вместо звонкого смычного [g] (20% реализаций). Щелевой звонкий заднеязычный отличается южновеликорусское наречие, в состав которого входят курские говоры. Жители Ростова-на-Дону вместо [g] произносят звонкий щелевой фарингальный [h] что можно объяснить влиянием украинского языка, издавна взаимодействовавшего с говорами донских казаков (в среднем 27% реализаций).

В речи уроженцев области значительно больше диалектных особенностей и степень их проявления ярче, чем в речи коренных горожан.

ФРАНКСКАЯ ОБЛАСТЬ НА СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЕ (ОПЫТ ТИПИЗАЦИИ ИЗОГЛОСС)

С. В. Смирницкая (Ленинград)

Ядром франкской области является рейнско-мозельская диалектная зона, в состав которой входят рипуарский (Кёльн), мозельский (Трир) и западномозельскофранкский (Люксембург) диалекты немецкого языка. В формировании зоны участвовали три потока языковых явлений: самый древний, связанный с продвижением франкских племен с севера на юг и колонизацией франками прирейнских земель вплоть до алеманнских территорий; идущий параллельно первому процесс, обусловленный заселением франками западных галло-романских земель; и, наконец, наиболее поздний, направленный с юга Германии, из алеманнских земель. Тем самым рейнско-мозельская зона является ареной взаимодействия языковых черт различной географической ориентации: здесь сходятся языковые потоки, идущие с севера и с юга Германии, а также в наибольшей степени сказыва-

ется влияние диалектов французского языка.

Исключительно сложная ареальная ситуация в рейнско-мозельской зоне, исторически обусловленная действием разнонаправленных языковых потоков, находит отражение на современной лингвистической карте в хаотическом переплетении изоглосс. Установление границ Франкской области в этих условиях может быть осуществлено путем классификации изоглосс по типам.

Сопоставительный анализ данных лингвистических атласов Нидерландов, Германии, Люксембурга, Бельгии, немецкоязычной Лотарингии, построение на их основе сводной карты западной оконечности немецкого ареала по романо-германской языковой границе путем приведения карт к единому масштабу и "стыковки" изоглосс, дает возможность выделить в рассматриваемом регионе по крайней мере четыре типа изолиний.

От 1 к 1У типу можно наблюдать своеобразное "разворачивание" изоглосс - от идущих вертикально (1 тип), через ряд промежуточных этапов (П, Ш типы) к расположенным горизонтально (1У тип). Если изоглоссы 1 типа очерчивают Франкскую область на современной карте с ее ядром в рейнско-мозельской зоне, то изоглоссы П - 1У типа олицетворяют различную степень проникновения южных черт во Франкский массив, различные этапы длительного процесса наложения на исходный Франкский диалектный ландшафт языковых черт немецкого юго-востока с последующим затуханием и частичным разрушением изначального диалектного единства.

Построение сводной лингвистической карты на основе "сложения" данных нескольких региональных атласов и последующая классификация изоглосс по типам показали, что каждый тип образует на карте своего рода "слой", соответствующий определенному этапу диалектного взаимодействия применительно к западной оконечности немецкоязычного ареала. "Послойное" расчленение современной лингвистической карты имеет непосредственный выход в историю языка.

В работе исследуются фонетические особенности языка жителей норвежского происхождения в свете их соотношения с английским языком северных диалектов США. Одной из особенностей норвежского языка является релевантность количества ударных слогов. В английском языке количество не считают релевантным. Исследование проводится на материале словаря американских заимствований Э. Хаугена. Словарь составлен на основании опроса информантов-норвежцев (носителей норвежских диалектов Трёнделага, Гудбрансдалена, Восса, Хардангера, Сетесдала, Сулэра, Хедмарка, Телемарка и др.), проживающих в штатах Висконсин, Миннесота, Айова, Северная Дакота и Южная Дакота.

Для определения возможного диалектного влияния на распределение количества в ударных слогах проводится картографирование данных опроса информантов с учетом норвежских диалектов. Результаты картографирования указывают на различия в дистрибуции долготы у носителей различных норвежских диалектов. Так, у носителей западных норвежских диалектов, в отличие от носителей восточных и, особенно, вго-восточных диалектов, отмечается тенденция произносить гласные в ударных слогах заимствованных слов как долгие.

Классификация материала словаря с учетом дистрибуционных, качественных и количественных характеристик английских гласных фонем Среднего Запада США позволила распределить гласные заимствования в направлении увеличения процента их воспроизведения как долгих. Влияние дистрибуционного фактора на распределение долготы проявляется в том, что любой из гласных в сопровождении последующего сочетания согласных чаще воспроизводится норвежцами как краткий, чем этот же согласный в сочетании с одним согласным. Гласные, которые встречаются в абсолютном исходе слова, как правило, произносятся норвежцами как долгие. Качественное и количественное сходство английских ненапряженных, усеченных, относительно кратких гласных с норвежскими краткими обуславливает краткое произнесение этих гласных американскими норвежцами.

Двусложные американские заимствования с гласными /æ, a, ɔ/ в ударном положении в 80% имеют как долгие, так и краткие реали-

зации в произнесении норвежских информантов, односложные же заимствования показывают различные количественные реализации гласных лишь в 40% слов. Это, по-видимому, вызвано затруднениями в определении норвежцами слоговой границы в двусложном слове, и, следовательно, нечетким представлением структуры ударного слога в этом слове.

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ XVI-XVII ВВ.

Г. В. Судаков (Вологда)

Уровень развития старорусской лексикологии позволяет ставить на очередь новые вопросы, основные среди них: (1) обобщение полученных результатов и дополнительное привлечение источников с разных территорий, выпавших из поля зрения исследователей, для более полной фиксации общерусского словарного фонда и выявления ареала местных явлений, присущих одному диалекту или целой группе говоров; (2) создание атласа и словаря регионализмов XVI-XVII вв., которые обобщат уже сделанное и послужат ориентиром для дальнейших исследований. Выполнение обеих задач потребует уточнения основных понятий: диалект, диалектизм, минимальная территориальная единица лингвогеографических исследований и т.п., которые применительно к истории языка имеют иное содержание по сравнению с современной лингвогеографией.

Невозможность полевых наблюдений может быть восполнена анализом значительного числа памятников разной территориальной прикреплённости. Тексты XVI-XVII вв. представляют наиболее благоприятные возможности для таких исследований. Однако многие памятники местной письменности связаны не с малыми населёнными пунктами, а с региональными административными центрами, то есть с уездными городами. Более дробная территориальная дифференциация в историко-лексикологических исследованиях далеко не всегда возможна.

Важно не только факт регистрации лексемы, но и учёт частоты ее употребления, которая тоже является географически варьирующим показателем. Результаты наблюдений могут быть представлены не только на картах, но и в виде таблиц.

Ареалы отдельных диалектных слов имеют сложную конфигурацию, но сквозь их многообразие проступают очертания нескольких проти-

впоставленных друг другу территорий, в общем виде совпадающих с более поздним диалектным членением и этнографическими ареалами. Отчетливо противопоставляются два территориальных массива: север — юг, граница между ними проходит по широкой полосе, обозначенной пунктами В.Новгород — Валдай — Торжок — Шуя — Н.Новгород. При этом говор Пскова и Великого Новгорода решительно тяготеет к севернорусскому наречию. Внутри каждой из двух основных территорий в свою очередь противопоставлены запад и восток, но с меньшей степенью определенности: Холмогоры — Белозерск — Вельск; Кашин — Москва; Тула — Елец — Ст. Оскол. Вычленение каждой зоны мотивируется списком характерных для нее лексем из тематических групп "одежда", "обувь", "бытовая утварь". Границы диалектов средней Руси по лексическим показателям весьма неотчетливы. В западной части среднерусской территории вовсе не заметно какой-то прослойки между севернорусскими и южнорусскими говорами. Поражает своим объемом словарь московской письменности, типичные северные или специфические южные слова хотя бы отдельными употреблениями могли быть представлены в московских актах. В деловом языке Москвы происходил стихийный отбор лексических средств из огромного числа общерусских лексем и местных фактов разных территорий.

Развитие исторической диалектологии на материале лексики позволит воссоздать широкую ретроспективу территориальной дифференциации словарного состава русского языка, определить вклад говоров отдельных территорий в формирование национального языка, проследить за формированием общерусского лексического фонда.

ИЗ ОПЫТА КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ТАТАРСКИХ ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ

С. В. Сулова (Казань)

С 1972 г. в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР ведется работа по территориальному исследованию материальной культуры татар Поволжья и Приуралья, в частности одежды и украшений.

В докладе будут представлены результаты картографирования *перевяев* — одного из наиболее устойчивых элементов традиционного женского костюма. *Перевяев* составляют особую группу нагрудных украшений из блях, монет, пуговиц, подвесок, амулетов, нашитых

на матерчатую основу. Картографирование проведено на базе музейных фондов и полевых данных относящихся к концу XIX – началу XX вв., собранных в ТАССР, Баш. АССР, Чув. АССР, Удм. АССР, Морд. АССР, а также Рязанской, Ульяновской и др. областях. Подготовлено две карты: (1) "Типы перевязей". На основе комплекса признаков формы и декоративного оформления выделены и картографированы три основные типа перевязей. Каждому из них соответствует особый ареал и терминология. (2) "Распространение перевязей по назначению", подготовленная по принципу наличия/отсутствия на перевязях предмета религиозного культа.

Результаты исследования помогут решению ряда проблем из этнической истории татарского народа.

ВЫБОР ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ И ИХ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ТРАДИЦИОННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В.С.Титов (Минск)

Комплексное исследование традиционной культуры требует рассмотрения ее компонентов в тесной взаимосвязи как единой системы, что накладывает отпечаток на методику ареального изучения. При выборе реальных особое внимание уделяется их взаимной соотносительности и сравнительной сопоставимости. Несмотря на различную позицию, которую они занимают в тематической структуре, и различный таксономический уровень, эти реальные должны обнаруживать детерминативную зависимость, выявляя общие ареальные закономерности.

Региональный характер исследования позволяет вести более углубленный картографический анализ. При этом для картографирования выбираются преимущественно те компоненты, которые обладают локально выраженной типологической вариативностью. Изучение ареалов вариантивных признаков (элементов) выявляет региональные особенности, позволяет проследить закономерности их распределения в пространстве и времени.

Одним из важнейших принципов отбора этнографических реальных является их универсальность и повсеместное распространение. Вместе с тем это не мешает при региональном изучении материальной культуры обратить внимание на самобытные и уникальные явления, которые несут ценную информацию об особенностях этногенеза и этнической истории, о культурно-исторических параллелях и за-

кономерностях в развитии. Картографирование и сравнительное ареальное изучение уникальных этнографических памятников представляет для нас несомненный интерес. Миниатюрные ветряные мельницы, устроенные на колесах (их можно передвигать с места на место) имели ограниченный ареал и были распространены только в северных районах Белоруссии. Несколько похожие, судя по размерам, мельницы бытовали и в соседних районах Прибалтики. Иную картину однако можно наблюдать, изучая типологию и ареалы бытования в Белоруссии известных почти всем земледельческим народам сельскохозяйственных орудий — крупорушек, или ступ. В Полесье, преимущественно в его западной части, в домашнем обиходе местных жителей использовалась так называемая ножная ступа, которая в других районах Белоруссии не встречается. Как свидетельствуют археологические находки, такая же конструкция ступ широко бытовала на другом конце евразийского континента — на территории Кореи и Дальнего Востока.

Предварительным условием выбора для картографирования характерных реалий является типологическая классификация. В ее основе лежат общие дифференцирующие признаки, в качестве которых чаще всего выступают функциональное назначение вещей, их конструктивные особенности и материалы, из которых они изготовлены. Типологическая классификация индуктивно отталкивается от конкретного содержания, отражая полноту необходимых сведений и степень изученности тех или иных аспектов материальной культуры. В современной белорусской этнографии наиболее изученными аспектами традиционной культуры следует считать жилище, несколько в меньшей мере — одежду и сельскохозяйственные орудия труда. Сравнительно хорошая изученность этих тем дала возможность перейти к более детальному картографированию с подробной легендой и применением наряду со значковым изображением способов штриховки и цветового фона. К наименее изученным и подготовленным для составления регионально-го (белорусского) историко-этнографического атласа относятся такие аспекты традиционной материальной культуры, как животноводство, целый ряд промыслов, а также пища.

Сравнительное сопоставление этнографических ареалов с археологическими, физико-географическими и лингвистическими картами Белоруссии обнаруживает их связь, что позволяет выявить территориальные этнокультурные комплексы, которые лежат в основе аре-

ального этнолингвистического исследования и районирования культурных ландшафтов.

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛЕССКОМУ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АТЛАСУ:

СОЛНЦЕ ИГРАЕТ

С.М. Толстая (Москва)

В Полесье повсеместно распространено известное у всех восточных славян поверие о том, что в определенные дни (праздники) солнце на восходе или (реже) на закате играет, переливается разными цветами. Эти поверия отличаются большим единством в отношении восприятия и символического истолкования этого явления, но сильно расходятся в отношении его календарной приуроченности и описывающей его фразеологии.

Отмечены следующие даты, к которым может быть приурочена игра солнца: Иван Купала, Пасха, Благовещенье, Воздвижение, Рождество, Троица, Розыгры (понедельник русальной недели), Чистый четверг, Петров день, Юрьев день, Вознесенье, Ильин день, Десятуха (пятница десятой недели после Пасхи). Кое-где считают, что солнце играет на любой праздник или что игра солнца не связана с каким бы то ни было праздником. Из перечисленных дат наиболее устойчиво связаны с игрой солнца день Ивана Купала, Пасха (первый день) и Благовещенье. Все три даты зафиксированы по всей территории Полесья, хотя первая из них (Иван Купала) явно тяготеет к западу и реже встречается на востоке, вторая (Пасха), наоборот, интенсивнее представлена на карте именно в восточных районах Полесья (Гомельская, Житомирская, Черниговская обл.), а третья (Благовещенье) рассеяна по всему Полесью, но реже встречается в районе средней и нижней Припяти. Компактный ареал в зоне нижней Припяти имеет приуроченность игры солнца к Воздвижению (и соответственно выражение солнце сдвигается).

Иную ареальную картину дает глагольная лексика, описывающая явление игры солнца. Кроме самого распространенного в Полесье (и на других восточнославянских территориях) выражения солнце играет, по отношению к этому явлению употребительны следующие обозначения: солнце купается, меняется, гуляет, дрожит, сдвигается, радуется, красуется (уклашается), цветет, переливается, ходит, бегает, плывет, танцует, скачет, прыгает, кружится, до конца идет. Вторым по распространенности после играет оказыва-

ется глагол купается, но его ареал сдвинут на восток и не включает западных районов Полесья. Восточная зона вообще обнаруживает большее разнообразие терминов (на западе преобладает играет), некоторые из которых имеют относительно компактные ареалы. Так, термин сдвигается распространен в районе нижнего течения Припяти, близкий к этому ареал имеет глагол меняется; радуются распространено на левобережье Днепра, т.е. в крайних восточных зонах Полесья.

Полесские материалы существенно дополняют имеющиеся восточно-славянские сведения об интересующем нас поверии (Е.Р. Лепер, Южновеликорусский летний обряд "караулить солнце". - Этнография, 1928, № 2, сс. 32-34). Приуроченность к Пасхе, характерная в большей степени для восточного Полесья, объединяет его с великорусским ареалом. Приуроченность к Иванову дню, напротив, не характерна для великорусской территории и встречается лишь в зонах, пограничных с Белоруссией (Псковская, Смоленская обл.). Связь игры солнца с Петровым днем, характерная главным образом для южнорусской зоны (хотя отмечена и в Вологодской обл.), спорадически встречается и в Полесье. Наконец, считавшийся специфически русским обычаем наблюдать игру солнца на Благовещенье оказался более широким по своему ареалу (в частности, неоднократно отмечен в разных частях Полесья). Обнаруженная в зоне нижней Припяти приуроченность игры солнца к Воддвиженью (с соответственным выражением солнце сдвигается) не имеет пока параллелей за пределами Полесья и остается единственным примером осенней привязки этого явления. Что касается остальных полесских календарных дат (Рождество, Чистый четверг, Троица, Розгры, Юрьев день и т.д.) то они почти не известны на великорусской территории.

О ПОЛЕССКОМ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ

Н.И. Толстой (Москва)

Тип атласа, в котором сочетается лингвистическая сторона со стороной этнографической, нам давно известен по романской и отчасти германской научной традиции. В славянской лингвогеографии такой тип еще не укоренился и лишь ряд польских опытов и начинаний ("Атлас народной культуры Польши" К. Мошинского 1934-1936; "Польский этнографический атлас" тт. 1-У 1964 и сл.; Ат-

лас языка и народной культуры Великопольши" тт. 1-П, 1979), демонстрируют плодотворность этого вида исследования применительно к славистическим проблемам. Следует, однако, отметить, что сочетание лингвистического и этнографического начала в атласах производилось до сих пор преимущественно на основе предметов и терминов материальной культуры, в то время как духовная культура и связанная с ней лексика и фразеология методом этно- и лингвогеографии исследовалась мало.

Полесский этнолингвистический атлас (сокращ. ПЭЛА, ранее "Атлас духовной культуры Полесья") целиком ориентирован на исследование духовной культуры в лингвистическом, этнографическом и фольклористическом плане. При этом авторы проекта и вопросника ПЭЛА воспринимают эти планы не как разнородные, а как синкретически объединенные и неразрывные в духовной культуре Полесья. Сама полесская духовная культура, к тому же, изучается не изолированно от общеславянского культурного фона или ландшафта, а как часть этого ландшафта, что отражено в вопросах опубликованной программы ПЭЛА (см. "Полесский этнолингвистический сборник", М., 1983, сс. 21-152). Более того, Полесье хорошо сохраняет архаические формы и структуру славянской духовной культуры. Эти формы и структура народной культуры могут служить основой для ряда компаративных студий как археологического, так и иного плана, студий, направленных на реконструкцию древнего состояния славянской культуры и на решение ряда проблем славянского этногенеза.

Полесско-инославянские соответствия географически близкого и дальнего порядка могут служить осью (осями) для классификации и исторической или типологической интерпретации всего славянского материала. Опубликованная недавно "Анкета-вопросник для ПЭЛА" задумана как пробный фрагмент программы возможного общеславянского атласа духовной культуры. Естественно, что значение ПЭЛА не ограничивается общеславянским масштабом. Оно, с одной стороны, шире этого масштаба, т.к. материал ПЭЛА важен для решения ряда балто-славянских и даже общеевропейских проблем, а с другой стороны, масштабно уже, т.к. ПЭЛА предназначен пролить свет на образование восточнославянских языков, этносов и их культур и дать по возможности максимально четкую картину этнолингвистического членения самого Полесья. И если чисто лингвистическое членение нам в основных чертах и целом ряде деталей известно, то

чение, основывающееся на фактах духовной культуры и фольклора выявляется Полесской этнолингвистической экспедицией впервые. Вопросы картографирования фольклорных фактов обсуждались в нашей науке еще в конце 20-х годов, однако, ни в нашей стране, ни в других славянских странах к этому делу до сих пор не приступили. Предварительные наблюдения при этом показывают, что географически ограничен и определенным образом распределены не только отдельные варианты фольклорных текстов, их поэтические средства и сами тексты, но и жанры или основные группы текстов, определяющие жанр. Существенно при этом то, что фольклор картографируется не отдельно, а совместно с комплексом народных представлений, обрядов и верований, равно как и с фактами языка, выражающими эти представления, т.е. вместе с этнографическими и лингвистическими данными. То же самое можно сказать, исходя из лингвистических задач: ценно то, что они решаются не сами по себе, а на фоне тех явлений, которые обуславливают языковое содержание и функцию.

К ХАРАКТЕРУ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА БАЛКАНАХ В V-VI ВВ. Н.Э.

С.Р.Тохтасьев (Ленинград)

Для характеристики этнолингвистической ситуации на Балканах в V-VI вв. н.э. весьма показательным свидетельством Иордана, 244 сл., германское племя гепидов заняло в конце V в. Даклию, готы - Паннонию; сарматы, ближе неизвестные кемандры, часть гуннов поселились совместно в Иллирике; германцы-скиры, садагарии (видимо - ираноязычные), аланы и другая часть гуннов осели в Н. Мезии вместе с так наз. малыми готами и в Малой Скифии и т.д. Во всех этих областях в какой-то степени еще сохранялось и старое, большей частью романо- и грекоязычное население. Учитывая эти обстоятельства, трудно говорить о каких-то этнолингвистических границах: ведь речь идет о племенных конгломератах, создававшихся исключительно на политической основе и то и дело распадавшихся с перераспределением их участников; в других случаях, напротив, одна этноязыковая группа поглощала другую.

Таким образом, исторические свидетельства показывают, что термин "этнические (этноязыковые) контакты" будет лишь поверх-

ностно отражать подлинную суть этнических процессов периода Великого переселения народов. Имели место, очевидно, не контакты, а смешения — янковое, этническое.

Аналогичным образом (на примере истории славян в Греции) легко показать и крайнюю условность и недостаточность терминов "субстрат", "суперстрат", "адстрат" для характеристики этнических процессов, проходивших в подобных ситуациях.

Лингвистическая сторона дела должна рассматриваться с тех же позиций. Нельзя изучать раздельно, например, позднелатинские и греческие взаимодействия в славянском и готском, на что недвусмысленно указывает целый ряд латинских взаимодействий, попавших в славянский через восточногерманское посредство; к обычным примерам следует, возможно, добавить слав. корабль от греч. καταβιον: сохранение смычного качества греч. β может свидетельствовать о посредстве готов, вступивших в контакт с греками в период до его спирантизации. О посредстве янка со спорадической альтернативой открывающего слог ь : я (торкского?) могло бы свидетельствовать слав. комонь, видимо, в конечном счете, из нар.-лат. caconi(s); впрочем, настолько же вероятно посредство народного греческого янка Сев. Балкан с нередкой в греческом диасимиляцией типа к - ь в к - ш.

Есть все основания полагать, что группировки, участвовавшие в Великом переселении народов, создали общий фонд культурных терминов, частично сохранившийся и в некоторых современных янках. В истории Европы ситуации вроде Великого переселения народов имели место неоднократно и, конечно, многие культурные термины с их стертymi признаками конкретной янковой принадлежности (как слав. топоръ из иранского) распространялись именно таким образом.

Исторические свидетельства, хорошо дополняемые лингвистическими данными, позволяют реконструировать яркую картину как бы общего котла, в котором создавались основы будущих этнолингвистических и этнокультурных ареалов средневековой Европы.

ОБЩЕКАРПАТСКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС (ПЕРВЫЙ ВЫПУСК)

Р. Я. Эдлер (Кишинев)

"Общекарпатский диалектологический атлас" (ОКДА) – лексико-семантический. Вопросы теоретического, методического и технического характера, возникшие в процессе работы над ОКДА, были разрешены усилиями всех участников этой фундаментальной работы, представителей различных школ и направлений в диалектологии и лингвистической географии.

Материал для ОКДА собирался национальными группами одновременно с 1977 по 1980 гг. Впервые изучены особенности говоров разных языков карпато-балканского региона и прилегающих районов по единой программе-вопроснику лексико-семантического характера. Материал для ОКДА собран анкетным методом в полевых условиях. Всего было опрошено 695 человек. В пределах Румынии анкета для ОКДА не проводилась. Ответы рекартографированы из цитируемых национальных и региональных румынских атласов.

Бланковка карт (ее размер – 42х30 см, фоновые детали – черного цвета) охватывает весь массив обследованных диалектов, без врезок. Эта территория, включающая южную часть Польши, восточную часть Чехии, Словакию, северо-восток Венгрии, западную Украину, Молдавию, Румынию, Югославию и Болгарию, разделена на две части. Северная половина, на которой расположено около 150 населенных пунктов, и южная половина, содержащая около 75 пунктов, даны в разных масштабах. Ответы, передаваемые геометрическими фигурами, размещены, как правило, под соответствующей цифрой, в один ряд, в пределах данного государства.

Первый выпуск ОКДА отредактирован и подготовлен к печати. Он будет опубликован издательством "Штиинца" АН Молдавской ССР. Первый выпуск ОКДА посвящен теме "Лексика народного быта" и включает ответы на вопросы № 1–103 его программы. Выпуск состоит из двух разделов. В первом разделе, текстовом, имеются три части. В первую часть входят "Предисловие", "Введение" и "От ответственного редактора первого выпуска ОКДА". Все эти материалы представлены на русском, французском и молдавском языках. Затем следуют приложения: (а) Сведения о населенных пунктах и об информаторах ОКДА; (б) Сведения об исследователях ОКДА; (в) Список участников работ по составлению ОКДА 1973–1982 гг. и др. Во вто-

рой части даны комментарии и картам. В третьей части представлены некартографируемые материалы по 29 вопросам.

Второй раздел — это карты (№ 1-71), то есть собственно атлас. В первом выпуске ОЦДА все карты аналитические. Они показывают ареалы распространения лексических вариантов и элементов семантического объема отдельных лексем.

Материалы ОЦДА дополняют и уточняют сведения, содержащиеся в опубликованных национальных и региональных атласах, монографиях и статьях.

ПОЛЕВЫЕ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИРГИЗИИ

С. У. Умурааков (Фрунзе)

За последние годы (1977-1980) в Киргизской ССР издано четыре книги, освещающие широкий круг вопросов киргизской топонимики и ономастики Средней Азии (две монографии — Д. Исаев, 1977, К. Конкобаева, 1980; сборник статей — 1980 и антропонимический словарь — Ш. Жалпаров, 1979). Создана также серия топонимических карт (С. У. Умурааков, Т. Эшенкулов, Т. М. Чодураев, 1980-1983). В печати находится очередной сборник статей по ономастике Киргизии. Все же без серьезной постановки и систематических полевых исследований (картографирования местной микротопонимии) невозможно решение многих проблем региональной топонимики и ономастики в целом.

Отдел географии АН Киргизской ССР в течение нескольких лет проводил полевые экспедиционные исследования и картографирование микротопонимии бассейнов рек Чангет и Джавы (Ясны), расположенных на юго-западном склоне Ферганского хребта. До наших исследований по равным данным в бассейне р. Чангет (на площади 381 км²) было известно всего 108 собственных географических имен — названий населенных пунктов, гор, рек, урочищ и т. д. Участникам экспедиции удалось пройти площадной топонимической съемкой лишь часть (ок. 120 км²) горной территории Чангетского бассейна, выявить и зафиксировать 613 новых названий видового ранга (ручьев, родников, вершин, логов и др. морфологических единиц рельефа, ландшафта), неизвестных по литературным источникам и картографическим материалам.

Сбор топонимов проводился на месте опросным путем с привлечением в качестве информантов старожилов, чабанов и других знатоков топографии и географии района (ок. 20 человек). К сожалению труднодоступные горные районы, удаленные от населенных пунктов, остались без топонимической съемки. Охват исследованием всей территории бассейна Чангета в несколько раз увеличил бы общее число географических номенов (ныне известно 721).

Основную массу топонимов составляют киргизские названия, в своей основе общетюркские. Номены иного происхождения (узбекские, ирано-таджикские, русские) также встречаются в земледельческой зоне, но их число невелико. Попадают отдельные топонимы, заимствованные из монгольской лексики. Но и те и другие чаще всего являются гибридными и оформлены в киргизской фонетической форме.

В структурном и лексико-семантическом отношении географические имена Чангет-Джаванского района характеризуются теми же чертами, которые свойственны тюркской топонимии Киргизии в целом. Некоторые отличия, преимущественно морфологического порядка, связаны с диалектными особенностями. Иным является и соотношение иноязычных компонентов, например, ирано-таджикских. В абсолютном большинстве названий отражены особенности местных природных условий, морфология рельефа, свойства отдельных объектов и явлений природы, растительного покрова и др. Многие названия имеют социально-экономический смысл, связаны с историческим прошлым населения, свидетельствуют о его занятиях, этноплеменном составе, религиозных и др. представлениях.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ КАРТЫ КАК КОМПОНЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АТЛАСОВ

Э.Т. Урманова (Ленинград)

Работы регионального характера занимают значительное место во французской топонимической литературе. В большинстве исследований дается наглядная картина особенностей топонимики отдельных регионов, кантонов, коммун. Между тем следует отметить, что топонимические исследования последних лет тесным образом связаны с диалектологией и лингвистической географией, свидетельством чему стал colloquium, состоявшийся в Лоше в мае 1978 г., а также материалы colloquiuma по диалектологии и ономастике, именного

место в Дижоне в 1980 г.

Богатый материал для изучения топонимики представляют региональные лингвистические атласы Франции. Дело в том, что в числе вводных карт этих атласов обязательными являются карты, на которых нанесены пункты обследования и их наименования. Эти пункты обследования представляют собой небольшие поселения, чаще всего малоизвестные, которые обычно не обозначаются в физико-географических картах крупного масштаба. Наименования этих пунктов, как правило, даются в двух формах - литературной (официальной) и местной (соответственно на двух вводных картах). В "Лингвистическом атласе Франции" Ж. Жильерона и Э. Эдмона подобные карты открывают первый том. Серия "Лингвистических атласов по областям" также включает в свои вводные карты две топонимические.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют местные наименования, которые авторы приводят в транскрипции. Транскрипция дается на основе транскрипции аббата П. Руссо, поскольку она в свое время была применена Ж. Жильероном.

Сравнение топонимических карт показывает, что некоторое число топонимов остается неизменным в разговорном языке, в то время как в большинстве названий происходит множество изменений. Можно выделить несколько видов трансформаций, происходящих в топонимах, а именно: фонетическую, морфологическую, сокращение синтагмы (усечение), агглютинацию, переосмысление, переименование. На основании анализа топонимических данных лингвистических атласов можно предположить, что стабильности литературных топонимов противостоит изменчивость их в разговорном языке и в патуа, причем с одной стороны, топонимы, являясь частью лексики, изменяются в соответствии с общими тенденциями развития языка, с другой стороны - в их развитии проявляются региональные и диалектные особенности.

АРЕАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ТОПОФОРМАНТОВ

Э. Г. Ураксин (Уфа)

Анализ географических названий определенного региона в горизонтальной плоскости дает возможность установить и выделить однотипные топонимы и топонимобразующие элементы. Сравнительная устойчивость названий и их формантов представляет интерес с точки зрения ареальной и исторической лингвистики.

В топонимии Башкирской АССР имеется ряд словообразующих формантов, территориальное распространение которых не совпадает с современной географией говоров и диалектов башкирского языка. Одним из наиболее активных топоформантов является аффикс обладания, наличия =дн с множеством фонетических вариантов по линии гласных и согласных. Топонимы с формами говоров восточного диалекта выходят на территорию северо-западных и западных говоров башкирского языка, которые испытали влияние татарского языка. В этом обширном регионе наряду с предполагаемым формантом =дн встречаются топонимы с элементами =дн, =дн, =тн (Бишенде, Шлан-дн, Штандн, Асауен, Мараштн, Минеште и т.п.). Наиболее активным является формант =дн, а его фонетические варианты употребляются в соответствии с местными особенностями говоров.

С ареальной точки зрения интересно сохранение в западной и южной части БАССР названий с формантами =са, =сай, =лак и др. Здесь по современному состоянию говоров должны были бы выступать аффиксы =ча, =чай, =лык.

Установление границ распространения, ареальных признаков и особенностей топоформантов (и географических названий вообще) имеет большое значение для определения исторической территории функционирования говоров и диалектов, миграции их носителей.

ГЕОГРАФИЯ ТОПОНИМОВ, СВЯЗАННЫХ С ПЛЕМЕНЕМ БУРЯН (БУРЗЯН)

М.Г. Усманова (Уфа)

До наших дней в топонимах сохраняются многие племенные и родовые названия башкир. Объектом данного исследования является выяснение ареала распространения топонимов, связанных с племенем буряи, а также составление карт населенных пунктов, где проживают представители этого племени и карт топонимов, имеющих прямое отношение к буряиному племени или его родовым подразделениям.

Картографирование показывает, что топонимы, связанные с племенем буряи, распространены в основном в Баймакском, Буряином, Кутарчинском районах БАССР и Оренбургской области. Представители этого племени проживают в 146 населенных пунктах. Названия некоторых ойконимов образованы от этнонима буряи (буряи) или его родовых подразделений, например, д. Чатяй-Буряи (Буре. р-н),

д. Тангирово (Куг. р-н), д. Ямаш (Байм. р-н) и др.

Многие этнопонимы бытуют как неофициальные наименования. Так, например, д. Ильчегулово (Мияк. р-н) имеет неофициальное название Берйән Илсеголо, д. Верхне-Санаяпово (Куг. р-н) - Атайсал Берйәне и т.п. Часто неофициальные названия восходят к родо-племенным названиям (Монаш, Янпары, Ямаш и др.). Часть населенных пунктов имеет 2-3 названия, причем одно из них чаще всего бывает связано с этнонимом: так, д. Верхне-Абдряшево (Байм. р-н) имеет два неофициальных названия - Монаш и Кыял Нагай.

Этноним берйән (буряян) и его родовые подразделения также отражены в гидронимах, оронимах и микропонимах (р. Берйән Янлағы; Монаш уэге, Атайсал яланы и др.).

Этническая и топонимическая карты в основном совпадают, но ареал распространения топонимов, связанных с племенем буряян, шире современной территории их обитания. В результате картографирования топонимов можно получить данные, помогающие установить этнический состав региона и проследить процессы миграции.

АРЕАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ТЮРКИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Р.Х.Халикова (Уфа)

Среди ученых пока нет единого мнения относительно языка тюркских письменных памятников XII-XIII вв., выявленных на огромной территории Урала, Поволжья и Средней Азии. Собранный значительный материал и специфика самих источников требует дифференцированного историко-лингвистического анализа.

Изучение ареальных признаков тюрки Урало-Поволжья, встречающихся в письменных (летописных, актовых, литературных и др.) памятниках, их происхождения и принадлежности тем или иным тюркским родоплеменным объединениям имеет важное значение для истории культур, языка башкирского и татарского народов.

Тюрки Урало-Поволжья - это книжно-письменный койне, испытавший определенное влияние языка этнических групп названного ареала. На тюрки составлялись родословные (шежере), слагались стихи, писались философские трактаты. Ареальные признаки в тюрки Урало-Поволжья наблюдаются в лексике (ортауы истаршына "ортовой старшина", кентун түреларе "начальники, чиновники кантона").

и др.), фонетике (хыңыр "корова", бер хум "один рубль" и др.), морфологии (употребление аффикса -на в дательном-направительном падеже в именах существительных с аффиксом принадлежности - башына "на его голову", баласына "его ребенку"; отсутствие приставки на -мыш и др.).

Роль тюрки Урало-Поволжья в истории развития башкирского литературного языка, его стилей эпохи средневековья и в последующие периоды чрезвычайно велика. Сплав литературного языка Волотой Орды и тюрки ареала Урало-Поволжья, наряду с другими ареальными лингвистическими и экстралингвистическими факторами, стал важным звеном в общей цепи развития башкирского литературного языка.

К АРЕАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАЗВАНИЙ С БУЛГАРСКИМИ ЧЕРТАМИ В ТОПОНИМИИ БАШКИРИИ

Ф.Г.Хисамитдинова (Уфа)

Выявление названий болгарского происхождения в топонимии остается одной из сложнейших задач ономастической науки. В связи с тем, что собственно болгарских письменных памятников до нас дошло очень мало, а также отсутствует достоверный материал по апеллятивной лексике языка волжских болгар, разрешение этой проблемы остается открытым.

Наиболее характерными особенностями болгарской группы языков являются: ротациям, ламбдаизм, шоканье и наличие протетических согласных. Указанные особенности нашли отражение в апеллятивной лексике говоров башкирского языка: күҫ ~ күр, кашык ~ салак, Һөпһөрнү ~ шәһәрнү. Среди современных географических названий Башкирии наименований с болгарскими признаками немного. Именно поэтому огромный интерес представляет историческая топонимия Башкирии, зафиксированная в письменных источниках ХУП-ХІХ вв. Из различных источников нами выявлено около 200 названий, типа Уран, Уранка, Шарбарка, Ерик шар, Вараш и др. При анализе этих топонимов с географической точки зрения обнаруживается их локализация в западной и северо-восточной Башкирии. Так, топонимы с элементом шар отмечаются в Троицком, Мензелинском, Бирском, Челябинском уездах, на остальной же территории зафиксированы лишь одиночные названия. Локализация топонимов с болгар-

скими признаками в западных, т.е. в бывшем Белебеевском, Бугульминском и Мензелинском уездах, где население генетически и исторически было связано с булгарами, объясняется в определенной степени болгарским влиянием. Однако распространение названий с болгарскими чертами в северо-восточном регионе (бывший Троицкий и Челябинский уезды) позволяет поставить вопрос о наличии более древнего общего субстрата, воздействовавшего как на язык болгар, так и на язык ряда башкирских племен.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КАРТЫ КАК ИСТОЧНИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

М.Г.Царова (Ленинград)

Известно, сколь сложна проблема диалектной основы французского литературного языка. Известно также, что эта проблема остается нерешенной. До сих пор не было достаточно достоверных источников для того, чтобы можно было с полной уверенностью говорить о диалектной основе французского литературного языка.

Появление во Франции лингвистических атласов серии "Новые региональные лингвистические и этнографические атласы Франции" позволяет осветить интересующую нас проблему с новых (лингво-географических) позиций. Региональные атласы уточняют и дополняют данные "Лингвистического атласа Франции" Ж. Жильерона и Э. Эдмона.

Составители региональных атласов учли в своей работе все то положительное, что было накоплено предшественниками. Сохраняются картографические принципы и приемы Ж. Жильерона, карты продолжают оставаться исходными (у каждого пункта в фонетической транскрипции записывается слово), в основном сохраняется транскрипция Русло. Однако авторы региональных атласов учитывают не только лингвистические, но и этнографические особенности изучаемого региона (стали фиксироваться исчезающие "реалии языка"). Таким образом, если атлас Жильерона дает возможность изучить слово как лексему, то региональные атласы с их более густой сеткой (8-15 км при 40 км у Жильерона) позволяют рассмотреть слово с нескольких точек зрения, в том числе фонетической, что очень важно для исследования проблемы диалектной основы французского литературного языка.

Чаще всего споры идут не о времени возникновения, а о месте возникновения фонетических явлений; поскольку не установлена точная локализация многих старофранцузских текстов, по которым эти явления изучались, а время (хотя бы приблизительное) известно. На "синтетической" же исходной карте, где слово записано в фонетической транскрипции, можно установить точное место зарождения и пути движения явления, а время указывает историческая фонетика.

Исходные карты, представляя определенный синхронный срез состояния диалектов и говоров в их территориальном варьировании, дают материал, показывающий историческое развитие языка во времени и в пространстве, так как они содержат элементы не только настоящего, но и прошлой истории языка.

ЭТНОНИМИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ)

И. В. Чакин (Минск)

Начиная с эпохи Средневековья контактной зоной между белорусами и украинцами является область Полесья. Специфика этноисторической жизни населения, обширная территория и определенная физико-географическая изолированность ряда районов обусловили особенности протекания в Полесье этнических процессов, что отразилось на своеобразии многих этноопределяющих признаков, отличающихся от аналогичных у белорусов и украинцев из неполесских областей. В этнонимическом контексте это отразилось, как принято считать, в возникновении названия "полешуки" ("палешукі", полешуки).

Сопоставление исторических документов XIУ-XIII вв., историографического наследия XIX - начала XX вв. и современных материалов показывает, что полесскую область невозможно охарактеризовать как этнонимически цельную и однородную. Лингвисты отмечают языковую гетерогенность Полесья, которая в целом сводится к тому, что говоры одних групп полесского населения тяготеют к белорусскому языку, а говоры других - к украинскому. Этнонимическая ситуация в Полесье аналогична языковой, но в то же время имеет некоторые особенности, которые выражаются в том, что не все население данной области называет свой край Полесьем, а себя - полешуками.

В качестве самоназвания этникон "полешуки" контурно распространён только в широких контактных зонах между полешуками, с одной стороны, и "цекаошцами", "дэекаошцами" литвинами (на северо-западе Полесья по линии Пружаны-Берева-Коссово-Бытень) и внутри Полесья, а также украиноязычными "волныцами", "волыняками" (на юго-западе Полесья по линии Либомль-Ковель-Луцк-Ровно), с другой стороны. Во внутренних ареалах этих контуров полешуки этнонимически дифференцированы, но семантика этих этнонимов чаще ландшафтно-морфологического типа - "полешуки-багноки" (р-ны Малориты и Дивина), "заречанье", "загородцы" (Пинщина), "замшукы" (Мозырьщина), "подпущанцы", "полюхи" (Кобринский, Ерестский р-ны, Ровенщина), "поляне", "полевики" (Слуцкий, Клецкий р-ны, Вольнь). В то же время ряд этниконов отражает и некоторую локальную языковую специфику различных групп полешуков - типа "полешуки-гэтуны" (Погорынье), "полешуки-гидуны" (между Брестом и Пинском), а также особенности одежды и внешнего облика - типа "косники", "торбачи", "пытлачи", "ковтуны" и т.д.

Название "литвины" в Полесье не имеет сплошного распространения, а составляет ряд микрзон в виде своеобразных островков, внутри которых соответствующее этнонимическое самосознание также ослаблено, но контрастно выступает в широких зонах контактирования непосредственно с "полешуками". В ряде полесских областей общее название "литвины" дополняется определениями, подчеркивающими отдельные особенности говоров - "литвины-хашоны" (между Столиным и Рахитис, между Коссово и Лунином), "литваки-колыбанюки" (между Столиным и Мастополе), их антропологические черты и специфику места обитания - "литвины черняки" (Пружанский р-н), "поречуки" (Подгорынье) и т.д. Иногда и особенно в пределах восточных областей Украинского Полесья соседи литвинов называли их "литвинами белорусцами" или "литвинами белорусами" (Черниговщина, Млевщина).

Повсеместное бытование этнонима "белорусы", также как и этнонима "украинцы", весьма характерное явление для современной этнонимической ситуации в Полесье. Эти этнонимические формы в настоящее время наиболее устойчивы и стабильны, тогда как, например, топонимические локальные этниконы не распространяются далее определенной географической зоны, вне которой они заменяются на более общее - "полешуки", "литвины" или на соответствующее

щие этнонимы "белорусы" и "украинцы".

О РАБОТЕ НАД ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ АТЛАСОМ ГРУЗИИ

Г.С.Читая, Дж.Рухадзе (Тбилиси)

В 1960 г. в Институте истории, археологии и этнографии им. И.Джавахишвили АН ГССР был создан Центр по изучению историко-этнографического атласа, которым были осуществлены следующие работы: были выделены группы, работающие на отдельные разделы и темы, составлен план работ над Атласом и обширные, подробные проспекты по полеводству, виноградарству и виноделию, огородничеству, садоводству, жилым и хозяйственным постройкам, одежде и транспорту; были обработаны полевые этнографические дневники, архивные материалы Отдела этнографии Института и Центрального архива, данные специальной литературы, материалы из Института рукописей и Литературного музея, а также материалы и коллекции историко-этнографических и краеведческих музеев. Материалы были классифицированы по темам и подтемам. Центром были проведены посвященные практическим и теоретическим вопросам атласа две научные сессии, в которых принимали участие этнографы Закавказья.

С 1966 по июнь 1973 гг. на базе Института были организованы пять проблемных групп, которые обрабатывали темы по полеводству, виноградарству и виноделию, скотоводству, жилым постройкам, транспорту, а на базе Отдела этнографии гос. Музея Грузии им. С. Джанашиа - группа, работающая по теме "Одежда". Группы приступили к работе над отдельными темами, а также к подготовке материалов для карт с учетом типологии и ареалов распространения.

С июня 1973 по 1976 гг. в план научно-исследовательской работы Института истории, археологии и этнографии были внесены темы всех проблемных групп. На основе этих тем в 1977 г. была подготовлена к печати работа "Историко-этнографический атлас Грузии. Материалы. Земледелие. 1", вышедший в свет в 1980 г.

В 1982 г. Комиссией по историко-этнографическому атласу, созданной в том же году, была проведена Третья научная сессия, посвященная атласу. В 1982 г. были подготовлены к печати два выпуска материалов к историко-этнографическому атласу Грузии ("Полеводство II", "Виноградарство и виноделие, II"), которые будут опубликованы в 1984 г. К концу текущего года будут подготовлены

к печати и в 1985 г. опубликованы два выпуска ("Жилые постройки, 1" и "Скотоводство, 1").

ОБ АРЕАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ СИСТЕМ РОДСТВА

М. А. Членов (Москва)

Системы родства – объект изучения как лингвистики, так и этнографии. В первом случае предметом являются собственно термины родства как часть лексики; во втором – семантическая структура, или набор специфических категорий, называемых классами родства.

Основной презумпцией этнографического изучения систем родства является утверждение о связи структуры систем родства с социальной организацией общества. Характер этой несомненно реальной связи не до конца еще ясен. Вместе с тем, социологический анализ систем родства, доминирующий в этнографической науке, априорно отрицал возможность генетической связи структурных элементов у родственных народов, характеризующихся различными общественными установлениями.

Попытка систематического изучения систем родства какого-либо историко-этнографического региона, позволяет пересмотреть этот тезис и приступить к изучению систем родства как историко-этнографического источника. Ареальный подход к изучению систем родства дает основание для проведения районирования систем родства и выявления структурно-однотипных территориальных блоков систем родства у генетически родственных, но социально неоднотипных народов.

Первый пример такого рода блоков представлен системами родства тюркских народов Сибири и Средней Азии, сибирских угров, монгольских и самодийских народов. Этот огромный ареал характеризуется рядом важных структурных свойств. Все эти системы родства относятся к так называемому типу омаха. Другой признак – наличие так называемого "возрастного поколения" объединяет их с тунгусскими и енисейскими системами (но исключает из числа их монгольские системы родства).

Второй интересный регион – островная часть Юго-Восточной Азии, населенная аустронезийскими народами. Здесь четко выделяются два резко очерченные ареала: "малайский", охватывающий

большую часть Западной Индонезии, и "ирокезско-омаха", распространенный во всей Восточной Индонезии и частично на Суматре. Оба ареала не характеризуются социальной гомогенностью.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЕКТИРУЮЩЕГОСЯ "АТЛАСА АНТРОПОНИМОВ ТУРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ВОЛГО-КАМСКО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА")

А.Г.Шайхулов (Уфа)

В тюркологических исследованиях метод картографирования как один из важнейших компонентов лингвистических штудий (в том числе и ономастических: антропонимических, топонимических и т.д.) набирает темп только в последние десятилетия. В докладе рассматриваются те стороны данного вопроса, которые представляются недостаточно освещенными, а именно - принципиальные моменты как самой методики картографирования, так и особенности этнолингвистической интерпретации антропонимических единиц тюркоязычных народов, проживающих в указанном регионе.

Предварительное исследование части собранного антропонимического материала (классификация, составление пробных картосхем для проектирующегося "Атласа...") раскрывает сложную систему происхождения антропонимов как доисламского, дохристианского (диахронический среа) периода, так и современных (синхронный среа) личных имен, которые анализируются нами в рамках трех основных лексико-семантических групп: (1) имена-посвящения (меморативы); (2) описательные имена (дескриптивы); (3) имена-пожелания (дезидеративы).

Принципы картографирования ономастических (антропонимических) единиц сводится к трем главным условиям: (а) противопоставление, (б) выявление, (в) сопоставление. В свою очередь это обусловило соотнесенное размежевание Волго-Камско-Уральского ономастического региона на следующие территориально-системные компоненты (составные): (1) микросистема, (2) территориально-групповые системы, (3) ареальная система, (4) региональная система. Типы предварительных картосхем различаются по широте их тематики и по степени обобщения их содержания: (а) аналитические, (б) синтетические, (в) комплексные (или системные).

Обзор всех типов (с учетом структуры, принадлежности, про-

исхождения и т.д.) антропонимов тюркоязычных (татарского, башкирского и чувашского), а также встречающихся в именниках финно-угорских народов (в основном - марийского, удмуртского) тюркских имен, которые собраны по специальному вопроснику, позволяет предложить предварительную стратификацию пластов имен указанного региона: (1) "дотюркский" (древнесамодийский, древнеугорский и восточно-финский), (2) древне-булгарский, (3) огузобулгарский, (4) кипчако-булгарский, (5) кипчако-ногайский, (6) пласт имен, возникший в результате этнолингвистического взаимодействия народов, сформировавшихся в данном и сопредельных регионах, (7) пласт современных антропонимов указанных народов, в структуре имен которых имеются монгольские и тунгусо-маньчжурские имяобразующие компоненты (Р.Г. Кузеев).

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТУНИКООБРАЗНОГО ПОКРОЯ, РАСПРОСТРАНЕННОГО У БАШКИР И ДРУГИХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

С.Н. Шитова (Уфа)

Покрой одежды - один из основных признаков характеристики народного костюма, наиболее показательный особенно в исследованиях этногенетического плана.

Туникообразный покррой, особенность которого является отсутствие плечевых швов, был впервые выделен Б.А. Куфтиным. Были описаны его разновидности как в Европе, так и в Азии (Гаген-Торн, Прыткова, Белицер, Сычев, Сухарева). Среди туникообразной одежды, характерной для большей части народов Восточной Европы, башкирские, татарские и южночувашские рубахи занимали отдельное место. Их характеризовали не только цельное полотнище, но и расклеванные боковые вставки, скроенные по долевой нити рукава, квадратные (иногда треугольные) ластовицы, срединный нагрудный разрез. Описанный вариант известен под названием "степной", "восточный", "татарский". Была подмечена свойственность этого покроя тюркским народам.

Исследования показали, что этот покррой использовался не только тюрками или народами, контактировавшими с ними, ареал его распространения оказался значительно шире. Признаки, характерные для тюрков Поволжья, южных удмуртов и бесермян sporadически обнаруживаются в северных районах вплоть до Ледовитого

океана (русские, коми, ненцы). Еще более распространены они на южных территориях - безусловные аналогии имеются на Кавказе и в Передней Азии. В Средней Азии также закрепились покрой, близкий к описанному, в основном у ираноязычного населения, а также у уйгуров. В Сибири близость татаро-башкирским выявляют телеутские рубахи. Сходство имеется также в одежде сибирских татар, восточных хантов.

Рассматриваемый покрой обнаружен у тех народов, которые было знакомо изготовление тканей на горизонтальном станке, являющимся, по-видимому, переднеазиатским изобретением. Одновременно с техникой ткачества соседние тюркские (западные) племена овладели и конструированием одежды из холста. О давнем распространении покроя у торков говорит одинаковая терминология в обозначении его деталей: сабу, шабу "клин"; идштек "ластовица" и др.

Через посредство торков данный покрой распространился у кочевников, самодийцев, хантов, восточных славян, финно-пермских народов. В последние столетия "эпицентр" распространения такого покроя (по степени применения) находился в Среднем Поволжье и Приуралье. У башкир он использовался в основном в рубахах - одежде, появившейся у кочевников-торков под влиянием со стороны переднеазиатского ираноязычного населения.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР

Н.Н.Широбокова (Новосибирск)

На IУ региональном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков (Фрунзе, 1963 г.) была создана комиссия по атласу тюркских языков. Этой комиссией был составлен доклад о подготовке атласа: он был прочитан на V региональном совещании в Баку в 1965 г. На совещании было принято решение о вопроснике для атласа, о сроках сбора, камеральной обработки и картографирования полевого материала. В 1970 г. на расширенном заседании бюро научного совещания по диалектологии и истории под руководством И.Аванесова был принят Вопросник ДАТЯ.

Из-за большой протяженности территории обитания тюркоязычных народов атлас был разделен на 4 зоны: (1) кавказская, центр г. Баку: ногайский, кумыкский, карачаево-балкарский, азербайджанский, гагауэский языки; (2) поволжская, центр г. Казань:

татарский, башкирский, чувашский языки; (3) среднеазиатская, центр г. Ташкент: уйгурский, киргизский, казахский, узбекский, каракалпакский, туркменский языки; (4) сибирская, центр г. Новосибирск: якутский, хакасский, тувинский, алтайский языки.

На первом совещании составителей сибирской зоны (Новосибирск, 1975) было внесено предложение увеличить число рассматриваемых тюркских языков, включив язык сибирских татар, чулымских тюрков, шорский, тофский и долганский языки. Это предложение было утверждено в Ленинграде на семинаре по тюркской лингвистической географии, который был проведен Советским комитетом тюркологов совместно с лингвогеографической секцией Географического общества СССР. На этом семинаре, имевшем учебно-организационный характер, была выбрана карта-основа и принято решение о переводе атласа на новую транскрипцию, предложенную В.М.Наделяевым.

В настоящее время атлас включает введение, справочные материалы, 275 таблиц, 226 карт и комментариев к картам. Таблицы - самая информативная часть работы, т.к. кроме сведений по заданной теме они включают дополнительные сведения по лексике, фонетике, словообразованию и т.д. Структура таблицы: в заголовке таблицы указывается раздел исследования (фонетика, морфология, лексика) и тема таблицы (таблица включает только одно слово на данное явление). Таблица имеет 5 граф: (1) номер вопроса по вопроснику и рассматриваемая лексема; (2) языки, в которых употребляется данный вариант; (3) картографируемое явление в транскрипции; (4) номера населенных пунктов; (5) примечания. Материал в таблицах располагается по вариантам, определяемым темой таблицы.

Карта-основа составлена на базе карты ГУГК 1977, 1:15000000, использована опорная карта с фиксированной сетью населенных пунктов. На карте населенные пункты отмечены цифрами. При выборе количества пунктов на язык принималось во внимание: размер занимаемой территории, плотность населения, сложность диалектной системы. Названия пунктов и сведения о них даны в списках обследованных пунктов.

Карты аналитические, то есть используется система условных обозначений - значков, что требует предварительного выделения различных признаков (эта работа проделана в таблицах).

Карты отдельных языковых явлений составляют основной тип карт атласа. В ДАТИ это фонетические и лексические карты. Для морфологии роль исходных карт играет таблицы. Атлас включает 186 таких карт. Сводные карты объединяют несколько исходных карт, посвященных одной проблеме.

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ КАРТ КИРГИЗИИ

Т.Шенкулов (Фрунзе)

В Отделе географии Института геологии АН Киргизской ССР ведутся работы по картографированию топонимии республики. Составлена серия мелкомасштабных топонимических карт, отражающих основные типы местных географических названий.

Рассмотрим один из типов топонимов - ойконимии и ее особенности. Названия населенных пунктов разнообразны в лексико-этимологическом и этимологическом отношении. Состоят они из нескольких языковых пластов. Основу современной ойконимии образуют киргизские названия (абсолютное большинство). В ее формировании участвуют также ирано-таджикская, монгольская и русская лексика. Собственные имена, возникшие на основе киргизского языка распространены по всей территории Киргизии, что видно из карты "Распределение названий поселений", составленной в масштабе 1 : 5 000 000.

Сведения о составе населенных пунктов имеются в справочнике "Административно-территориальное деление Киргизской ССР. 1980". Кроме него, в процессе работы использованы аналогичные издания 1965 и 1977 гг., а также материалы двух последних переписей (1970, 1979) населения. В республике насчитывается 1815 населенных пунктов (1980): 18 городов, 31 поселок городского типа и 1766 сел.

На карте отражены типы ойконимов по признакам номинации, показана их численность по основным группам и территориальное распределение по административным районам республики. Группировка ойконимов осуществлена по Э.М.Мурзаеву (1979) и В.А.Жучкевичу (1968).

Все названия подразделены на две группы: (1) названия, отражающие природные особенности; (2) названия, отражающие социально-экономические явления. Первая группа имеет следующие подгруппы: названия по признакам рельефа и почво-группам; названия по особенностям водных объектов; названия по видам растений; названия

по видам животных. Названия, отражающие социально-экономические явления подразделены на подгруппы: производственные, мемориальные; названия, происходящие от этнопонимов и антропонимов; названия культового и религиозного значения. На карте фоном (цвет, штрих) показано территориальное распределение основных групп (2) и численность ойконимов; круговыми и цифровыми обозначениями дана численность названий по признакам номинации (8).

Анализ ойконимов показал, что названия, отражающие природные особенности составляют меньшую часть (839 или 46% от общего числа ойконимов), тогда как названия социально-экономического характера - большую часть (976 или 54%). Определенное число ойконимов республики образованы историческими урбаническими терминами, такими как абад, базар, кент, коргон, кыштак, широко распространенными в Средней Азии. Названия населенных пунктов с участием этих лексем известны в Иргизии с давних пор. Новым в топонимии (ойконимии) Иргизии являются названия мемориального характера (291), свидетельствующие об огромных политических, социально-экономических изменениях, происшедших в жизни горной страны за годы Советской власти. Они состоят в основном из двух групп: названия по именам героев, деятелей партии и государства, культуры и исторических личностей (84); собственно киргизские названия, отражающие социально-экономические преобразования (121).

К ВОПРОСУ ВЫДЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНА

Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин
(Ленинград)

В Среднем Поволжье с давних пор живут различные по своему происхождению, языку, культуре и быту народы, у которых в результате длительных связей и взаимовлияний, возникли сходные культурно-бытовые черты. Этому способствовали и социально-экономические факторы, обусловленные одинаковым уровнем развития производительных сил, общей направленностью хозяйственной деятельности, расположением территории на восточных окраинах Русского государства, а также сходными природно-географическими

условиями Среднего Поволжья, занимающего обширные лесостепные пространства.

Историко-этнографический район Среднее Поволжье - категория историческая. Границы и этнический состав проживающих здесь народов менялись на протяжении длительного исторического периода. В своем современном виде Средневожский район начал складываться с середины XV в., с момента включения края в состав русского централизованного государства. Образование многочисленных сел и деревень с русским населением способствовало дисперсности в размещении местного населения, усилило контакты между этносами, привело к выработке общих хозяйственных и культурно-бытовых черт. Нами примерно определены границы района, связанные с основными потоками русской колонизации, шедшей преимущественно из центральных районов Русского государства. Правомерность выделения Среднего Поволжья как историко-этнографического района в указанных границах доказывается анализом материальной и духовной культуры, семейных и общественных отношений поволжских народов.

УКРАИНСКАЯ ОДЕЖДА НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ

Н. М. Калашникова (Ленинград)

Подготовка Молдавского историко-этнографического атласа (раздел "Одежда") связана с картографированием территории Молдавии со всеми населяющими ее народами (молдаванами, украинцами, русскими, болгарами, гагаузами и пр.). Определенная часть работы по сбору полевых материалов, которая проводилась в молдавских и украинских селах МССР, позволяет путем сравнительно-этнографического анализа и сопоставления результатов картографирования комплексов костюма, отдельных элементов одежды, терминологии очертить ареалы бытования различных типов украинской одежды на территории Молдавии. Существенным дополнением к полевым материалам явились вещевые и фотографические коллекции из собрания Государственного музея этнографии народов СССР, дающие возможность заполнения имевшихся лакун (конец XIX - начала XX вв.). Картотека, включившая в себя все источники: вещественные, письменные, иллюстративные, а также полевые материалы, приведенные к определенной территориальной единице - селу, по-

служили основой для составления этнографических карт.

Предварительные результаты можно сформулировать следующим образом: одежда украинского населения, проживающего на территории Молдавии, сохраняла до середины XX в. национальные особенности, проявлявшиеся в покрое, способе ношения костюма, характере украшений, терминологии и т.д., она была неодинаковой по своему назначению, социальной принадлежности, зависела от возраста и сезона. Основным элементом как женского так и мужского костюма была дмотканная рубаша различного покроя (туникообразная, с полликами, на кокетке). Женщины носили разнообразную поясную и плечевую одежду ("обгортку" на севере Молдавии, рбки - в центральных и южных районах МССР, платья - в северных и центральных районах, в Правобережье). Дополнением женского украинского костюма служили головные уборы: девушки носили венки, замужние женщины убирали волосы под "очипок", "мамитку" или "хустку".

В мужской комплексе кроме рубашки входила поясная одежда довольно разнообразная по материалу: полотняные штаны с широким шагом (повсеместно), те же штаны с узким шагом (северные районы), меховые штаны (северные и южные районы) и штаны из сукна домашнего производства (северные районы). Летом мужчины надевали соломенную шляпу "брыль", в холодное время года суконную или меховую шапку.

Верхняя одежда, как мужская так и женская из дмотканного сукна или овчины различалась по покрою, терминологии и месту бытования: "манта" и "кожух" - повсеместно; "бурка" - на севере и на юге; "чугай" - в центральных и южных районах. Детская одежда не имела особой специфики в покрое и повторяла одежду взрослых.

В конце XIX - начале XX в. в одежде украинского населения, проживающего в селах центральной части Молдавии, все большее место занимают фабричные ткани, идет процесс внедрения городской моды, что постепенно вызывает изменение традиционного покроя.

Полученные результаты предполагается соотнести с аналогичными сведениями по другим народам, проживающим на территории Молдавии, что позволит выявить дополнительные сведения об этнокультурной истории данного региона.

ТУРЕЦКИМ МАРГИНАЛЬНЫМ ВАРИАНТ ТУРКМЕНСКОГО КОВРОДЕЛИЯ

Е.Г.Царева (Ленинград)

Ворсовое ткачество туркмен - известный феномен культуры кочевых народов Востока. Зона его распространения - Средняя Азия (к западу от Аму-Дары), северный Иран, северный Афганистан. Помимо основной территории существуют маргинальные ареалы туркменского ковроделия. Один из них - дающий интересный тип развития, приспособления к местным условиям - ворсовое ткачество туркмен, проживающих на территории Турции.

Значительная часть турецких ковров XIII-XVI вв. была атрибутирована как продукция кочевых туркменских племен, пришедших в Центральную Анатолию в сельджукский период. Практически все эти ковры изготавливались на продажу. Исследования показали, что ареал распространения продукции такого рода, начиная с XIII в., был значительно шире, чем считалось ранее. Помимо стран средиземноморского бассейна, импортерами туркменских ковров из Турции являлись и страны Ганзы. Известно, что начиная с первых крестовых походов произошла резкая активизация распространения в Европе предметов восточного искусства. Это сказалось в мебелировке, некотором изменении стиля одежды, а также в появлении "восточных мотивов" в литературных и живописных сюжетах. Неотъемлемой частью этой "экспансии" был восточный ковер, в том числе туркменский. Помимо больших парадных ковров, широкое распространение в Европе получили и небольшие коврики, ткавшиеся кочевниками. При этом их сюжеты имели не восточное, а европейское происхождение, т.е. выполнялись с учетом требований рынка.

Влияние восточных сюжетов и орнаментов на европейское искусство - давний предмет исследования, а вот обратное влияние европейского искусства на восточное - гораздо менее изучено. В плане изучения ковроделия, например, можно вспомнить историю сюжета молитвенных ковров с лампой и колоннами на центральном поле, который традиционно считался турецким, а реально оказался созданием испанских евреев, переселившихся на восток после изгнания из Испании. Учитывая сказанное, представляется возможным пересмотреть представления о происхождении ряда мотивов, традиционных для туркменского ковроделия (в частности, геральдические сюжеты и, возможно, композиции с гёлями). Богатый материал может дать сравнение ранних ковров с ткаными изделиями стран Европы.

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА СУПРАСЕКМЕНТНОМ УРОВНЕ ПРИ
ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА БИЛИНГВАМИ
УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО АРЕАЛА

Э.Р.Шаяхметова (Уфа)

Естественное сосуществование самостоятельно развивающихся языков в Урало-Поволжском ареале ведет к многочисленным языковым контактам на всех уровнях. В этих условиях закономерно появление носителей двух и более языков, например, башкирского и русского, татарского и русского, башкирского, татарского и русского. Многолетние наблюдения за студентами-билингвами факультета романо-германской филологии Башкирского университета, представляющими собой пример смешанного двуязычия, показывают, что они хорошо владеют фонетическими моделями русского языка.

Исходя из того, что, с одной стороны, башкирский (татарский) язык для данных билингвов является родным и первым по отношению к русскому, а с другой — сфера употребления родного языка сузилась до рамок семьи и возрос удельный вес русского языка в общении билингвов, большое теоретическое и практическое значение имеет выявление степени интерферирующего влияния каждого из этих языков при изучении третьего, иностранного. В связи с этим определенный интерес представляет изучение отклонений от нормы интонационного оформления иноязычного предложения в реализации билингвов, так как в интонации, более чем в других аспектах языка, проявляется автоматизм речи.

С целью выявления наиболее устойчивых интонационных ошибок, которые в данной аудитории могут свидетельствовать об интерферирующем влиянии просодической системы башкирского (татарского) или русского языка, или о двойной (башкирской и русской) интерференции, было проведено экспериментально-фонетическое исследование интонации английских предложений, реализованных башкирско-русскими билингвами на разных этапах обучения английской интонации.

При помощи аудиторского анализа магнитных записей чтения английских предложений билингвами удалось установить участки неанглийской реализации интонационного контура английского предложения. Акустические параметры интонации: чистота основного то-

на, интенсивность и длительность, полученные в цифровом виде через ЭВМ при помощи специальных программ, помогли понять сущность интонационных ошибок в чтении английских предложений билингвами.

Данные анализа устойчивых интонационных ошибок, оставшихся у студентов на продвинутом этапе обучения, свидетельствуют об интерферирующем влиянии просодической системы русского языка, а не родного – башкирского или татарского языков, то есть о вторичной языковой интерференции на супraseгментном уровне.

Для того, чтобы сделать окончательные выводы о степени интерферирующего влияния просодических систем башкирского (татарского) и русского языков при обучении третьему (иностранному) языку в условиях смешанного двуязычия Урало-Повольского ареала, предполагается расширить эксперимент и привлечь к записи экспериментального материала студентов-билингвов с выраженным башкирским (татарским) акцентом в русской речи.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧУКОТСКОЙ ЯРАНГИ

Ю.В.Чесноков (Ленинград)

Яранга оленеводов занимает одно из первых мест в ряду культурных ценностей, позволивших предкам современных чукчей приспособиться к условиям Севера. Основу ее составлял каркас из шестов различной длины. В центре яранги устанавливались три шеста, которые соединялись между собой в верхней части. По периметру от них располагались треноги, число которых определяло размеры яранги. Треноги, как и основные шесты, имели в верхней части отверстия и соединялись при помощи ремешка. К каждой паре треног по кругу крепились перекладины, образующие нижнюю раму яранги. Верхнюю часть остова составляли шесты, нижние концы которых привязывались к вершинам треног, а верхние входили в кольцо, образованное ремешком, который соединял три основных шеста. Для придания яранге сферической формы с внутренней стороны устанавливались шесты с перекладинами, упирающимися в жерди верхней части остова. Сверху каркас покрывался двумя крышками трапециевидной формы, сшитыми из выделанных толстошерстных оленьих шкур. При помощи ремешков крышки крепились к шестам и треногам яранги. Благодаря форме крышек каркас жилища в верхней части не закрывался, образуя дымовое отверстие. В зад-

ней части яранги против входа подвешивали полог.

Вход яранги ориентировали на восток, юго-восток, благодаря чему северо-западная сторона яранги оказывалась более пологой. Конструктивные особенности яранги, позволяющие в зависимости от направления ветра изменять форму, и стриженный во́с с покрывшек снижали сопротивление ветру, препятствовали снежным заносам и обеспечивали устойчивость жилища.

В условиях продолжительной зимы велико было значение сохранения жилищем тепла. Повышение температуры в жилище влекло за собой увеличение влажности, что в условиях Севера оказывало пагубное воздействие на здоровье человека, приводило в негодность покрывшки яранги, одежду, утварь. Невысокая температура, даже при наличии топлива, поддерживалась в яранге целенаправленно. В качестве топлива использовали кедровый стланик, который хорошо горел и выделял много тепла. Благодаря круглой форме жилища тепло распределялось равномерно.

Полог шили из теплых зимних шкур, мехом внутрь. Пол остального помещения устилали ветками, поверх которых укладывали шкуры. Боковые стороны полога подгибались под шкуры, лежащие на полу. Полог обогревался жировой лампой и теплом человеческих тел. Поскольку температура в яранге была значительно ниже, чем в пологе, ночью мех в спальном помещении покрывался льдинками, которые необходимо было ежедневно счищать. В районах, где население было обеспечено дровами, в очаге на ночь оставляли тлеющие угли. Разница температур в яранге и пологе не была столь значительной и полог отсыревал гораздо меньше. Чукчи спали в пологе головой к очагу. Влажность в этой зоне была значительно ниже, поскольку прямоугольная передняя сторона полога получала максимальное тепло от очага. Летом для защиты от кровососущих в яранге разводили дымокуры. Для летних стоянок выбирались открытые восточным ветрам места. При перемене ветра вход делали с наветренной стороны. В жаркие летние дни яранга прекрасно защищала от жары. Сферическая форма жилища способствовала минимальному облучению солнечным теплом. При невысоком солнце площадь собирающей поверхности была относительно невелика. Конструкция яранги позволяла к тому же увеличивать или уменьшать размеры этой площади.

При проектировании и создании новых видов жилища для

оленоводческого населения Северо-Востока необходимо учитывать рациональные стороны традиционной яранги, создатели которой освоили этот регион и создали культуру оленеводов Чукотки.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАЛИЗМОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

М.З.Улаков (Нальчик)

Наряду с исконными элементами карачаево-балкарский язык сохранил определенные общие формы с осетинским языком. Так, в Черекском ущелье полностью сохранился иранский десятичный счет, которым по сей день пользуются балкарские животноводы. Лишь отдельные числительные из этой системы счета сохраняются в современном осетинском языке, и то как части сложных слов или компоненты терминов. Вероятно, что в прошлом древнеиранским десятичным парным счетом одинаково пользовались дигорцы и носители ч-диалекта балкарцев. Позже этот счет расширил ареал своего употребления. Однако в других ущельях Осетии и Балкарии он нашел слабое применение, а карачаевцам остался вообще неизвестным.

Региональный характер носят и некоторые овцеводческие термины карачаево-балкарского языка. Например, такие названия овец по возрасту, как зада "овца от двух до трех лет", узада "овца от трех до четырех лет", уртузада "овца от четырех до пяти лет", встречаются и в осетинском языке. При этом осетинские варианты этих терминов несколько отличаются в фонетическом и семантическом отношении. Для вычленения ареала распространения этой группы терминов важно отметить, что названия овец по возрасту совсем не известны карачаевцам.

В карачаево-балкарском языке ограниченный ареал распространения имеют также некоторые слова заимствованного характера, хотя они являются литературной нормой этого языка, например: уана "тень", хораз "петух" и др. Карачаевцы вместо этих слов потребляют их исконно турецкие эквиваленты: кедекке "тень", дуурукку "петух". Последние рассматриваются как регионализмы, поскольку карачаевцы составляют лишь часть ч-диалекта карачаево-балкарского языка.

Генетический анализ регионализмов карачаево-балкарского языка показывает, что они развивались не только за счет внут-

ренных ресурсов, но и в результате заимствований.

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ КАБАРДИНЦЕВ

С.Х.Мафедзев (Нальчик)

Свадебный ритуал – это разнообразие сменяющих друг друга обрядов. И в этой смене проявляются их особенности. Основными этапами свадебной обрядовости кабардинцев являются: традиционная "регистрация" брака, ввод молодой в "большой дом", примирение молодого со старшими рода (фамилии) и т.д.

В исполнении соответствующих обрядов наблюдаются существенные различия, которые касаются не только их очередности, но и содержания. Так, в селениях Урванского района вначале молодую торжественно вводят в "большой дом" (в комнату, где живут родители молодого). Там ее встречают только женщины. В Зольском и Баксанском районах этот ритуал исполняется после примирения молодого со старшими рода. При этом могут присутствовать и мужчины. Примирение молодого со старшими в Урванском и Терском районах происходит в два этапа, т.е. молодой "мирится" сначала со старшими мужского пола, а затем – с женщинами, тогда как в Зольском районе этот обряд является совместным. Особенностью этого обряда является и то, что старшие преподносят молодому бокал с хмельным напитком (махъсьмэ), который называется "чаша примирения". Традиционно она исходила от старших. Однако за последние годы в Баксанском районе наблюдается как бы обмен чашами. Старший преподносит молодому чашу примирения, а молодой, в свою очередь, угощает старших.

Различия в свадебных обрядах кабардинцев по районам наблюдаются и в терминологии. Так, обряд "регистрации" в Терском районе называют уасэлу, а в других – ночьхытх; обряд звонка молодой в "большой дом" в Терском районе – нысаплэ, в Урванском – унэишэ. Объясняется это тем, что в традиционной свадьбе под этими терминами существовали отдельные самостоятельные обряды, которые со временем смешались. Поэтому в одних районах сохранился один термин, в других – иной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АГАЕВ А.Г. О диалектологическом атласе азербайджанского языка (животноводческие и земледельческие термины)	3
АГАЕВ А.Г., МАМЕДОВ Н.Х. О сборе материалов для ДАТЯ	4
АЛЕКСЕЕВ И.Е. Распространение варгана у народов СССР	5
АНФЕРТЬЕВ А.Н. Ранние славянские миграции в историко-географической перспективе	6
АРКШИН Г.Б. Атлас охотничьей лексики.	7
АРСЛАНОВ Л.Ш. Об атласе тюркских языков Нижнего Поволжья и Ставропольского края	8
АРТЮХ Л.Ф. Типологические особенности свадебного печенья украинцев (к проблеме картографирования)	9
АТАНОВА Л.П. Башкирская песня "Маклашка" и ее ареальные метаморфозы	11
АХМЕДОВ В.Б. О распространении лексических изоглосс (на материале азербайджанского языка)	12
БАБЕНКО В.Я. Опыт картографирования расселения украинских переселенцев в Башкирской АССР (конец XIX - XX в.). . .	13
БАЙБУРИН А.К., ВАХТИН Н.Б. К этнолингвистическому исследованию северо-восточного ареала	14
БАСЛАКОВ Н.А. Исторические атласы тюркских языков и диалектов	16
БАХЧИЕВ А.З. Карта и анализ пространственных отношений . .	17
БАХЧИЕВ Г.З. О комплектовании научных архивов учреждений АН СССР экспедиционными материалами	18
БЕРЕЛТУЕВА Д.М. О лингвогеографическом исследовании взаимствованной лексики в эвенкийских диалектах	19
БЕСПЯТЫХ Н.Г. Лингвистический атлас Англии (принципы картографирования)	20
БИКБУЛАТОВ Н.В. Вопросы ареального изучения этнографии башкир	21
БЛАГОВА Г.Ф. Приемы ареально-исторических исследований (грамматические микросистемы тюркского отклонения в юго-восточном регионе)	23
БОГОМОЛЕЦ В.К. Карта "Литература мира"	24

БОНДАРЧУК Н.С., ИРИЛЛОВА Т.В. К проблеме ареальных исследований центральных говоров	26
БОРДИНА М.А. Ареалогия и типология ареалов	28
БРОМЛЕЙ С.В. Принципы выделения объектов лингвогеографии и их структура	28
БУКИНСКАЯ И.А., КАРМАЮВА О.Е. К методике составления лексических карт (на материале диалектологического атласа русского языка	29
БУЛАТОВА Н.Я. О подготовке новой диалектологической карты эвенкийского языка	31
БУРЫЛИН А.А. Лингвистические материалы XVIII-XIX веков как источник изучения исторической диалектологии эвенского языка	32
БУРЫЛИН А.А., СПЕВАНОВСКИЙ А.Б. К ареальной интерпретации лексических сходжений айнского языка с алтайскими языками	34
БЫСТРОВА И.С. Словарь как источник составления карт	35
ВАЛЕЕВА-СУЛЕЙМАНОВА Г.Ф. Заказанье - центр традиционной культуры казанских татар	36
ВАСИЛЬЕВ Д.Д. Источниковедческий аспект картографирования торжских рунических памятников	37
ВАСИЛЬЕВ А.О., ЮЖИНА Н.А. Принципы организации лексических карт лингвистического атласа Европы (ЛАЕ)	39
ВАСИЛЬЕВА Г.П. Опыт картографирования орты народов Средней Азии и Казахстана	40
ВЕРБИЦКАЯ Л.А. Внутрязычковая интерференция (теоретические и практические аспекты)	42
ВОЛОХ М.Г. Региональные и национальные атласы	43
ВОРОНЦОВА Г.В. Некоторые принципы описания норвежских диалектов (на материале севернорвежского диалекта фолька Нурланн)	44
ГАРЕЕВА Г.Г. Ареальное отражение женского нагрудного украшения	45

ГАРИПОВ Т.М. Картографирование социальных функций национальных языков Урало-Поволжского ареала	46
ГЕЙЛЬМАН Н.И. О некоторых вопросах редукиции согласных в диалектной и литературной разговорной речи	47
ГЕРД А.С. Этногенез и картографирование	49
ГЕРЦЕНБЕРГ Л.Г., КАЗАНСКИЙ Н.Н. Перспективы ареально-картографического исследования лингвистической реконструкции	50
ГЕЦАДЗЕ И.О. Ареальное распространение лексических явлений и вопросы атласной картографии (на материале иберийско-кавказских языков)	53
ГРАВОВСКИЙ В.П. Лингвистическая карта как источник изучения истории языка	54
ГРАЧЕВА Г.Н., ХЛОБЫСТИН Л.П. Отражение экологических факторов и этнических показателей в средствах передвижения самодийских народов.	55
ГРУНИЦА Э.А. Еще раз к вопросу о форме настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы	56
ГУЦОЛ Н.Н. К вопросу картографирования традиционных жилищ коренных народов северо-востока Азии и северо-запада Америки	57
ДЗЕНДЗЕЛЕВСКИЙ И.А. К вопросу о содержании комментариев к лексическим картам (на материале славянских лингвистических атласов)	59
ДИЛЬМУХАМЕТОВ М.И. Изолинии гласных а, э в диалектах башкирского языка	60
ДОМАШНЕВ А.И. К изучению структуры национального языка	61
ДОНАДЗЕ Н.З. О лингвистическом атласе Европы (ЛАЕ)	63
ДУМНЕ А.А. Основные итоги обобщающего картографирования экстенсивного молочного животноводства в Латвии.	65
ЕГОРОВ Н.И. К ареальному изучению среднебулгарских лингвистических и этнокультурных интерференций в Волжско-Уральском регионе.	66
ЕЛЮЕВА Ф.А. Лингвогеографическая специфика новогреческих диалектов	67
ЕДАНОВА О.А. О румынских лингвистических региональных атласах	69
ЕДАНИЮ Т.А. Проблемы картографирования хозяйства в историко-этнографическом атласе Средней Азии и Казахстана.	70

ЗУБОВА Т.Е. Лингвистические атласы в курсе истории французского языка	72
ИГНАТИНА Л.В. Диалектные явления в речи горожан	73
ИВАНОВ В.П. К вопросу о координации атласной картографии в Средневолжском регионе	74
ИВАНОВ С.В. Типы антропоморфной скульптуры народов Сибири (по материалам XIX–XX вв.)	76
ИВАНОВА А.Ф. Специфика составления одного из атласов центральной зоны (ЛАМО)	77
ИСКАКОВ Д.М. Территориальная вариативность традиционных норм брачного возраста у татар	79
ИШБУЛАТОВ Н.Х. Северо-восточные говоры башкирского языка и их отношение к восточным тюркским языкам	80
КАМАЕВ Ф.Х. Башкирские свадебные причеты (некоторые итоги рассмотрения их ареала и музыкально-поэтической структуры)	82
КАМАЛОВ А.А. Башкирская топонимия в ареальном отношении.	83
КИСЕЛЕВА Н.Н. Региональные словари и тексты как источники лингвистического картографирования	85
КОБЫЧЕВ В.П. Тип и ареал: проблема вычленения и функционального соотношения (на примере народного жилища Кавказа)	86
КОЖОЛЯНКО Г.К. Проблемы картографирования материальной культуры сельского населения северной Буковины XIX – начала XX в.	87
КОСМИНА О.Ю. Источники по изучению ареальной вариативности народного жилища украинцев и белорусов Полесья	89
КОСМИНА Т.В. Динамика зональной вариативности сельского жилища Украины (по материалам историко-этнографического картографирования)	90
КРЕЙНСКИЧ Б.А. О викариро-финноугорских языковых связях	92
КРУЧИНИНА А.А. Этнографические диалектизмы в лингвистическом атласе Валлонии и валлонских региональных словарях	94
КРЮКОВА И.В. Лингвистический атлас Ирландии	95
КРЮКОВА Е.Р. Картографирование отдельных лингвистических явлений и языковые союзы Азии	97

КУЗЬЕВ Р.Г., Моисеева Н.Н. Ареальные методы выделения этнографических групп на территории Башкирии в ХУП-ХІХ вв.	98
КУЗЬМЕНКО Ю.К. О принципах создания просодической карты Скандинавии	101
КУЗЬМИЧ Н.Г. Некоторые особенности Атласа диалектов немецкой Швейцарии	102
ЛАУЧОТЕ Ю. Пространственные особенности полесских лексических изоглосс и их интерпретация	103
ЛЕПКОВА Л.Н. Принципы составления вопросника для Обзора английских диалектов Х. Ортона и Ю. Дита	104
ЛИВАНОВА Л.Н. Лингвогеография тонического акцента в норвежском и шведском ареалах	106
ЛЯШЕВ В.А., НАСИБУЛЛИН Р.Ш. Аспекты картографирования пермской лексики	107
ЛУЖЕЦКАЯ Н.Л. К вопросу о картографировании распространения социальных институтов (на примере Восточного Гиндукуша конца ХІХ в.).	108
МАКСУТОВА Н.Х. Диалектологический атлас башкирского языка (итоги и задачи)	110
МАЛОМЕТОВА З.А. Ареальное распределение и генезис французского <i>ici</i>	111
МАРУНЕВИЧ М.В. О работе над историко-этнографическим атласом Молдавии	112
МАТВЕЕВА С.А. К историко-лингвистическим условиям образования креольских языков	114
МЕНОВЩИКОВ Г.А. Эскимосско-алеутский языковой ареал	114
МИЛЮЧЕНКОВ С.А. Вопросы ареального изучения традиционных ремесел и промыслов Белоруссии	116
МИНАСОВА Н.А. Лингвистический атлас Пиренейского полуострова и функционально значимые фонетические ареалы	117
МИРЖАНОВА С.Ф. Указательные местоимения <i>ошо, шул, шу, шуш</i> "это" в говорах башкирского языка по данным лингвогеографии	118
МИХАЙЛОВ В.А., СУХАЧЕВ Н.Л. Атласная картография и ареальные исследования	119
МОРОЗОВ И.А. Об опыте картографирования фольклорных текстов (на материале восточнославянских народных игр).	121

МОРОЗОВА Т.М., ПЫХОВ В.А. К вопросу о составлении много- темных карт ОЛА	123
МУЛЛАГУЛОВ М.Г. Лесные промыслы и деревообработка у башкир	125
МЯЧИНСКАЯ Э.И. Некоторые историко-культурные факторы рас- пределения изоглоссы на территории Англии	126
НАДЕРГУЛОВ У.Ф. К проблеме реализации некоторых анлаутных согласных башкирского языка	127
НИКОНОВ В.А. Карта - не иллюстрация	128
ОРАЗОВ А. Традиционные обычаи и обряды у туркмен, связан- ные с кочевым жилищем	129
ОФАРИДАЕВ Н. К вопросу картографического изучения субстрат- ной топонимии юго-восточного Таджикистана	130
ОШУИД Е.И. Модификация сегментных единиц в речи жителей Ярославля	130
ПАВЕЛ В.К. Составные наименования как объект картографи- рования	131
ПАНДА Е.Д. Ареальный анализ композита в диалектах венгер- ского языка	133
ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ Е.В. Атлас валлийского языка и задачи исто- рической диалектологии	134
ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ Е.В., РУСАКОВ А.Ю. Лингвистические ареалы и внешние контакты (севернорусский диалект цыганского языка).	136
ПЕТЕРСОН А. Проблемы картографирования построек финно- угорских народов, занимающихся земледелием	137
ПЛИСИУ Л.К. Ареальный аспект номинации растений в лингвис- тических атласах французского языка	139
ПОГОСОВ Э.С. Лингвогеографическое положение Black English	140
ПОДОЛЬСКАЯ Н.В., Шайхулов Л.Г. Методологические аспекты составления "Атласа турецких топонимов Волго-Камско- Уральского лингво-этнолингвистического региона".	142
ПОКРОВСКАЯ Л.А. Опыт полевого обследования говоров гагауэ- ского языка на территории Молдавской ССР	143
ПОРОХОВА О.Г. К вопросу изучения островных говоров	144
ПОПОВ И.А. О некоторых аспектах лингвогеографического изу- чения диалектной лексики	146
ПОПОВА Н.В. Проблема включения сложных предлогов в лекси- ческий атлас русских народных говоров	148

РАБИНОВИЧ М.Г. К использованию метода динамических ареалов в этнографическом описании	149
РЕШЕТОВ А.М. Этническая картография в ИНР	150
РУДНЕВ В.В. Традиционные метеорологические вянания (ареальный аспект)	152
РУСАКОВ А.Ю. О некоторых изоглоссах на лингвистической карте Албании	153
СЕЛИВАЧЕВ М.Р. Из опыта картографирования народного искусства в украинско-молдавской контактной зоне	155
СЕРГЕЕВА Т.А. Фонетическая вариативность в городской речной русской речи	156
СМИРНИЦКАЯ С.В. Франкская область на современной лингвистической карте (опыт типизации изоглосс).	157
СОБОЛЬ Ю.А. Островные ареалы норвежского языка в США	159
СУДАКОВ Г.В. К проблеме лингвогеографического изучения русской лексики XV—XVI вв.	160
СУСЛОВА С.В. Из опыта картографирования татарских женских украшений	161
ТИТОВ В.С. Выбор этнографических реалий и их картографирование при исследовании традиционной материальной культуры	162
ТОЛСТАЯ С.М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу: Солнце играет	164
ТОЛСТОЙ Н.И. О Полесском этнолингвистическом атласе	165
ТОХТАСЬЕВ С.Р. К характеру этнолингвистической и этнополитической ситуации на Балканах в V—VI вв. н.э.	167
УДЛЕР Р.Я. Общекарпатский диалектологический атлас (первый выпуск)	169
УМУРЗАКОВ С.У. Полевые и топонимические исследования в Киргизии	170
УРМАНОВА Э.Т. Топонимические карты как компонент лингвистических атласов	171
УРАКСИН Э.Г. Ареальные признаки топоформантов	172
УСМАНОВА М.Г. География топонимов, связанных с племенем берейн (буряев)	173
САЛИКОВА Р.Х. Ареальные признаки тюрки Урало-Поволжья и их роль в формировании башкирского литературного языка	174

- ХИСАМИТДИНОВА Ф.Г. К ареальной характеристике названий с болгарскими чертами в топонимии Башкирии 178
- ЦАРОЕВА М.Г. Лингвистические карты как источник определения диалектной основы французского литературного языка . .176
- ЧАКВИН И.В. Этнонимические ареалы в контексте изучения историко-этнографических областей (на примере белорусско-украинского Полесья) 177
- ЧИТАЯ Г.С., РУХАДЗЕ Дж. О работе над историко-этнографическим атласом Грузии 178
- ЧЛЕНОВ М.А. Об ареальном подходе к изучению систем родства. 180
- ШАЙХУЛОВ А.Г. Некоторые особенности картографирования и этнолингвистической интерпретации ономастических единиц (на материале проектирующегося "Атласа антропонимов тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона"). 180
- ШИТОВА С.Н. О происхождении туникообразного покроя, распространенного у башкир и других тюркоязычных народов Поволжья 182
- ШИРОВОКОВА Н.Н. Диалектологический атлас тюркских языков СССР 183
- ЭШЕНКУЛОВ Т. Из опыта составления топонимических карт Киргизии 185
- БУСЫГИН Е.П., ЗОРИН Н.В. К вопросу выделения Среднего Поволжья как историко-этнографического района 186
- КАЛАШНИКОВА Н.М. Украинская одежда на территории Молдавии. 187
- ЦАРЕВА Е.Г. Турецкий маргинальный вариант туркменского ковроделия 188
- ШАЯХМЕТОВА Э.Р. Языковая интерференция на супрасегментном уровне при изучении иностранного языка билингвами урало-поволжского ареала 190
- ЧЕШОКОВ Ю.В. Экологические особенности чукотской яранги . 191
- УЛАКОВ М.З. Происхождение некоторых регионализмов карачаево-балкарского языка 193
- МАБЕДЗЕВ С.Х. Картографирование некоторых свадебных обрядов кабардинцев 194

Ротапринт БФАН СССР. Уфа-54, проспект Октября, 71. Подписано к печати 10.01.1985 г. П11115. Зак. № 9 Тир. 500. Цена 1 р.50 к.

Цена I р. 50 к.